

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ-

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КУЛЬТУРОЛОГ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ
ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ-
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КУЛЬТУРОЛОГ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом Университета,
протокол № 5 от 07.11.06

Санкт-Петербург
2007

Рецензенты:

В. Л. Янин, доктор исторических наук, профессор,
академик Российской Академии наук, заведующий кафедрой археологии
исторического факультета МГУ;

В. Г. Костомаров, доктор филологических наук, профессор,
академик Российской Академии образования, президент
Института русского языка им. А. С. Пушкина,
Заслуженный деятель науки РФ;

С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного университета культуры
и искусств, Заслуженный деятель науки РФ;

Б. Л. Васильев, писатель, член Союза писателей Москвы,
член Союза кинематографистов России;

А. А. Вознесенский, поэт, академик Российской Академии образования

Запесоцкий А. С.

331 **Дмитрий Лихачев** — великий русский культуролог. —
СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. — 298 с.: 8 с. ил. —
(Новое в гуманитарных науках; Вып. 21).

ISBN 5-7621-0311-0

В книге известного отечественного ученого, профессора, доктора культурологических наук, члена-корреспондента Российской Академии образования, ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов А. С. Запесоцкого анализируется многомерное научное наследие академика Д. С. Лихачева.

Обсуждается научный метод Дмитрия Лихачева, исследуются его культурологические воззрения, взгляды на российскую историю, природу искусства, русскую словесность, феномен российской интеллигенции. Перед читателем предстает и Лихачев — просветитель, педагог, организатор науки, общественный деятель, гражданин. Особое место уделяется «Декларации прав культуры».

Отдельные главы книги написаны в соавторстве с профессорами СПбГУП Ю. В. Зобниным, Л. А. Санкиным, Т. Е. Шехтер, преп. Ю. А. Запесоцким.

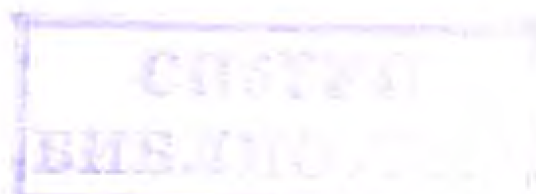
Издание приглашает к дискуссии представителей академической науки, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных вузов, а также широкие круги российской общественности.

ББК 71.0

ISBN 5-7621-0311-0

© Запесоцкий А. С., 2007

© СПбГУП, 2007

КТО — МЫ? ОТКУДА — МЫ? ЗАЧЕМ — МЫ?

Мы — единственный народ в мире, который называет себя именем прилагательным: РУССКИЕ. Почему? Ведь прилагательное подразумевает принадлежность кому-то: «Чьих же будете?», — как спрашивали в старину.

С материка нашей культуры. Его существование открыл наш гениальный современник Дмитрий Сергеевич Лихачев, заслужив этим вечную память и благодарность России. Мы поняли силу свою, поднявшую весь народ с колен. Мы сохранили мощь внутреннюю, духовную — свою единственную в мире уникальную культуру. Да, мы выстояли, выпрямились только потому, что под нами лежал созданный нашими предками великий материк культуры. Мы черпали силы из этого материка. Силы наших предков и нашей религии, мощь национальной памяти и гордость самопожертвования, свое право подняться с колен и вздохнуть полной грудью.

Идущий вослед первым прийти не может: все уже точно очерчено и доказано уникальной работой Дмитрия Сергеевича. И я, старый русский писатель, низко склоняю голову перед светлой памятью великого ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Читателю этой книги предстоит ознакомиться с прекрасной, многогранной научной работой А. С. Запесоцкого, которая несет в себе много нового и побуждает к размышлениям. Я поздравляю всех нас с выходом в свет данного исследования.

Б. Л. Васильев,

*писатель, лауреат Государственной премии,
лауреат премии Президента РФ в области
литературы и искусства**

---

* СПРАВКА ДЛЯ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ

ВАСИЛЬЕВ Борис Львович — выдающийся российский писатель. Родился в Смоленске 21 мая 1924 года. В 1941 году ушел на фронт добровольцем. В 1943 году был контужен в бою под Вязьмой. Окончил военно-техническую академию бронетанковых войск. Работал инженером-испытателем.

Публикуется с 1954 года. Известность писателю принесла напечатанная в 1969 году в журнале «Юность» повесть «А зори здесь тихие...». В произведениях Б. Васильева на первый план выдвигаются проблемы любви, верности, товарищества, сострадания, нравственного долга.

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Дружбы народов, многими медалями.

ИЗУЧЕНИЕ ТРУДОВ Д. С. ЛИХАЧЕВА СТАНЕТ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ЕГО ЖИЗНИ

Предлагаемая читателям книга посвящена научному и нравственному наследию Великого Ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева. Масштаб его творческой личности убедительно раскрыт в ней профессором А. С. Запесоцким и его коллегами на фоне истории отечественной и мировой науки последних двух столетий.

Данное исследование замечательно в первую очередь тем, что представляет взгляд на труды Д. С. Лихачева с передовых позиций современного знания. Это — взгляд из XXI века. Хорошо известно, что исторический процесс развития любой науки на определенном этапе ведет к неизбежной дифференциации знания. Время энциклопедистов пережило предзакатный всплеск в XVIII веке. Сегодня любые энциклопедии являются плодом объединения усилий специалистов самых разных профилей, работающих в рамках той научной дисциплины, которая стала предметом их профессионализма. Что касается гуманитарной области, то она только внешне долго демонстрировала уже утраченное единство, упорно создавая в университетах историко-филологические факультеты, хотя работавшие на них историки и филологи ставили перед собой разные цели. Более того, с начала XIX столетия филология распалась на литературоведение и лингвистику, а историческая наука начала создавать специальные дисциплины, которые стыдливо назывались и до сих пор называются «вспомогательными».

Между тем каждая из таких дисциплин разрабатывает сложные исследовательские методики, требу-

ющие немалых усилий для овладения ими, вырабатывает свой «птичий» язык, понятный посвященным, и в результате замыкается в собственном кругу. Нумизматам не нужна текстологическая методика, которую вслед за Д. С. Лихачевым виртуозно разрабатывают исследователи летописания, а текстологи прекрасно обходятся без взвешивания старинных монет и сличения их штемпелей. Генеалоги находят свое рабочее место в архивах, из окон которых не видно, чем заняты археологи. Археологам как будто ни к чему переступать пороги архивохранилищ. Подобный путь дифференциации переживает и филология, в которой явно различаются цели литературоведения и лингвистики, тесно соприкасающиеся лишь при изучении древнейших памятников письменности.

Столкновение результатов, добытых в рамках специальных дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников рамками однородного материала в любом случае ведет и к ограниченности результата их исследования. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук или научных дисциплин, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации.

Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников интеграции гуманитарной науки. Предметом его исследований была филология во всех ее ракурсах, история и искусствоведение, изучаемые в их неизбежных пересечениях. Он открыл для себя и для всех нас то связующее звено, которое соединяет эти прежде дифференцированные дисциплины. Базисом любого национального развития, как это было им доказано, является культура, составляющими частями которой были письменность и язык, архитектура и живопись, музыка и философия. Такой подход к сумме разнообразных источников культурного развития представляет собой основу новой обобщающей науки — культурологии, пионером которой стал Д. С. Лихачев.

Данная книга о Лихачеве успешно продолжает современную тенденцию интегративного осмысления явлений, приближая читателя к целостности взгляда на лихачевское наследие. В связи с этим научная убедительность книги представляется неслучайной — публикуемый текст рожден в одном из значительных по мировым масштабам культурологическом исследовательском центре, коим стал к концу XX века Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

Как справедливо отмечает профессор А. С. Запесоцкий, ощутимым результатом лихачевских исследований русской культуры является утверждение ее общности с европейской культурой (тезис, противоположный евразийскому убеждению). Древняя Русь возникла на «пути из варяг в греки», питавшем ее культуру византийским влиянием. Результатом стало близкое совпадение этапов национального развития стран данного региона вплоть до обоснованного Д. С. Лихачевым периода «Предвозрождения». Затем в XVII и XVIII столетиях максимально усиливается прямое западноевропейское воздействие.

Д. С. Лихачев был не только Великим Ученым, но и Великим Человеком. Испытав радость одного из первых читателей еще машинописного варианта этой книги, я пережил ощущение новой с ним встречи, теплоту его рукопожатия, доброту его благожелательности, готовность всегда помочь в неожиданных жизненных трудностях...

Дмитрий Сергеевич всегда полагал, что биографию ученого составляет не мишура почетных званий и наград, а исключительно его творческие достижения. Недавно один из киевских историков поделился с читателями очень характерным воспоминанием. Много потрудившись над подготовкой юбилея Киева, он, в отличие от других, был обойден наградой и посетовал о том Д. С. Лихачеву. Тот спросил его: «А знаете, сколько орденов было у В. О. Ключевского?» — «Нет, не знаю». — «Ордена у него, конечно, были, но мы знаем не его награды, а труды. Они для ученого — главное».

Труды Д. С. Лихачева еще много раз будут переиздавать и изучать новые поколения читателей. И эти труды станут продолжением его жизни.

В. Л. Янин,
*действительный член Российской Академии наук,
советник Президиума РАН, заведующий кафедрой археологии Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова, руководитель Новгородской
археологической экспедиции,
доктор исторических наук, профессор**

---

* СПРАВКА ДЛЯ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ

ЯНИН Валентин Лаврентьевич — выдающийся российский ученый-гуманитарий, археолог, историк. Родился 6 февраля 1929 г. в г. Киров (Вятка). В 1951 г. окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1963 г. за книгу «Новгородские посадники» присуждена ученая степень доктора исторических наук. С 1962 г. начальник Новгородской археологической экспедиции. В 1966 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1990 г. — академиком РАН. С 1991 по 2001 г. член Президиума РАН, с 2001 г. — советник Президиума РАН.

Автор более 700 научных книг и статей. Его работы публикуются во многих странах: Америке, Англии, Бельгии, Германии, Дании, Франции, Швеции, Японии и др.

Лауреат Государственной премии СССР (1970), Государственной премии России (1996), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), Российской независимой премии «Триумф» (2002). Награжден орденами Дружбы народов (1975), Трудового Красного Знамени (1980), Ленина (1990). Первый и единственный среди гуманитариев награжден высшей наградой Российской Академии наук — Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова (1999) и золотой медалью С. М. Соловьева (1999).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ (от автора)

Прежде чем читатель начнет перелистывать страницы этой книги, хочу сказать несколько слов о ее замысле. У вас в руках не «академический труд», претендующий на истину в последней инстанции, а своего рода «пилотный проект», рассчитанный на инициирование научно-общественного обсуждения наследия великого русского ученого и мыслителя XX века, академика Дмитрия Лихачева.

Дмитрий Сергеевич избрал наш Университет для сотрудничества в 1990-е годы, на завершающем этапе своего жизненного пути, и, разумеется, мы испытываем чувство родственной сопричастности к этому удивительному человеку.

Готовясь к 100-летию Д. С. Лихачева, Университет издал две книги. Одна включает в себя 16 лихачевских текстов, созданных в ходе его работы в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов¹, другая — избранные труды о культуре². Уже в процессе написания предисловий к этим изданиям я испытал чувство боли — от сознания невостребованности работ Дмитрия Сергеевича и российской наукой, и современным обществом.

Отечественные гуманитарные науки развиваются в постсоветский период стремительно. Сказываются отсутствие идеологического диктата, возможность свободной публикации работ, развитие новых информационных технологий. В связи с этим Лихачев, казалось, должен быть осно-

---

¹ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006.

² *Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре* / СПбГУП. СПб., 2006. (Почетные доктора Университета).

вательно включен в контекст современного развития научной мысли, ведь многие из его идей чрезвычайно перспективны. Однако их потенциал не реализуется. Вместо этого СМИ нередко пичкают страну псевдоинтеллектуальной продукцией сомнительных персон. Явно недостаточно труды Дмитрия Сергеевича знают новые поколения россиян, в том числе и молодые ученые, не говоря уже о студенчестве и школьниках.

В создавшейся ситуации для Университета самый лучший способ почтить память академика — предложить научно-педагогической общественности, средствам массовой информации дискуссию о его научном наследии. Эта книга и является таким предложением, приглашением к диалогу. Хочется надеяться, что многое в ней вызовет желание поспорить, дополнить, предложить иные концепции, иные версии ответов на вопросы и иные вопросы.

В сегодняшней ситуации мне как автору, да и Университету в целом, обсуждение, дискуссия важнее принятия научным миром и общественностью тех или иных научных положений. Замечу, что по роду деятельности я изначально не являюсь академическим ученым. Университетскому профессору важнее побудить студенчество, молодежь размышлять и спорить об идеях Лихачева, чем преподносить новым поколениям канонизированные образы и постулаты. Известно, что верность традициям — это не хранение пепла, а поддержание огня.

Хотя и истины знать тоже необходимо. Кроме того, хочется приблизиться к постижению Лихачева и получить от его работ новые импульсы к дальнейшим исследованиям.

В связи с этим я прошу всех, кому эта книга покажется заслуживающей внимания, присылать свои мнения, отзывы, тексты, публикации в СПбГУП (наш адрес: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; e-mail: info@gup.ru; сайт: <http://www.gup.ru>). Обсуждение лихачевской проблематики будет продолжено нами на ежегодных майских международных Лихачевских научных чтениях и на университетском сайте «Площадь Лихачева» (<http://www.lihachev.ru>).

По прошествии некоторого, надеюсь, небольшого времени мы собираемся переиздать эту книгу (с учетом ре-

зультатов планируемой дискуссии) в формате, более близком к академическому.

Хочу с большой теплотой высказать слова благодарности профессорам Р. С. Милонову и В. Е. Триодину, представившим наш Университет в 1992 году Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Без них не было бы ни работы Д. С. Лихачева в СПбГУП, ни этой книги.

Весьма признателен я за труды над данным изданием соавторам его отдельных разделов — профессорам нашего Университета Ю. В. Зобнину, Л. А. Санкину, Т. Е. Шехтер и аспиранту Юрию Запесоцкому. Спасибо за исключительно ценные советы и замечания, атмосферу товарищеской дискуссии, сопровождавшие нашу работу, моим замечательным коллегам по СПбГУП — профессорам: философу и культурологу А. П. Маркову, культурологам Е. А. Кайсарову и Ю. М. Шору, историку А. А. Михайлову, философу Н. И. Фатиеву. Спасибо за совместную работу директору Научной библиотеки СПбГУП Е. П. Ефимовой и главному библиографу Т. Д. Дягилевой, директору университетского издательства А. Н. Бузулукскому и его коллегам, в частности, литературному редактору Е. А. Монаховой. Без их блестящего профессионализма и сверхурочного труда книга не вышла бы к юбилею Д. С. Лихачева.

Спасибо рецензентам, взявшим на себя труд читать тексты рукописи, — высокопочтимым мною академиком В. Л. Янину и В. Г. Костомарову, профессору С. Н. Иконниковой, писателю Б. Л. Васильеву, поэту А. А. Вознесенскому.

Отдельная и самая большая благодарность автора — моей супруге Наталии, самоотверженно набравшей на ноутбуке материалы публикуемой книги в наши с ней зимние и летние каникулы.

После всего сказанного остается только пожелать, чтобы книга обрела своего читателя.

Александр Запесоцкий

ВВЕДЕНИЕ

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Как это ни парадоксально звучит, но думается, что мы еще недостаточно хорошо знаем академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не имя его — оно, слава Богу, известно широко. В общественном сознании Лихачев прочно укоренился в виде риторических штампов: «совесть нации», «нравственный идеал», «последний российский интеллигент». Нет ничего плохого в том, что образ великого человека становится доступным народу хотя бы на уровне массовой культуры. Однако научный мир еще недостаточно глубоко изучил лихачевские труды. Осмысление научного и нравственного наследия ученого только начинается.

А между тем, даже «ленивая и нелюбопытная», по словам Пушкина, российская общественная мысль должна была заметить, что дважды за минувшее пятилетие — в 2001 и 2006 гг. (в год 100-летнего юбилея академика) — Президент России В. В. Путин издал указы³, предлагающие стране увековечить память Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не только в нашей новейшей, но, полагаю, во всей российской истории не было случая, чтобы государство дважды за столь малый срок продемонстрировало свою заинтересованность в сохранении памяти об академическом ученом.

В этом исключении из правил видится признание особой роли Дмитрия Сергеевича Лихачева даже не столько в прошлом и настоящем нашей страны, сколько в ее будущем.

---

³ Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.; Указ Президента РФ В. В. Путина «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева» № 110 от 14 февраля 2006 г.

В чем эта роль?

Заметим, что до сих пор не только в массовом сознании, но и в восприятии научных кругов академик Лихачев фигурирует исключительно как филолог-литературовед, исследователь древнерусской словесности, главный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Но только в таком качестве Дмитрия Сергеевича подобное внимание со стороны государства к нему выглядело бы странно. Разумеется, Д. С. Лихачев — блистательный филолог-«древник», его заслуги в деле развития и популяризации этой области нашей науки велики. Но, будучи звездой первой величины в плеяде ученых, посвятивших себя изучению наследия Древней Руси, он отнюдь не затмевает собой другие светила.

Для того чтобы это понять, достаточно совершить даже самый беглый экскурс в историю данного раздела отечественной филологии, зафиксированную в знаменитой серии «Трудов отдела древнерусской литературы». Отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме был создан в 1933 г. (тогда, впрочем, он был сектором), стараниями академика А. С. Орлова. В 1947 г. его возглавила член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц, она же и пригласила Лихачева в Институт русской литературы, а потом передала ему руководство сектором. То есть, когда Лихачев возглавил это подразделение Пушкинского Дома, там уже были свои традиции. Огромная и бесценная для науки работа по собиранию и систематизации древнерусских источников была проведена В. И. Малышевым, который ездил в экспедиции по Русскому Северу и доставил в хранилище Пушкинского Дома множество памятников древнерусской литературы.

А если заглянуть в прошлое еще дальше, то мы увидим несколько замечательных поколений собирателей, подобных тому же А. И. Мусину-Пушкину (о котором благодаря открытию «Слова о полку Игореве» знает каждый прилежный школьник) и его сподвижникам, тонким знатокам древнерусских рукописей А. Ф. Малиновскому и Н. Н. Бантыш-Каменскому. В XIX в. изучение наследия Древней Руси связано с целым рядом деятелей науки и культуры, среди кото-

рых — безусловные национальные лидеры, властители дум своей поры от В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина до А. А. Потебни и Ф. И. Буслаева.

Заслуга Дмитрия Лихачева состоит в том, что он сумел систематизировать весь ранее накопленный материал и поднять изучение древнерусской литературы на совершенно новый, современный научный уровень. Но говорить о некоей исключительной его роли в данном направлении развития отечественной научной мысли нельзя. **Людям, лично знавшим Дмитрия Сергеевича, понятно, что сам Лихачев был бы, мягко говоря, огорчен предположением, что благодарные потомки — пусть даже из самых лучших побуждений — станут вдруг осуществлять некие действия, в результате которых его имя сможет оказаться противопоставленным мерой возвеличивания, скажем, именам В. А. Жуковского и А. А. Потебни.** Между тем, нынешняя исключительная общественная востребованность Лихачева создает у части филологов иллюзию именно такого противопоставления.

Однако, по всей видимости, утверждая выпуском указов фигуру Лихачева как великого государственного человека нашей эпохи, президент страны и не имел в виду исключительно филологические заслуги ученого. Более того, ни филология, ни, тем более, достаточно узкая ее область, обращенная к литературным памятникам Древней Руси, в формулировках президентских указов даже не упомянуты. **Отмечается выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича в развитие «гуманитарных наук, культуры и образования», а не «вклад в развитие литературоведения», или, тем более, «вклад в изучение древнерусской литературы».** Эта сторона его деятельности, безусловно, подразумевается под «гуманитарными науками» в числе других, но и только. Показательно, к примеру, что академик А. А. Гусейнов недавно обратил внимание на философскую составляющую работ Дмитрия Лихачева, писатель Д. А. Гранин дает исключительно высокую оценку Лихачеву-историку. Мне же представляется особенно важным отметить вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в изучение культуры.

Анализ трудов академика Лихачева в широком контексте гуманитарных наук, думается, позволяет констатировать следующую логику происходящего. Владимир Путин как государственный деятель, интеллектуал и гражданин, общаясь в свое время с Дмитрием Сергеевичем, почувствовал масштаб его личности и понял, что она может быть одной из нравственных, духовных точек опоры для подъема страны. После краха Советского Союза, времен смуты и тяжелейшего периода деградации государства и общества наступило время собирать, сплачивать нацию, поднимать ее с колен. В таком деле национальному лидеру, на полную мощь использующему властный ресурс и административные рычаги, без точно выбранных доминант не обойтись. Оказывается, что обращение к трудам Д. С. Лихачева дает одну из таких точек опоры. Видимо, президент понял то, что было неясно даже научному сообществу: **работы академика имеют исключительное значение для национальной самоидентификации россиян.**

В связи с этим актуализируется в первую очередь та часть лихачевского наследия, которая предопределила его активную общественную позицию, его неповторимый общественно-политический облик духовного лидера русской интеллигенции в трагически-яркий, переломный момент истории нашего Отечества. **Таковыми по преимуществу являются его работы о культуре.** С позиций современного научного знания можно сказать, что **рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная. Академик Лихачев — выдающийся, великий культуролог XX в.**

Анализ его работ показывает, что активная гражданская позиция Лихачева была практическим выражением его культурологической концепции, и в этом радикальное отличие Лихачева от большинства его временных союзников по демократическому движению конца 1980-х — начала 1990-х гг. Те, большей частью, лишь озвучивали чужие тезисы и лозунги. На весах истории их риторика и они сами оказались «легкими весьма», и нынешний молодой россиянин, видя их име-

на в документах того (не столь, кстати, далекого) времени, может только процитировать Пушкина:

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?

И тот же молодой россиянин благоговейно открывает очередные издания лихачевских трудов.

Работы академика Лихачева о культуре — это, прежде всего, ответ на вызовы времени. А вызовы XX в. были фундаментальными. После «окаянных дней» Октябрьской революции и кровавой эпохи репрессий Россия мучительно обрела новую идентичность, в очередной раз пытаясь ответить на «проклятые» вопросы: «кто мы?», «откуда и куда мы идем?»

Катастрофическое время 1990-х гг. поставило не менее острые вопросы. В чем состоит наше духовное призвание, «верховный долг» народа, замысел и смысл нашей истории и культуры, и есть ли он? Что приводит к дисбалансу социально-культурной системы, который в российской истории нередко принимает необратимую, гибельную форму? Какие угрозы духовного характера порождают внутреннюю дезорганизацию общества? В чем причина национальных катастроф и с помощью каких механизмов общество может сохранить себя как целостность в историческом времени? Наконец, каково место России в глобальном мире?

По Лихачеву, **наша сила — в нашей культуре.** «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути»⁴, — говорил Дмитрий Сергеевич в ходе наших университетских дискуссий.

⁴ Д. С. Лихачев — университетские встречи. С. 50.

Я думаю, **никто не постиг сути российской культуры лучше Лихачева**. И именно в этом его величайшая заслуга перед страной, в этом его общенациональное значение. Взор Дмитрия Сергеевича сумел охватить культуру России в динамике исторического становления и развития и в ее системной целостности, в удивительной, прекрасной внутренней сложности и в благородной, щедрой открытости, многообразии внешних связей и взаимовлияний, в стержневой нравственной силе и в переплетении противоречий.

Д. С. Лихачев дает и свое **видение глобализации — как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе**, движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами человечества. Характерно, что он вообще не видит в экономике и производстве «базиса», а в культуре — «надстройки», как это было принято совсем недавно в советской науке. **Базис, основа основ, по Лихачеву, — это культура**.

Академик Лихачев **отличается** от тысяч других ученых-гуманитариев не только масштабами своих работ, но и их **особым нравственным, гражданским стержнем**. Не «наука ради науки», не просто удовлетворение исследователем своего личного любопытства. И уж тем более, не жажда славы, почестей, наград. Нет, ученым движет высокое нравственное чувство. И, может быть, именно оно позволяет в данном случае получить особенные результаты. «Многие убеждены, — писал Дмитрий Сергеевич, — что любить Родину — это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви — любви-жалости. <...> И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься... с 1923 г. древнерусской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии мученической жизни»⁵. Не случайно научная рефлексия академика была всегда онтологически отягощенной, морально ответственной и культуротворческой.

⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 119, 120.

В его трудах есть широта взгляда, подчиненная неумолимой логике основополагающего интереса: **познать суть России через ее культуру, в динамике становления и развития**. Лихачев — человек будущего. Он вглядывается в прошлое, чтобы помочь нам заглянуть в будущее.

В психокультурной методологии познания мира существует концепция, согласно которой источником и предпосылкой гениальности является определенное соответствие человека и времени, когда личностная боль будущего гения начинает резонировать с аналогичной болью общества. Человек в подобном случае остро чувствует вызовы времени и находит им адекватный ответ в своей индивидуальной биографии. Так было во времена Реформации, когда Лютер, переживая и изживая собственный кризис идентичности, помог Западной Европе обрести новые ценностные основания бытия, укрепив тем самым мировоззренческую основу современной западной цивилизации. В эту формулу укладывается гражданский и духовный подвиг Ганди, который воплотил в общенациональном масштабе проект собственного морального саморазвития, подготовив идеологически движение национального освобождения в Индии.

Думается, таким человеком был и Дмитрий Сергеевич Лихачев, работы которого в совокупности могут быть рассмотрены как **глобальный проект духовного исцеления российского общества и мирового сообщества путем обращения к многовековой толще культуры**.

ЧАСТЬ I

1. К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Еще в 1980-х гг. отечественные энциклопедии писали о Дмитрие Сергеевиче исключительно как о литературоведе⁶. Позже к этой характеристике добавилось словосочетание «общественный деятель».

Однако сегодня уже несомненна необходимость оценки вклада Д. С. Лихачева в историческую науку, его труды привлекают внимание философов, искусствоведов, педагогов и представителей других отраслей знания. Специалисты справедливо отмечают, что работы Лихачева «не могут быть выстроены в какую-либо иерархию — написанная им короткая рецензия может быть более важной, чем книга в несколько сотен страниц»⁷. Полноценные исследования лихачевского наследия сдерживаются отсутствием полного собрания сочинений академика.

Тем не менее не вызывает сомнений, что **труды Дмитрия Сергеевича обогащают широкий спектр гуманитарных наук.** Анализ научного наследия ученого показывает, что по ходу занятий древнерусской литературой ему становится тесно в рамках классической филологии. Д. С. Лихачев постепенно предстает перед нами как ученый, свободно работающий практически во всех актуальных для его эпохи областях гуманитарного знания.

И все же статьи и книги академика о России и ее культуре, истории, нравственности, интеллигенции сколько-нибудь серьезному научному осмыслению не подвергались и до сих

---

⁶ См., например: Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 718.

⁷ *Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 142–143.* Здесь и далее цит. по переводу статьи, размещенному на сайте Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева (<http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>).

пор относятся коллегами Лихачева по филологическому цеху к «публицистике». Якобы, его профессией было исключительно литературоведение, а работы о культуре — неким «хобби», которое, дескать, не следует особенно принимать всерьез. Профессиональная цеховая ограниченность нередко идет в науке рука об руку с неплохими исследованиями частных, локальных явлений. Вместе с тем Россия не случайно не знает имен этих узких специалистов, а Лихачева чтит так, как в иные времена почитали только святых.

Как ни странно, но даже такие фундаментальные труды, как «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Культура как целостная среда», «Петровские реформы и развитие русской культуры» или лекция «Петербург в истории русской культуры»⁸, прочитанная Дмитрием Сергеевичем в нашем Университете в 1993 г., не получили своевременной оценки. Более того, в 1995–1996 гг. под руководством Д. С. Лихачева была разработана «Декларация прав культуры»⁹ — документ исключительного, мирового значения, а некоторые исследователи его наследия до последнего времени утверждали, что в завершающие десятилетия жизненного пути академиком не было создано ничего значительного. По сути, это взгляд ученых, которые в своей «башне из слоновой кости» проспали зарождение, развитие и становление целой отрасли научного знания — культурологии.

До недавнего времени научный мир представлял себе академика Лихачева в лучшем случае своего рода воплощением **универсального, собирательного, «синтетического» знания, неким междисциплинарным ученым-гуманитарием**. Действительно, особенностью его научного стиля было умение гармонично сочетать литературоведческий, исторический, искусствоведческий, философский и другие подходы и методы исследований, но **энциклопедизм знаний и академический универсализм позволили Дмитрию Сергеевичу Лихачеву оказаться на гребне смежных научных исследований в гума-**

⁸ См.: *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 261–275.

⁹ Там же. С. 388–397.

нитарной сфере, приведших в конце XX в. к формированию новой отрасли знания — культурологии.

Ретроспективный анализ публикаций Д. С. Лихачева позволяет полагать, что культурологическая природа научных взглядов ученого высвечивается наиболее отчетливо ко второй половине его жизни, становясь очевидной в 1980–1990-е гг. «Меня занимает, прежде всего, проблема пространства культурного», — пишет он¹⁰. Кстати, в это время и слово «культурология» появляется в его работах. Можно сказать, что на протяжении всей своей научной биографии Лихачев шел к культурологии. В то же время и культурология, постепенно вызревая из недр гуманитарного знания, как бы «шла» к Лихачеву.

Говоря о Лихачеве-культурологе, следует особо подчеркнуть, что **противопоставлять филологические и культурологические исследования Д. С. Лихачева было бы неправильно. Литературоведческая и культурологическая рефлексия в научном мышлении не противостоят друг другу, а являются параллельными, взаимно дополняющими и взаимно полезными познавательными процессами.**

Аксиоматичная цитата: «поэт в России больше, чем поэт», — приобретает неожиданное смысловое распространение при попытке определить общее впечатление от научного наследия Д. С. Лихачева. Оказывается, что литературовед в России — больше чем литературовед.

По мнению одного из крупнейших отечественных медиевистов В. П. Адриановой-Перетц, уже в начале 1950-х гг. Д. С. Лихачев выделяется среди современных ему ученых-литературоведов широким научным кругозором, изучая культуру в ее динамике. Имелось в виду, что Лихачев не только изучал литературу в ее культурно-историческом контексте, но и изучал культуру как таковую¹¹.

¹⁰ *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 348.

¹¹ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 40. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

Насколько «культурологический финал» был органичен для творческого пути Д. С. Лихачева-литературоведа и одного из продолжателей традиции изучения наследия Древней Руси? Содержится ли в движении ученого «от литературоведения к культурологии» лишь простая озабоченность сохранностью культурных ценностей в кризисную эпоху или нам следует видеть здесь нечто большее?

Существует не разделяемое мною, но весьма интересное и парадоксальное предположение профессора Ю. В. Зобнина, что движения Лихачева от литературоведения к культурологии вообще не было, что в его деятельности культурология — это особая форма литературоведения, а литературоведческий анализ осуществлялся им как способ постижения Человека в его личных и общественных проявлениях, в его взаимодействии с природой, миром и т. д. Исходной точкой в этом глобальном исследовании является литературный текст. И он же становится у Лихачева итогом исследования, аккумулируя суть поставленной им проблематики.

Так или иначе, но можно предположить, что Д. С. Лихачев не отверг бы в качестве эпиграфа ко всей своей научной деятельности первые слова, когда-либо написанные на славянских языках — «Искони бѣ слово». Правда, такой эпиграф не отразил бы всю специфику деятельности Лихачева-ученого.

Дмитрия Сергеевича в последнее время готовы признать своим представителем едва ли не **все области гуманитарного знания**. Возможно, в этой ситуации содержится отмеченное академиком отражение «универсальности» русской литературы: «По мысли Гейне (“Флорентийские ночи”, гл. I), в Италии “музыка стала нацией”, — писал Лихачев и уточнял: — Я бы сказал, искусства стали нацией. В России же (и это мое утверждение. — *Д. Л.*) нацией стала литература»¹².

Но вспомним, что одним из «моментов самоопределения» современного литературоведения стала статья Б. М. Эйхенбаума со знаменательным названием «Как сделана “Шинель”

¹² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 170.

Гоголя» (1918)¹³. С этого момента стараниями знаменитой ленинградской филологической группы ОПОЯЗ, считавшей эйхенбаумовскую статью своим манифестом, главным и **единственным средоточием собственно литературоведческой научной мысли стал текст художественного произведения**. Все остальные аспекты литературоведения должны были отныне выявлять свои задачи и методы, сообразуясь с их участием в анализе художественного текста. Так были впервые научно обоснованы границы литературоведения как науки.

Но именно когда эти границы были научно обоснованы, вдруг стало ясно, что **многие великие русские литературные критики — прежде всего Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, в эти границы не укладываются**. Дело в том, что их интересовало не только (если использовать заглавие-формулу Эйхенбаума), *как* сделана «Шинель», но и то, *почему* «Шинель» сделана именно так. Попытка ответить на второй вопрос заставляла их сопоставлять ту же «Шинель» с другими явлениями культурной жизни России, видеть в литературном художественном тексте не «самоцель» своих размышлений, а лишь явление культуры в ряду других, далеко не ограниченных сферой литературы вообще. В XIX в., не знавшем современной классификации гуманитарных наук, это методологическое противоречие воплотилось в спор сторонников «чистого искусства» и сторонников «искусства для жизни». Все мы имеем представление об этом споре благодаря вошедшему в школьные хрестоматии отрывку из «Железной дороги» Некрасова (1864):

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немного дика.
Или для Вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?¹⁴

¹³ Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе. Л.: Худ. лит., 1969. С. 306–326.

¹⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 171.

Нужно заметить, что **сторонников «искусства для искусства», «чистого искусства» сейчас называют искусствоведами и литературоведами**, и для них действительно Аполлон Бельведерский является абсолютно самодостаточной величиной и самоценным предметом для размышлений. **А сторонников «искусства для жизни» сейчас называют культурологами**, и вот для них-то интерес к Аполлону Бельведерскому отнюдь не отменяет интерес к печному горшку, ибо и то, и другое являются разными сферами выражения одной и той же культуры. Более того, культурологи не брезгают печными горшками, ибо знают, что в определенные периоды своего развития некоторые этносы делали восхитительные печные горшки и стилистика подобного делания (*лат. cultura* — обрабатывание, возделывание) как раз и позволяет в высшем своем развитии создать Аполлона Бельведерского.

Но один и тот же ученый может — в зависимости от своих интересов и задач — **менять методологии** в разных исследовательских работах. А может и не менять. Таким образом, может быть ученый-литературовед и ученый-культуролог, а может быть — подобно Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву — **и литературовед и культуролог в одном лице**. В этом случае какая-то часть наследия ученого, выполненная в одном методологическом ключе, принадлежит литературоведению, а другая часть этого наследия, использующая иную методологию, — культурологии. И никому сейчас не приходит мысль заниматься «вивисекцией», отделяя и противопоставляя взгляды, например, Чернышевского-культуролога и Чернышевского-литературоведа. Одно дополняет другое.

Подобное мы можем сказать и о Лихачеве. Из того, что многие его коллеги занимались только литературоведением, вовсе не следует, что сам Лихачев не мог заниматься и литературоведением (в одних своих работах), и культурологией (в других), или и тем и другим вместе (в третьих трудах). Ничего невероятного (и тем более — ничего обидного ни для Лихачева, ни для его коллег — «чистых» литературоведов) в этом нет. Естественно, что попытки де-

завуировать Лихачева-культуролога есть попытки опровергнуть очевидное.

Надо отметить, что Лихачев в своей литературоведческо-культурологической «двуипостаси» был далеко не одинок среди современников. Можно назвать сразу несколько соответствующих имен первой величины. Упомяну хотя бы Юрия Михайловича Лотмана, сочетавшего в себе литературоведа и культуролога, может быть, с еще большей, чем Лихачев, диалектической остротой. И действительно, если разработанную Лотманом литературоведческую методику структурализма (гениальную) применить в качестве оценочного критерия к его же «Беседам о русской культуре»¹⁵ (не менее гениальным), то что-то одно в наследии Лотмана-ученого придется «вывести за рамки» в качестве «хобби».

Между тем мнение, что все, написанное Лихачевым не непосредственно о литературе, якобы относится к жанру «публицистических размышлений» ученого, исповедуют и некоторые незаурядные специалисты. В качестве примера сложности ситуации можно привести точку зрения Р. Милнер-Гулланда¹⁶, высказанную в Шеффилдском журнале *Slavonica*¹⁷. Данная работа, невзирая на скромный объем, настолько интересна, что заслуживает обстоятельного обсуждения.

Робин Милнер-Гулланд — исследователь и знаток славянского средневековья, вспоминая о Лихачеве, говорит о нем прежде всего как об ученом. Более того, именно стиль и метод научного мышления академика и становятся в статье зарубежного слависта главным материалом, демонстрирующим специфику его облика в целом. Думается, такой подход в принципе является весьма плодотворным для осмысления лихачевского наследия. Дело в том, что в силу много-

¹⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.

¹⁶ Робин Милнер-Гулланд — профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex (Школа европейских исследований), автор ряда статей и книг по русской культуре.

¹⁷ *Mulner-Gulland R.* Op. cit. P. 141–150.

гранности и насыщенности интеллектуальной жизни Дмитрия Сергеевича именно целостность «итогового портрета» для многих исследователей оказывается недоступной, подменяясь нередко эпизодами, фрагментами, а то и — анекдотами. Особой беды тут, кстати, нет — и даже в анекдотах (этом своеобразном историческом шлейфе всех выдающихся людей), однако статья Р. Милнер-Гулланда напоминает нам о главном: **во всех своих личных и общественных проявлениях Д. С. Лихачев оставался прежде всего ученым.** К этому тезису хочется полностью присоединиться. Более того, при всей, казалось бы, очевидной простоте данный тезис имеет большую смысловую глубину, позволяющую скорректировать многие версии, подчас достаточно далеко отстоящие от собственно научной проблематики.

Итак, именно стиль лихачевского научного мышления является главным объектом изучения для британского профессора, причем характеристика данного объекта изначально интригует читателя своей парадоксальностью — особенно на фоне традиционного «мемуарного» вступления с очень милым элегическим «кроком», рисуящим Лихачева в домашней обстановке, беседующим с зарубежным гостем о Филонове, Хармсе, оберютах («Этот несомненно великий человек был полон ощущения радости жизни — именно таким я запомнил его»¹⁸). Естественно, что читатель, настроившись на дальнейшие мемуарные подробности того же рода («Его труды не только многочисленны, но и весьма разнообразны...»¹⁹; «широта научного кругозора ученого удивит любого, кто привык считать его только историком древнерусской литературы»²⁰ и т. д.) вдруг испытывает нечто вроде холодного душа, читая через абзац такое определение «специфики разнообразия творчества» Лихачева: «В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем “исторических проблем”, то есть тем сортом ученых, которые путем кропотливого анализа доходят до сути

¹⁸ *Mulner-Gulland R. Op. cit. P. 142.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid. P. 143.*

определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально respectable-ным»²¹.

И сразу после этого блистательного по своей неожиданности выпада Милнер-Гулланд собственно и переходит к тому, что действительно интересует его больше всего в Лихачеве, чему и посвящена большая часть статьи, ради чего она написана — к лихачевской трактовке культурных влияний вообще («теория природы и типологии культурного влияния является одним из его наиболее заметных вкладов в теорию истории культуры в целом»²²), и в частности — «позднего» византийско-болгарского влияния, еще конкретнее — к «его важнейшему научному достижению — выявлению периода с принципиально динамическим характером, для которого он выработал тонкое и ставшее сейчас классическим определение — Восточное Предвозрождение»²³.

Какая великая честь для ученого — попасть в ранг «интеллектуально нереспектабельных», и как мало — несправедливо мало — такой чести удостоиваются! Речь идет вот о чем. Естественно, что «интеллектуально-респектабельные», в понимании Р. Милнер-Гулланда, литературоведческие штудии — то есть «путь кропотливого (литературоведческого. — А. З.) анализа, доводящего до сути определенного явления», был Дмитрию Сергеевичу не чужд. Любой, как пишет Р. Милнер-Гулланд, «механистический подход к связям между общей историей, политической историей и историей искусств был поставлен под сомнение, благодаря способности Лихачева глубоко ценить специфические ценности и эстетические достижения даже не самого выдающегося периода истории. Его исследования, в частности, эстетических функций и значе-

²¹ *Mulner-Gulland R. Op. cit.*

²² *Ibid.* P. 147.

²³ *Ibid.* P. 148.

ния крайне абстрактного и сложного литературного стиля периода Предвозрождения (периода, который предшествующие специалисты, начиная с В. Ключевского, оценивали как время культурного упадка) привели к революции в нашей оценке литературных достижений позднего средневековья»²⁴.

Автор статьи проявляет в приведенном пассаже чужда научной толерантности, однако нельзя не ощутить замечательную эмоциональную насыщенность текста, нельзя не почувствовать, что Милнер-Гулланд одновременно и восхищается Лихачевым, но и (очевидно, в качестве носителя «интеллектуально-респектабельного» стиля мышления) в какой-то мере ужасается, ибо **Дмитрий Сергеевич сознательно и бескомпромиссно нарушает в этих работах традиционно принятые в кругах академического литературоведения «правила игры», уходя из собственно литературоведческой сферы в сферу культурологическую.** Автор статьи цитирует Д. С. Лихачева: «Приходится сожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных тем»²⁵ и констатирует: «Интерес Лихачева к динамике культуры привел его к переоценке всей системы недостаточно изученных моментов переходных периодов и тех точек, где разные культурные явления входят в контакт и создают новые модели цивилизации»²⁶. В итоге нельзя не согласиться с его справедливой оценкой миссии Дмитрия Сергеевича: «он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению»²⁷. И добавить: убедительность эта имеет в своей основе не публицистический, а строго научный характер.

Относительно констатации «публицистичности» работ Лихачева следует отметить, что это — лишь **стилистическая особенность языка, характера научного мышления акаде-**

²⁴ *Mulner-Gulland R.* Op. cit.

²⁵ Ibid. P. 149.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 150.

мика. Вызвана эта особенность прежде всего тем, что он стремился быть максимально точным и понятным в изложении своих мыслей широкой аудитории. Дмитрий Сергеевич избегал нарочитой усложненности, псевдоучености академических текстов, их «затоваренности» наукообразной лексикой, тайными аллюзиями «птичьего языка», считая, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»²⁸, если она не обусловлена логикой научного доказательства.

В науках социально-гуманитарного профиля **и область, и специализация, и компетенция научного знания определяются не столько материалом анализа, сколько спецификой метода исследования**, методологией понимания и интерпретации тех или иных социально-культурных феноменов. Например, один и тот же художественный текст может быть объектом литературоведения, лингвистики, психологии, истории и т. д.

Метод — это определенным образом полученное и упорядоченное знание о человеке и мире; структурированная на основе методологии совокупность способов воссоздания изучаемого предмета; система мировоззренческих принципов и рационалистических приемов понимания и конструирования истины. В частности, позитивистски ориентированные методы добывания знания в естественных науках основаны на рационалистических принципах познания (индукция, дедукция, анализ и синтез, аналогия, сравнение, доказательство и т. д.); они исповедуют логико-дискурсивное мышление, основанное на причинно-следственных связях.

Методы гуманитарных наук имеют более выраженную мировоззренческую, антропологическую направленность, они выдвигают на первый план экзистенциальные проблемы бытия. В свою очередь в каждой группе гуманитарных наук существуют сложившиеся традиции познания истины, образующие специфику метода.

В частности, культурология специфику своего метода обеспечивает конструктивным характером исследования, кото-

²⁸ *Лихачев Д. С.* Без доказательств / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. С. 112.

рое не должно ограничиваться накоплением фактов и их интерпретацией, она реализует его посредством воплощения противоположных бытующему в точных науках алгоритма и логики познания: не от эмпирических фактов или частных проявлений культуры к теоретическим конструкциям, а **через концептуальный анализ научного и художественного текста** (как ведущих форм бытия и самосознания культуры) — **к воссозданию феномена культуры в его онтологической полноте и целостности.**

Анализируя научное наследие Д. С. Лихачева, можно обнаружить особенности его культурологического метода, которые в совокупности следует рассматривать как существенный вклад в становление методологии культурологического знания. Они позволяют культурологии уточнить собственную сферу научной компетенции, найти в ряду «культурно-заинтересованных» наук свой объект и предмет исследования, скорректировать категориальный и исследовательский аппарат, который позволил бы получать специфически «культурологический» эмпирический материал. **Особенности культурологического метода Д. С. Лихачева можно обозначить несколькими смысловыми линиями, а именно: понимание культуры как целостности; онтологизм и проектный характер историко-культурного знания; синтетичность, комплексность и универсализм познания культуры; нравственная отягощенность культурологического дискурса; гуманистичность.**

Останавливаясь более подробно на этих особенностях научного метода Д. С. Лихачева представляется уместным после рассмотрения его взглядов на культуру.

2. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Современная теория культуры находится в процессе самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интеграционного, целостного социогуманитарного знания повышает роль обобщающих теоретических концепций. В связи с этим научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева все больше привлекает внимание культурологов²⁹.

Знаток и исследователь древнерусской литературы, историк и теоретик искусства, просветитель и гражданин, борец за сохранение и развитие отечественного культурного наследия, **Дмитрий Лихачев был**, как это становится все более очевидным, выдающимся мыслителем-культурологом, **создателем собственной теории культуры** — самобытной, оригинальной и вместе с тем органически вписывающейся в сегодняшние дискуссии о содержании этой науки. Подчеркнем сразу: учитывая мировой научный опыт, Д. С. Лихачев развивал именно **российскую культурологию**, неразрывно связанную с особенностями отечественного исторического развития.

Дискуссии о предмете культурологии носят достаточно абстрактный характер до тех пор, пока не появляются личности, выступающие зримым обнаружением, несомненной явленностью этой научной области. И теперь, когда есть воз-

---

²⁹ См., например: Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 года / СПбГУП. СПб., 2006; Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / СПбГУП. СПб., 2006; Жукова О. А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 112–113; Запесоцкий А. С. Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13.

возможность окинуть взором все наследие великого русского ученого, становится ясно, что Лихачев был подлинным, истинным культурологом, само творчество которого убедительно доказывало и реальность, и насущность этой науки.

Ученый не предавался размышлениям о «междисциплинарном характере» культурологии, о том, на основе каких областей знаний она возникает — он предпочитал **прямые интуиции, связанные с феноменом культуры, с живым опытом ее осмысления.**

Д. С. Лихачев развивал культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. Чем бы ни занимался ученый — «Словом о полку Игореве» или Пушкиным, древнерусской архитектурой или Достоевским, проблемами сохранения наследия или феноменом Петербурга, особенностями тюремного жаргона или садами и парками России — везде он выходил за узкопрофессиональные границы на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного пространства, **вписывал изучаемое явление в контекст целого культуры.**

Даже в те времена, когда академик занимался, казалось бы, «только» литературой Древней Руси³⁰, его методом был именно культурологический подход, он исследовал такие вопросы, как системный характер и качественное своеобразие древнерусской письменности, пространство и время художественного, общеэстетические характеристики древнерусского творчества.

Культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом абстрактного «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен — он видел ее как целостность, как сущностное ядро обнаружения человека в мире, как многообразие форм такого обнаружения: «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый, — рассматривать культуру как некое органическое, целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов куль-

---

³⁰ См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.* 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

туры тенденции, законы взаимопритяжения и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части»³¹.

Дмитрий Лихачев шел в русле главных тенденций российской науки XX в., для которой «культурологизм» всегда был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики научного поиска. Постигал ли социально-историческую сущность психического Л. С. Выготский, исследовал ли языковые и литературные закономерности Ю. Н. Тынянов, изучал ли историю философии А. Ф. Лосев, познавал ли природу сказки В. Я. Пропп, выявлял ли особенности пушкинской поэтики Р. О. Якобсон, прослеживал ли диалоговую природу художественного сознания М. М. Бахтин, исследовала ли природу мифа О. М. Фрейденберг — всюду мы видим выход на широкие культурологические горизонты. И эта традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной гуманитарной мысли, а возможно, и является главной ее отличительной чертой.

Однако в последние десятилетия, оформляясь как самостоятельная область знания, отечественная культурология находилась под сильным влиянием американской социальной и культурной антропологии, склонной к этнографическому, этнологическому пониманию культуры, к изучению ее как совокупности «обычаев и нравов». **Д. С. Лихачев возвращает в культурологию русскую традицию целостного постижения, объемного видения культуры.**

Как теоретика культуры Дмитрию Сергеевичу свойствен именно концептуальный взгляд на ее сущность и место в жизни человека и общества. Следует отметить, что базо-

---

³¹ *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 350.

вые, основополагающие воззрения ученого на культуру практически совпадают с классическими, общепринятыми в данной отрасли знания. Культура в его понимании есть человеческая форма жизни, то, что выделяет человека из природы и отличает от других живых существ. Это — человеческое пространство и человеческий способ существования в мире.

Как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, для культурологической концепции Дмитрия Сергеевича особую роль играют два положения: **культура исторична и культура целостна**³².

Культура цементирует человеческую общность, придает ей ориентиры и самобытность. «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»³³, — пишет Д. С. Лихачев. Культура как пространство, имеющее объем и глубину, культура как духовный континуум обнаружения, возвращения и сохранения ценностей человеческого существования — вот, пожалуй, что могло бы стать обобщающей формулой лихачевского подхода.

Культура также может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. В связи с этим представляется исключительно важной разработка Д. С. Лихачевым понятия **концептосферы языка**. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»³⁴. Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраторы культурных значений», несущие спе-

³² Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. С. 25.

³³ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 349.

³⁴ Он же. Концептосфера русского языка // Там же. С. 319.

цифические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным наполнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, создатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. ...Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство “культурного осознания” мира»³⁵.

Национальный язык, считал академик, не только средство общения или знаковая система передачи информации, он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства³⁶.

³⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 354–355.

³⁶ Он же. Концептосфера русского языка // Там же. С. 324.

В органической взаимосвязи с размышлением о природе феномена культуры разрабатывал Д. С. Лихачев и понятие **экологии культуры**, открывая новое, в высшей степени важное направление научной мысли, связанное с главными болевыми точками современной цивилизации. Человек существует в определенной природной среде, загрязнение, истощение, уничтожение которой грозит гибелью человеческого рода. В самом деле, что может быть страшнее загрязнения воздуха, водоемов, уничтожения лесов, животного мира — всего того, что являлось материнским лоном рождения человеческих сообществ? Но существует еще одна реальность, помимо биологической, и не менее важная, это — **реальность культуры**. Казалось бы, иногда данная реальность трудноуловима, эфемерна. Между тем, необходимость ее от этого ничуть не меньше. И если гибель природы угрожает человеку как биологическому виду, то гибель культуры угрожает ему как существу социальному и духовному: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности»³⁷.

Но культура — не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается, либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это — ее **нравственная составляющая**, как необходимое условие полноценного человеческого бытия. Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную составляющую. Заметим, что в том же ключе рассматривал проблему идеального выдающийся российский философ Эвальд Ильенков, для которого идеальное, духов-

³⁷ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 331.

ное было смысловым наполнением человеческого существования³⁸.

Дмитрий Сергеевич отчетливо сознавал, что современный нравственный кризис, разгул нигилизма и вседозволенности, жажда обогащения любой ценой, настоящий шабаш массовой псевдокультуры связаны именно с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор. Чем жив человек? — вот исходная точка размышлений великого ученого.

Нетривиален его подход к постижению **исторических закономерностей развития культуры**. Как ученый XX в., Д. С. Лихачев не разделял упрощенно-просветительские взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет ее «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических циклов», «замкнутых цивилизаций» типа Шпенглера-Тойнби³⁹. Его позиция, если можно так выразиться, отчасти вбирала в себя и то, и другое. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев, тем не менее, был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в присутствии общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Указанная общая направленность существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном, все более отчетливом выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в нарастании гуманистического начала. В этом Д. С. Лихачев был близок к позиции выдающегося русского ученого Николая Конрада, высказанной им в известной книге «Запад и Восток». Прекрасно понимая всю сложность, противоречивость, порой катастрофичность исторического развития, Н. И. Конрад верил в наличие идеи, пропитывающей и объединяющей разрозненные явления культурной мозаики. Это была для него идея гуманизма. «Идея гума-

³⁸ Ильенков Э. В. *Философия и культура*. М.: Политиздат, 1991.

³⁹ Шпенглер О. *Закат Европы*. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. *Исследование истории*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.

низма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса»⁴⁰.

Характерна в данном плане работа Д. С. Лихачева «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»⁴¹. Создана она была на материале эволюции художественного творчества, казалось бы, менее всего поддающегося истолкованию в терминах «прогресса». И все-таки ученый обосновывал наличие общих составляющих, сквозных тенденций литературного развития. К ним он относил: снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личностного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие искусства академик представлял как сложный диалог, взаимопереплетение и взаимопереключку школ, направлений, сюжетов и тематики, как «контрапункт стилей».

Бесспорная заслуга Д. С. Лихачева — разработка и совершенствование самой методологии историко-культурного исследования, уточнения и обновления научных оценок исторических эпох.

Анализируя динамику культурных процессов, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что культура не только (а может быть, и не столько) меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). Прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь трансформируясь, обновляясь, меняя формы, принимая другие облики. С этими представлениями было связано видение ученым древнерусской культуры — эпицентра его научных интересов в первой половине XX в. Академик показывает, что в определенный период «забвение» древнерусской литературы было относительным, что, по сути дела, традиция древнерусской

⁴⁰ Конрад Н. И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток: ст. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1972. С. 485.

⁴¹ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 44–86.

культуры, древнерусского искусства никогда не умирала, она продолжала жить и влиять, более того, ее значение все более явственно «проступало» в истории нового времени. Древняя Русь продолжала жить в фольклоре, в быте, в обычаях, в зодчестве, в лубочных изданиях⁴².

Осознанное усвоение традиций древнерусского искусства, его очевидное возвращение, по Лихачеву, начинается с конца XIX в.: обращение к традициям иконописи в творчестве М. Нестерова, В. Васнецова, М. Врубеля, Н. Рериха, возрастание влияния парсунного письма, возрождение первоизданности цвета в творчестве Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина, М. Шагала. К древней иконописи активно обращается русский авангард: К. Малевич, П. Филонов, Н. Гончарова. Причем это не копирование, не подражание, а воскрешение на уровне «живого», работающего художественного метода. Достойна особого внимания идея академика о том, что в этот период, начиная примерно с XIV в., на Руси нарастают ренессансные явления (рост личностного начала, распад патриархального быта, трансформации художественного творчества, секуляризация культуры и т. д.), но сам Ренессанс, в силу ряда исторических причин, в нашей стране не происходит.

И еще один важный момент: Д. С. Лихачев считал, что закономерности культурного развития охватывают прежде всего «средний уровень», саму «толщу» исторической эволюции, слой, где протекают «массовые процессы». Именно здесь можно проследить культурные изменения, в том числе и прогрессивные. «Прогресс — не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их и в расширении и усложнении художественной сущности литературы»⁴³. Выдающиеся же личности — как бы немного «на обочине», выпадают из общего культурно-исторического контекста, выходят за рамки традиции и пределы нормы, в то же время выступая генератором бес-

---

⁴² Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 178.

⁴³ Он же. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Там же. С. 45.

конечного духовно-смыслового расширения творческих возможностей культуры.

Свою, продуманную позицию занимал Д. С. Лихачев по отношению к **проблеме своеобразия России и русского культурно-исторического пути**. Глубоко чувствуя оригинальность русской духовности, Лихачев неоднократно подчеркивал европейский характер отечественной культуры: «Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом, в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком»⁴⁴.

Это — проблема интереснейшая, требующая специального обсуждения. Своеобразие ее решения Д. С. Лихачевым связано со своеобразием его взгляда на европейское, на сам феномен «европеизма». Европейской культуре, типу европейской духовности, считал ученый, присущи три фундаментальные особенности: это культура **личностная**, культура с ярко выраженной индивидуальностью; она **универсальна**, «всеотзывчива», предельно восприимчива к другим духовным мирам; она основана на **свободе творческого самовыражения**⁴⁵.

Эти три особенности, по мнению ученого, — порожденные христианства. Христианство — единственная из религий, в которой Бог — живое, теплое, любящее, личностное существо — стало духовной базой европейской культуры. Высокая оценка Д. С. Лихачевым христианства вызывает в памяти воззрения выдающегося русского философа Ивана Ильина. Уважительно относясь ко всем религиям, Ильин, тем не менее, особое место отводил христианству. Он подчеркивал в нем наличие экзистенциального, глубоко интимного начала, связанного с внутренней духовной высотой человека, прикосновенностью к жизни человеческого сердца, человеческих эмоций⁴⁶. Определенная преемственность идей Ильина и Лихачева несомненна. Академик стремился соединить

---

⁴⁴ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 384.

⁴⁵ Он же. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 363–364.

⁴⁶ См., например: Ильин И. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.

распавшуюся связь времен, возрождая великую русскую духовную традицию, трагически прерванную на долгие десятилетия.

Те черты, которые Федор Достоевский в своей известной речи 8 июня 1880 г., посвященной открытию в Москве памятника Пушкину, **отнес к специфике русского самосознания** (всеотзывчивость, открытость навстречу другому, эмоциональную восприимчивость)⁴⁷, **Лихачев считал присущими европейской культуре в целом**: «Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все “камни”, все могилы. Все они “родные”. Он воспринимает все ценное не только умом, но и сердцем»⁴⁸. Саму же европейскую культуру Д. С. Лихачев считал общечеловеческой, вбиравшей в себя и способной учесть опыт всех других культур. **Через общеевропейское к всечеловеческому — такова была его формула для развития России.** В качестве одного из ярчайших доказательств общечеловечности русской культуры (в то же время и общеевропейской) он приводил творчество Пушкина — глубоко национального гения, открытого всему богатству бытия, которому были ведомы и вняты миры других народов и наций, их уникальность и своеобычность.

Академик видел в европейском сознании не те черты, которые числила за ним мысль славянофильского толка, противопоставлявшая Россию Западу (рационализм, рассудочность, опора на научный тип познания, технократизм), а принципиально иные, что во многом исключало для Лихачева самую основу спора западников и славянофилов. Даже **соборность**, которую обыкновенно считают характерной чертой православного мира, **Д. С. Лихачев рассматривал как черту универсально-европейскую.**

К модному сегодня «евразийству» ученый относился негативно. Он был категорически против утверждений, что России присуще некое «туранское начало», считал, что взгляды такого рода уводят нас в сторону домыслов, произвольных

---

⁴⁷ *Лихачев Д. С.* Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 364.

⁴⁸ Там же.

фантазий. Гораздо большее значение, чем антитеза «Запад — Восток», утверждал он, имеет для России соотношение «Север — Юг». Россия — не столько «Евразия», сколько «Скандо-славия» или «Скандовизантия»: «Азиатское начало в русской культуре лишь мерещится. Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал — “картографически”. Если смотреть на Россию с Запада, то мы, конечно, находимся на Востоке, или, по крайней мере, между Востоком и Западом. Но ведь французы видели и в Германии Восток, а немцы, в свою очередь, усматривали Восток в Польше»⁴⁹. Однако отрицательное отношение Лихачева к «евразийству» не помешало ему способствовать публикации работ «евразийца» Льва Гумилева.

Позиция академика не сводилась к выделению «европейского начала» в русской культуре. Исследуя специфику русской литературы, изучая своеобразие и своеобычность духовного мира Древней Руси, Д. С. Лихачев отмечал: никогда не имело места слепое, механическое копирование западного опыта, но творческая переработка чужого, оригинальное усвоение, изменение применительно к российской специфике. Ученый писал об этом: «Бессмысленно задаваться вопросом — была ли культура Руси до Петра “отсталой” или не отсталой, высокой или не высокой. Нелепо сравнивать культуры “по росту” — кто выше, кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество <...> высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившая ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой»⁵⁰.

Наивысшим воплощением специфики российской культуры, своеобразного сочетания «русского» и «европейского» был для Дмитрия Сергеевича Петербург. Ученый внес перво-

⁴⁹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 359.

⁵⁰ Он же. О русской интеллигенции // Там же. С. 378.

степенный вклад в формирующуюся последние десятилетия область знания, которую можно назвать **культурологией Петербурга**. Особо следует выделить в этом плане его лекцию «Петербург в истории русской культуры», прочитанную 19 мая 1993 г. при посвящении в Почетные доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Академик считал, что при своей «европейскости» Петербург — чрезвычайно русский город: «Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. И из этого исходят, характеризуя русскую культуру. Да, это так, но и не так!»⁵¹ Черты «русскости» ученый видел в обилии архитектурных традиций Москвы XVII в., в наличии большого количества гостиных дворов по типу Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги, в русских церквях, которые в XIX в. строились в «русском стиле». Петербург — «русско-европейский город», он и «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский» — делал вывод Д. С. Лихачев⁵². Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие здесь, не сделали его «итальянским». По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — **«город общемировых культурных интересов»⁵³, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси**. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры.

Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считал «его научную связь со всем миром». Другая существенная сторона Петербурга — **академизм** во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне — в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»⁵⁴. По мнению ученого, в Петербурге все основные евро-

---

⁵¹ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 262.

⁵² Там же. С. 265.

⁵³ Там же. С. 266.

⁵⁴ Там же. С. 267.

пейские и мировые стили приобретали классический характер. С академизмом тесно связана еще одна основополагающая черта петербургской культуры — **профессионализм**, который пронизывает и науку, и искусство, и ремесло, и общественно-политическую деятельность. Кроме того, Лихачев говорит о том, что этот концентрированный петербургский профессионализм **требует особого профессионального обучения и академического образования**. Истинный профессионализм должен базироваться на широком и глубоком общем образовании. «Профессионализм отнюдь не следует смешивать с узкой специализацией»⁵⁵.

Не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений — высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли Лихачева, это уникальный результат зрелости европейской духовной традиции, и в то же время — явление, сформировавшееся именно на российской почве закономерным образом.

Несомненна **религиозно-христианская составляющая** в мировоззрении Д. С. Лихачева. Будучи человеком веры, он понимал, что человеческое существование неотделимо от переживания святого, священного, от живого, трепетного соприкосновения с ним. В этом плане он чрезвычайно близок к взглядам русских религиозных философов эпохи «духовного Ренессанса», подчеркивавших роль религии, считавших, что религиозное сознание представляет собой как бы «несущую конструкцию» культуры, ее «духовный нерв». «Культура — это святыни народа, святыни нации»⁵⁶. «Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»⁵⁷ — вот характерные для Лихачева формулировки.

Дмитрий Сергеевич возвращал исходное, первоначальное значение такому важному понятию, как «Святая Русь»: «это, разумеется, не просто история нашей страны со всеми присутствующими ей соблазнами и грехами, но религиозные ценности

---

⁵⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 269.

⁵⁶ Там же. С. 349.

⁵⁷ Там же.

России: храмы, иконы, святые места, места поклонений и места, связанные с исторической памятью. «Святая Русь» — это святыни нашей культуры, ее наука, ее тысячелетние культурные ценности»⁵⁸. «Святыни “Святой Руси” не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены: это смертный грех»⁵⁹.

И живое, конкретное чувство значения духовных ценностей, и понимание культуры как святыни, и острая боль за попорченное, порушенное, поруганное, и переживание вины, греха — все это у Лихачева подлинно христианское, православное. Значительный урон русскому менталитету и русскому языку, считал академик, нанесло запрещение после революции преподавания Закона Божия, церковно-славянского языка. При этом не только прервалась традиция, стали непонятны многие тексты псалмов, Священного Писания — вытеснению подверглись «опорные конструкции» русской духовной культуры, базовые структуры российского менталитета. Был нанесен урон, который долго еще предстоит осмысливать и преодолевать.

Теперь, с учетом изложенного, представляется целесообразным вернуться к перечисленным ранее особенностям культурологического метода Д. С. Лихачева.

Понимание культуры как целостности воплощается во взаимодополнении двух векторов размышлений ученого. С одной стороны, глубокий научный потенциал и высочайший нравственный пафос имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем, где целое предшествует части, определяя ее сущность и функции. Академик полагал, что культурология в этой ипостаси близка экологии — и та, и другая наука должны изучать всю взаимосвязанность системы, понимая мир природы и культуры как целое, которое предшествует бытию каждой части, определяет все ее проявления.

С другой стороны, Д. С. Лихачев рассматривал каждый отдельный феномен культуры как «зеркало», отражающее

---

⁵⁸ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 349.

⁵⁹ Там же. С. 350.

культурную систему в ее системном единстве. Искусство и язык, религиозно-философские взгляды, быт и нравы, обычай и право — все, что создано руками и разумом человека, есть предмет культурологии, обращение к которому позволяет полнее и глубже понять специфику культурного целого. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние и эволюции.

Однако непосредственным объектом его анализа становятся тексты-источники, выступающие «пассивной» формой отражения целостного культурно-исторического, этнокультурного, духовно-нравственного, социально-психологического и ментального комплекса культуры. Это прежде всего тексты художественной и религиозной культуры, которые определяют культурную вертикаль и принадлежат к высшим проявлениям человеческого духа, являют собой творческое начало «антиэнтропийной направленности», противостоящее энтропическому погружению в бессловесность и хаос.

Академик фундаментально обосновал **перспективное направление самоопределения культурологии** как особой сферы знания, которое со временем все больше проявляет актуальность; в рамках этой парадигмы **знание трактуется как результат специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей информацию, полученную о культуре другими науками**. При этом культурология не обязательно обращается к культуре в ее эмпирических формах — она на более высоком уровне обобщенности создает и воссоздает феномен культуры как системной целостности, используя для этих целей результаты других наук социально-гуманитарного цикла путем переосмысления и переинтерпретации эмпирических сведений и базирующихся на них концепций, наведения смысловых мостов между различными областями знаний, выявления их взаимодополняющего характера, что не только придает культурологическому знанию подлинно комплексный и междисциплинарный характер, но и обеспечивает синергетический эффект вовлекаемых в пространство культурологии знаний (когда образует

мое целое дает больший результат, нежели сумма его элементов, если они будут действовать отдельно).

Говоря об **онтологизме историко-культурного дискурса, его проектном характере** как еще одной новации Лихачева в области методологии, следует отметить его стремление утвердить в научной среде **право на реконструкцию**, то есть на создание целостных моделей утраченных культурных и исторических реалий путем восполнения лакун, и не только непротиворечивыми гипотетическими предположениями, но и верой исследователя, его творящей любовью. Новое знание прорастает здесь из интуиции, а интуиция из целостного системного видения культуры.

Фундаментальной культурологической идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего самосознания духовной уникальности России, является его утверждение о том, что **модели национального будущего коренятся в прошлом**. Новое — в старом, но не стареющем, в ушедшем, но бессмертном, в забытом, но актуальном. Академик Лихачев показывает, как в разные времена, когда надо было определить или скорректировать духовные основания национального возрождения, Русь обращалась к минувшим эпохам. Причем выбор событий прошлого носил во многом субъективный характер, он был продиктован необходимостью решения современных проблем. Такой избирательный подход к прошлому закономерен: историю народа можно рассматривать как своеобразное коллективное повествование, которое разворачивается вокруг определенных событий и личностей, значимых для национального самосознания. Выбор этих эпох, событий и персон не случаен — он подчинен потребности нации в осмыслении ее актуального положения, в понимании ее возможного будущего.

«Право» на **проектный взгляд** ученого — сугубо культурологический подход, который ранее считался недопустимым в рамках классической исторической методологии. Его суть заключается в найденном равновесии между прошлым и будущим — ученый находит в историческом прошлом креативно-событийные линии, которые сохраняют свою креативную энергию в историческом времени, то есть при движении культуры от прошлого — через настоящее — к будущему.

Таким образом, выстраивается своеобразная методология культурно-исторического мышления, которая получает теоретическое обоснование, в том числе и в определении Лихачевым стиля древнерусской литературы как «историко-монументального». Подобное понимание не только ориентировало исследователя на достоверность излагаемого им материала, на историзм, понимаемый как правдивость факта: требование монументальности предполагало концентрацию внимания только на таких фактах, которые были актуальны для общества в момент исследования. Ученый рассматривал факты, которые являлись определяющими для исторического бытия современной ему России. И в этом плане актуальность факта для него уравнивала в качестве предмета исследования различные культурные феномены: художественно-литературные тексты, архитектурные сооружения, политические реалии и т. д.

В текстах академика целостность культурного мира разворачивается в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. Так проявляется **синтетичность, комплексность и универсализм лихачевского метода познания культуры**. Русская культура как бы открывает свои неизведанные ранее грани ученому-филологу, историку, литературоведу, философу культуры. В фокусе этих подходов рождается **компаративность научного анализа — извлечение нового знания как результат сопоставления изучаемых объектов**. Основными особенностями этого исследовательского метода являются сочетание строгого исторического и образно-интерпретационного подходов в анализе эпохи, синтез исторически достоверного фактического материала и интуитивного его осмысления, смысловая модификация в трактовке содержания основных категорий. Компаративность предполагает обращение к широкому и многослойному феномену культуры, объединяющему ее разные виды и формы, анализ явления культуры в родственном ему историческом, культурном, художественном контексте и во взаимодействии с другими сферами социального, политического, экономического и иного бытия.

Нравственная отягощенность культурологического дискурса Д. С. Лихачева нередко ошибочно трактовалась коллегами как «чрезмерная простота» и «излишняя публицистичность» работ последних лет. Для текстов академика характерна их экзистенциальная направленность, насыщенность этической проблематикой. Эта линия является логичным продолжением одной из центральных традиций русской философской мысли, которая всегда исповедовала принцип онтологического реализма, глубокого проникновения познания в реальность, сосредоточенности на вечных вопросах бытия, в том числе и на основе религиозной интуиции.

Д. С. Лихачев немало размышляет о сознании вины и ответственности ученого, который словом может разрушать реальность. Понимание того, что «слово есть глагол», и сознание обреченности любого пишущего (вспомним древнерусское понимание «книжника» как всякого, имеющего дело с книгой) на публицистичность, понимание невозможности уйти от «больных проблем» современности даже при, казалось бы, самом отвлеченном от них предмете исследования — все это и есть проявление лихачевского понимания моральной ответственности ученого. Лейтмотивом творчества становится тема нравственности ученого, интеллигента, которая рассматривается в контексте всей русской словесности.

Русский народ, подчеркивал Дмитрий Сергеевич, владеет огромными ценностями. При этом их своеобразие он связывал во многом с русской литературой, художественная сила которой опирается на ее нравственный пафос.

Д. С. Лихачев, раскрывая идею духовной и стилистической целостности культуры, выводит принцип высочайшей ответственности человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей — как материальных, так и духовных. Этот принцип был с максимальной полнотой воплощен в его личной научной деятельности, творчестве и гражданской, общественной позиции ученого. Не только научное наследие академика Лихачева, но и его биография — достойный ответ и на вызовы противоречивого периода советской истории, и на духовные разломы 1990-х гг.

Гуманистичность культурологического метода Д. С. Лихачева проявляется в стремлении выявить в историческом процессе ту его составляющую, которая определяет нравственный смысл истории народа, его «божий замысел». Гуманизм культуры — это мера ее человечности, утверждения в качестве высшей ценности человека как личности, его права на свободное развитие. Дмитрий Сергеевич в своих работах убедительно показывает, что **развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, через возрастание организованности культурных форм, увеличение сектора свободы, возвращение личностного, гуманистического начала.**

Гуманистичность лихачевского метода проявлялась не только в поиске Истины, в его попытках разглядеть в культуре душу народа, но и в ее творении — Словом, Верой, энергией Любви. Его видение гуманистической сущности русской культуры — это своеобразный замысел, который открывает сознанию просвещенных и ищущих. **Культурологический дискурс, как и система идеологии, оформляет, конституирует, регулирует и творит культурную практику.** Не случайно академик вновь и вновь возвращался к феномену Слова в русской культуре, которое, считал он, — нечто большее, чем имя вещей. Слово есть Идея, предваряющая саму действительность и определяющая ее воплощение, оно — не просто усиливающее эффект «зеркало культуры», но и духовная стихия, преобразующая реальность, придающая ей духовную ценность и смысл. Своим словом академик Лихачев пытался остановить стихию «расчеловечивания» человека, противопоставить Хаосу времени Логос духовности.

Таким образом, культурология Лихачева включает и творчески преобразовывает самые разные интенции — рационалистическую и сакральную, традиционалистскую и инновационную, европоцентристскую и почвенническую. В то же время это — культурология сочувствия и прозрения, пророчества и жертвенного служения Истине.

Обозначенные выше смысловые линии, определяющие особенности культурологического метода Д. С. Лихачева, пронизывают фактологический контекст всех трудов перио-

да научной зрелости ученого — от середины XX в. до его ухода из жизни. Синтетичность, комплексность, универсализм и гуманистичность культурологического метода Дмитрия Сергеевича, его взгляды на культуру как системную целостность, онтологизм историко-культурного знания и нравственный нерв культурологического дискурса составляют пока неосвоенное богатство отечественных гуманитарных наук.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что анализ работ Д. С. Лихачева в ближайшем будущем составит блистательный раздел университетских учебников по истории культурологических учений.

Самое интересное, что ученому удалось предвосхитить будущее. Его культурологические труды содержат ответы на многие острейшие вопросы современности либо определяют направление поисков этих ответов.

3. ЛИХАЧЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Анализ трудов Дмитрия Сергеевича в широком контексте гуманитарных наук, в особенности в период, завершающий научную биографию, позволяет нам в настоящее время говорить **о понимании Лихачевым истории человечества как, в первую очередь, истории культуры.** Именно культура, по глубокому убеждению ученого, составляет главный смысл и главную ценность существования человечества: как народов, малых этносов, так и государств⁶⁰. В этом плане характерно выступление Д. С. Лихачева на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 г.: «Культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»⁶¹. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой деятельности.

Научные труды академика Лихачева в совокупности выражают **целостную, глубоко осмысленную и прочувствованную историческую концепцию.**

Безусловно, **взгляд Лихачева на мир — это во многом взгляд историка.** Любое явление, привлекающее его внимание, рассматривается и анализируется сквозь призму времени как явление историческое, в контексте живого дыхания той или иной эпохи, в системе исторических взаимосвязей.

Показательно, что В. П. Адрианова-Перетц, характеризуя вхождение Д. С. Лихачева в 1940-е гг. в пору научной зрелости, пишет о ярко выраженном историческом характере его деятельности: «К исследованиям древнерусского лето-

---

⁶⁰ *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 388–397.

⁶¹ *Он же.* Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

писания Д. С. был подготовлен серьезным критическим изучением... работ академика А. А. Шахматова. ...Предстояло существенно углубить «исторический метод» А. А. Шахматова... На очереди оказалась и большая историко-литературная проблема: стиль летописания представлялся А. А. Шахматову неизменным на всех этапах истории»⁶².

Историческое видение предметов исследования пронизывает докторскую диссертацию Д. С. Лихачева, опубликованную в 1947 г. с сокращениями — в виде книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение»⁶³. Текстологическая работа неизменно сочетается у ученого с «широкими историческими обобщениями»⁶⁴. Расширяя и углубляя исторический подход к изучению литературы, Д. С. Лихачев делает его одним из фундаментальных элементов своей литературоведческой методики, наиболее обстоятельно и ярко изложенной в 1962 г. в книге «Текстология». Приведем всего лишь один фрагмент: «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования — в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника»⁶⁵.

Нетрудно заметить, что в процессе научной деятельности поле зрения Лихачева-историка неуклонно расширяется, а затем и меняется. Не случайно, характеризуя влияние Д. С. Лихачева на своих аспирантов в конце 1940-х — начале 1950-х гг., В. П. Адрианова-Перетц говорит уже о четко выраженном **историческом подходе к изучению культуры**⁶⁶.

⁶² *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 12.

⁶³ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (Переизд. 1966, 1986).

⁶⁴ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 15.

⁶⁵ *Лихачев Д. С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 23.

⁶⁶ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 24, 32.

Историзм Д. С. Лихачева многопланов. Во-первых, представляется возможным говорить об историзме на уровне осмысления ученым различных конкретных явлений жизни. Во-вторых, ученый выступает автором собственной концепции истории России как истории отечественной культуры. В-третьих, его работы содержат достаточно материала об общих закономерностях исторических процессов.

Лихачев-историк начинается с его публикаций о литературе. Практически в каждой своей работе Д. С. Лихачев уже в первых строках, а иногда даже в наименовании⁶⁷, дает читателю понять, что предметом его исследования является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение⁶⁸. В результате деятельности ученого **междисциплинарные связи литературы и истории, интегрированные культурологией, поднимаются на качественно иной уровень.**

Разумеется, литература — свидетель истории. Но свидетель своеобразный, скорее, даже свидетель-соучастник. Литература в трудах Д. С. Лихачева предстает не только отражением, но и своеобразным проявлением действительности, и эта функция налагает на литературные произведения характерный отпечаток, определяет их национальный колорит. «Русская литература — часть русской истории, — писал Лихачев, — она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»⁶⁹.

---

⁶⁷ Характерно, что в названиях многих книг Дмитрий Сергеевич включает понятие «культура»: «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства»; «Русские летописи и их культурно-историческое значение»; «Культура русского народа X–XVII вв.»; «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)»; «“Слово о полку Игореве” и культура его времени».

⁶⁸ *Mulner-Gulland R. Op. cit. P. 146.*

⁶⁹ *Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 10.*

Данный подход ярко проявился в исследованиях Д. С. Лихачева, посвященных «Слову о полку Игореве». Уже в статье «Исторический и политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”», вышедшей в свет в 1950 г., Д. С. Лихачев убедительно показал тесную связь образов «Слова» и исторических реалий того времени⁷⁰.

Памятники культуры, и в том числе литературные произведения, по мнению Лихачева, обладали большим влиянием на социум своего времени. Возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призывов автора «Слова о полку Игореве» к объединению князей в эпоху феодальной раздробленности, ученый отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора “Слова”, может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей “Слова” было не только военное, но и идейное сплочение русских людей»⁷¹. Эта мысль о том, что «идейное сплочение» даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические мероприятия, неоднократно высказывалась Лихачевым и в дальнейшем.

По мере исследований литературы ученый все чаще приходит к выводам, выходящим за границы собственно литературоведения. К примеру, анализ влияния на литературу устного народного творчества, состояния народной памяти позволяет ему заключить: «Народ в XII в. знал русскую историю, интересовался ею и, следовательно, жил не бездумно и не бездумно участвовал в политических событиях»⁷².

⁷⁰ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950.

⁷¹ Он же. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худ. лит., 1985. С. 144.

⁷² Он же. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Там же. С. 180.

Однако литература — не только свидетель и участник истории. Под влиянием Д. С. Лихачева летописи начинают «прочитываться» по-иному, и их значение для исторической науки становится более многомерным. Следует признать, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных произведений как исторических фактов, исторических памятников. Для него же **вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами.**

Особая субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Дмитрия Сергеевича, и особым историческим источником. Субъективный характер авторских оценок и суждений в глазах ученого только усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, — писал Лихачев, — не может быть объявлено “плохим историческим источником”. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»⁷³. Детализируя это положение, он отмечал: «Само произведение — “осколок” прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»⁷⁴.

Применительно к «Слову о полку Игореве», Д. С. Лихачев писал еще более полемично, даже резко: «Если “Слово” — “сплошное вранье”, то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: “вранье” — свидетельство психологии своего времени... (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)»⁷⁵. Конечно, сам Д. С. Лихачев «Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал более позднее происхождение «Слова». Но и будучи отделенной от полемики контекста, данная фраза имеет вполне самостоя-

⁷³ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве»... С. 176.

⁷⁴ Там же. С. 177.

⁷⁵ Там же. С. 178–179.

тельный глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника, ставят их неизмеримо ниже, скажем, деловой переписки. Им-то и адресовано четкое определение Д. С. Лихачева: «...степень... точности... *никогда* не является безусловной»⁷⁶. Из этого вытекает, что сами условия, факторы, обуславливающие точность, должны быть включены в контекст исторического исследования.

Следует особо отметить, что наиболее ценной в памятниках литературы, шире — культуры для ученого является созидательная сила человеческого таланта. В различных его трудах настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры.

Можно сказать, что ученый предлагает **культуроцентричную концепцию истории**. Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно излагаются экономика и политика, а потом, в конце раздела, между прочим, — культура того или иного исторического периода, да еще поданная как сухой перечень отдельных достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Д. С. Лихачев, сурово критикуя вульгаризированные формы марксистской теории исторического процесса как «принижающие окружающее общество, подчиняющие его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»⁷⁷.

Для Д. С. Лихачева исследование культуры означало, по всей видимости, исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляет в значительной мере ход истории. В статье «Русская культура в современном мире» он отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе

⁷⁶ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве»... С. 177.

⁷⁷ Он же. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.

объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным»⁷⁸.

Вместе с тем, **история российской культуры в его понимании — это история европейская.**

Анализируя многонациональный характер древнерусской культуры на примере литературы, Дмитрий Сергеевич писал о ее тесной связи с культурой западных и южных славян, византийской культурой. Он отстаивал тезис о европейском характере древнерусской литературы: «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению... Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»⁷⁹.

В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Д. С. Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению ученого, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»⁸⁰. На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось, прежде всего, на военном деле, государственной организации, экономике⁸¹. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское.

⁷⁸ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 196.

⁷⁹ *Он же*. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 30–31.

⁸⁰ *Он же*. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 18.

⁸¹ Там же.

При этом, рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием самых широких культурных комплексов.

Проследивая генезис культуры Древней Руси, Дмитрий Сергеевич как особо важное отмечает приобщение славян к христианству. Не отрицая татаро-монгольского влияния, Лихачев тем не менее характеризует его как чуждое, в целом отвергнутое. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как «вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное»⁸². Более того, длительный период после освобождения от татаро-монголов развитие русского этноса происходило под знаком преодоления «темных веков... ига»⁸³ чуждой культуры.

В более масштабном контексте генезис славянской культуры следует рассматривать во взаимосвязи с греко-византийским культурным комплексом. В ряде своих трудов академик весьма убедительно, на конкретных и впечатляющих примерах показывает, как осуществлялось это взаимное влияние, утверждая, что оно соответствовало глубинным потребностям развития русской культуры. В момент своего становления на общенациональном уровне (XIV–XV вв.) русская культура несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой — в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего восточноевропейского Предвозрождения.

Несмотря на то что развитие русской культуры в то время происходило преимущественно в религиозной оболочке, в высших своих проявлениях его памятники позволяют сегодня говорить о внимании к личности, человеческом достоин-

---

⁸² *Лихачев Д. С.* Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // *Лихачев Д. С.* Избранные труды. С. 88.

⁸³ Там же. С. 161.

стве, высоком гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к еще более широкому — общеевропейскому культурному комплексу.

Наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение XI в. «Повесть временных лет»⁸⁴. Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами, чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами, — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. В результате самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм.

Особое внимание Д. С. Лихачев уделяет узловым, переломным моментам в истории Отечества, к примеру — специфике XIV–XV вв., определяемой им, как уже выше отмечалось, понятием Предвозрождения. В своих трудах ученый показывает, как в это время происходит сложение русской национальной культуры: крепнет единство русского языка, литература подчиняется теме государственного строительства, архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие, распространение исторических знаний и интерес к родной истории возрастают до широчайших размеров.

В общем потоке культурных трансформаций взгляд ученого особенно выделяет доминантой вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для него — в значительной степени синоним гуманного. В отличие от биологического естественного отбора отбор лучшего в культуре протекает совсем по иным законам — как неуклонное возвращение гуманизма, высокой Человечности, постепенно побеждающей дикое биологическое начало, прорастающей сквозь толщу веков. На каждом витке истории сила

---

⁸⁴ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996.

духа постепенно начинает доминировать над материальной вульгарностью бытия: «Вся мировая история... представляет собой развитие и углубление начал гуманизма — человечности»⁸⁵. Конкретизируя эту мысль, Д. С. Лихачев пишет: «Развитие гуманизма проходит как бы некоторые стадии...» от «...открытия ценности целого класса, целого слоя общества к определению ценностей отдельной личности»⁸⁶.

Размышляя в данном направлении, Лихачев предлагает признать в качестве главного двигателя истории индивидуальную волю свободной личности, волю человека-творца. Так, выступая в октябре 1998 г. в нашей университетской дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», академик говорит: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет»⁸⁷.

Среди заметок Лихачева есть и такое суждение: «Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека... В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности»⁸⁸.

В связи с этим и **отдельных исторических деятелей ученый оценивает не по успехам в войнах и захватах террито-**

---

⁸⁵ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 72.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Он же. Нас ждет то, что мы сделаем сами: дискус. «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», октябрь 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 70.

⁸⁸ Он же. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 259.

рий, а по влиянию на развитие культуры. Так, оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами»⁸⁹. Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал, в результате, одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

Теми же критериями, хотя и с иным результатом, определяется оценка, которую Дмитрий Сергеевич дал эпохе и деятельности Петра I. Вопреки мнению многих мыслителей, от славянофилов до А. И. Солженицына, Лихачев вовсе не считал нововведения Петра пагубными и вредными для страны. Он указывает на появление в русской культуре первой четверти XVIII в. множества новаторских динамичных элементов. Но академик решительно опровергает тезис о нарушении преемственности между культурой Петровской эпохи и древнерусской культурой. «Петровские реформы, — пишет Д. С. Лихачев, — были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени»⁹⁰.

Личность самого царя-реформатора Лихачев трактует как типичного человека русского барокко. «От барокко, — отмечает исследователь, — в Петре были многие черты его характера: его склонность к учительству, его уверенность в своей правоте, его “богоборчество” и пародирование религии в со-

---

⁸⁹ Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. С. 193.

⁹⁰ Он же. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 168.

четании с несомненной религиозностью, его доброта и жестокость, и многие другие противоречия его натуры»⁹¹.

Несмотря на всю внешнюю резкость изменений, Петровская эпоха не была, по мнению Д. С. Лихачева, деструктивной. Основные направления эволюции не изменились, изменился лишь ритм развития. **Петр привел Россию не из Азии в Европу, а из Средневековья в Новое Время.** В целом ряде работ ученый показал необходимость и предсказуемость перемен, которые не были «европеизацией» в смысле привнесения на русскую почву чего-то чуждого, но, напротив, соответствовали внутреннему содержанию русской культуры.

Подчеркивая это положение, Д. С. Лихачев писал: «Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV–XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в новое время — в XVIII и XIX вв. — с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой “осознания” совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»⁹².

Кстати, именно поэтому Д. С. Лихачев всегда с особым вниманием и любовью относился к синтетической культуре Петербурга, полной органических реминисценций и аллюзий.

Из работ академика следует, что гений Петра проявляется чуть ли ни в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения. Лихачев полагает, что в основе действий Петра — не капризы и самодурство, и не проявление инстинкта подражания, а стремление ускорить происходящие перемены в культуре. Опираясь на историка Щербатова, он пишет, что без Петра на аналогичные реформы России понадобилось бы семь поколений. Однако реформы были закономерны и их ход был подготовлен «всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в.»⁹³.

---

⁹¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 168.

⁹² Там же. С. 170.

⁹³ Там же.

Отмечая преемственность в развитии русской культуры, опасность для этноса «культурных разломов», Д. С. Лихачев подчеркивал, что эффект «сравнивания с землей», «разрушения до основания» по своей сути не может стать генератором новых ценностей. Вполне естественно, что осознание ученым определяющей роли культуры в самом существовании человеческого общества привело его и к выводу об **особой исторической роли России**.

Дмитрий Сергеевич Лихачев создал подлинно **гуманистическую концепцию исторического развития**. В ее основу положены идеи о ведущей роли культуры для развития человечества и об особом значении для развития России интеллигенции как сообщества людей, «свободных в своих убеждениях»⁹⁴. Именно глубочайший гуманизм исторической концепции Д. С. Лихачева делает ее важной и перспективной в развитии современной науки.

---

⁹⁴ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 372.

4. ОБРАЗ РОССИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ*

Как глава государства Петр I был весьма заинтересован в укреплении мощи державы, выводе России на международную арену в качестве влиятельной силы. Но реализация этого стремления встречала такое трудно преодолимое препятствие, как общая культурная отсталость страны. Самыми серьезными проблемами и отличиями России от других ведущих мировых держав было практически полное отсутствие собственных науки и университетского образования. Петру предстояло **перевести Россию от культуры Средневековья к культуре Нового Времени**. Из лихачевских работ следует, что **это было сделано на основе применения административного ресурса в сочетании с методами, как бы сейчас сказали, рекламы и PR**.

Разумеется, сам Лихачев не считал себя специалистом по общественным связям. В то время, когда он писал свои работы, в России специальный терминологический аппарат данной отрасли не был сформирован. Поэтому он вел разговор на принятом в его время языке о явлениях, которым сегодня в сфере PR даны иные названия и определения. Но суть от этого не меняется.

Стоит обратить особое внимание на то, что перед Петром I стояла задача изменить сознание народа в короткие сроки. Царь-реформатор сумел определить правильный для страны курс: **вектором перемен стало символическое, декларативное движение на Запад, в сторону «похожести» на Европу**. И этот путь был начат с создания, внедрения, утверждения новых для страны ценностей и ориентиров. Цель Петра Великого заключалась в преобразовании религиозно ориенти-

---

* Глава написана преподавателем СПбГУП Ю. А. Запесоцким.

рованной средневековой культуры в современную, светскую, основанную на идеях Просвещения. Ориентация «на Запад» не стала проявлением инстинкта подражания. Это была целенаправленная программа овладения чужим, но не чуждым пластом культуры, необходимым для России, для решения ее собственных задач.

На первый взгляд, реформы Петра I были одинаково тотальными во всем, преобразовывали весь контекст жизнедеятельности: государственное устройство и управление, элиту страны, армию, законы, сферу производства, быт и т. д. Но Д. С. Лихачев во всем этом вихре перемен, порожденных кипучей деятельностью Петра, выделяет и вводит в фокус своего внимания, казалось бы, третьестепенные, поверхностные черты событий — то, что, пожалуй, в принципе не могло особенно заинтересовать гуманитариев советского времени, воспитанных в убеждении, что только «бытие определяет сознание», а «экономика — базис общественных отношений».

Миф, образ, знак — вот круг явлений, которые, по мнению академика, играют решающую роль в успехах Петровских реформ. Гений Петра, по Лихачеву, проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать демонстративный характер... всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит — это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он переделал армию, он переделал народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковно-славянский шрифт на гражданский»⁹⁵.

Носить европейское платье и новые мундиры, «скоблить» бороды, «реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство»⁹⁶ требовалось вовсе не для удовлетворения капризов монарха, так же, как и «изобретение нового русского знамени-

⁹⁵ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 165.

⁹⁶ Там же. С. 168.

ни (перевернутого голландского флага)», вынос столицы за пределы исконно русских земель, изменение обычаев высших классов, характера увеселений, различных «символов и эмблем»⁹⁷. Лихачев утверждает, что «эта смена “знаковой системы” *ускорила* (курсив мой. — Ю. З.) происходящие явления в культуре. Она придала процессам, происходившим до того в полусознанной форме, сознательное направление»⁹⁸.

Разрыв со знаковой системой предшествующего периода культурной жизни России был не только закономерным, но и **осознанным**, более того — подчеркнутым: «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью. Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился... к тому, чтобы... утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота... Все перемены облекались в демонстративные формы»⁹⁹.

Между тем, смена знаковой системы представляла собой далеко не простую задачу. Как известно, в конце XVII в. в России не было современных средств массовой информации. В связи с этим особая роль возлагалась на **административный ресурс** и так называемую **народную молву**.

Механизм народной молвы запускался в действие прежде всего конструированием нетрадиционного **образа** государя и уклада жизни его приближенных. «Петр постоянно чувствовал себя в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел... придать демонстративный характер... своей собственной фигуре»¹⁰⁰, — пишет Д. С. Лихачев и продолжает: «...он демонстративно нарушил прежние представления о “благочестивом” царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и стан-

---

⁹⁷ Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 182.

⁹⁸ Он же. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 168.

⁹⁹ Он же. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 182.

¹⁰⁰ Он же. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 165.

ки, но и заведя “всешутейный и всепьянейший собор”, общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанности бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность...»¹⁰¹ Государь не случайно **воспринимался** как творец современной России, которая казалась полной противоположностью древней»¹⁰²: «Вместо малоподвижного, церемониально недоступного государя всея Руси с его пышными титулованиями и пышным образом жизни Петр I **творил образ** царя-грузчика, царя-плотника, царя-простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя»¹⁰³. Очевидно, что **обратившись лично к науке и ремеслам, царь необычайно поднял их статус в глазах населения, сделал данные занятия престижными** в обществе.

Интересно и существенно, что в восприятии ученого Петр I предстает не просто создателем своего «цельного образа»¹⁰⁴, а более того, сознательным субъектом этой деятельности: «Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такие представления. Петр постоянно подчеркивал, что он грузчик... свою любовь к наукам и пр.»¹⁰⁵

Ученый не пишет о том, как конкретно новые ценности внедрялись в общественное сознание, но методы реализации петровской культурной политики (в опоре на административный ресурс) хорошо известны и из других источников.

Следует отметить, что, добиваясь ускорения реформ, Петр утвердил в обществе собственным примером **новые представления о времени и пространстве**: «Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах»¹⁰⁶.

Принимая концепцию академика, легче понять, как государю удалось в столь короткие сроки пробудить страну, сдви-

¹⁰¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 165.

¹⁰² Он же. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 172.

¹⁰³ Там же. С. 182–183.

¹⁰⁴ Там же. С. 164.

¹⁰⁵ Он же. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 164–165.

¹⁰⁶ Там же. С. 165–166.

нуть целые социальные пласты населения, придать им ориентацию «на Запад». Культурные символы, внедренные Петром I в общественное сознание, стали играть роль своего рода указателей, дорожных знаков на пути к повышению социального статуса, карьере, богатству, общественному признанию. Хочешь процветать — поспевай, прояви отвагу, смекалку, получи образование, примени его на службе стране. Не сможешь сам — отдай служению делу Петра своих детей... Не удивительно, что страна пришла в движение.

Появление именно такой фигуры, безусловно, отвечало не только потребностям данного времени, но и неким, более фундаментальным, вневременным запросам российского этноса. Не зря из всех русских царей образ Петра I стал самым известным в народе и популярным в искусстве — высшей форме исторической памяти человечества.

Предвосхищая современное развитие рекламы, связей с общественностью, политехнологий, Д. С. Лихачев весьма конкретно говорит о Петре I, как **творце мифов**. Один из них — миф о самом себе¹⁰⁷, другой — миф о России.

Миф о Петре — это миф о возможности произвольно менять ход исторического развития по воле личности. Данная трактовка образа государя вошла в литературу, фольклор, официальную историографию, легенды, анекдоты, но, по мнению ученого, не соответствует действительности (реформы Петра явились «закономерным результатом всего развития русской культуры»¹⁰⁸). Против второго мифа Лихачев восстает с исключительной страстью: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия... Приведу один из напрашивающихся примеров: Петровские реформы. Для их осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большое сближение с Европой, значит надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее дви-

¹⁰⁷ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 164.

¹⁰⁸ Там же. С. 168.

гаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось... Создателем мифа об истории России был Петр Великий». И далее: «В мире не было еще мифа о народе и его истории, такого устойчивого, как тот, что был создан Петром»¹⁰⁹.

Впитывая западную культуру и технологии, внедряя их у себя на родине, Петр не только расширял сознание своих соотечественников, но и внедрял новый образ своей страны и ее правителя на Западе. Царь отчетливо понимал, что нельзя организовывать широкий въезд иностранцев в Москву, где упорно отвергалось европейское влияние. Реализовать свои планы Петр смог в новой столице, которую он вынес за пределы исконно русских земель. Она демонстративно получила голландское название — Санкт-Питербурх. Петербург стал «примерным» городом, по которому иностранцы судили обо всей России, хотя страна еще долго привыкала к новой столице. Уже в 1720 г. ганноверский резидент писал о Петербурге, что «учитывая немногие годы, употребленные на его строительство, он кажется чудом света»¹¹⁰. Петербург со времен Петра стал не только «окном в Европу», но и дверью из Европы в Россию.

Петр осуществил то, что сегодня можно было бы назвать **ребрендингом**¹¹¹, в масштабах целого государства. В повседневную жизнь высших сословий внедрялись все новые **корпоративные стандарты**, которые в результате такого целенаправленного воплощения оказывали свое влияние на все

¹⁰⁹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 192.

¹¹⁰ Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб., 2000. С. 32. (Б-ка гуманитар. ун-та; Вып. 10).

¹¹¹ Под брендом в современной теории рекламы подразумевается образ марки товара или услуги в сознании покупателя, выделяющий его в ряду конкурирующих марок. Ребрендинг — процесс, направленный на изменение сложившегося образа.

общество в целом, — смена знаковой системы наилучшим образом происходила через элементы образа жизни, досуга элиты. Петровскую технологию «культурной революции» можно представить как следующую последовательность культурного воздействия: «чудачества» царя — образ жизни его придворных — народная молва — образ жизни более широких слоев населения.

Об осознанном использовании Петром приемов, которые сегодня мы отнесли бы к арсеналу PR, говорит его участие в составлении собственной биографии и описания, которые нашли отражение в литературе и заняли свое место в учебниках истории. Кроме того, отнюдь неспроста в петровские времена основным жанром в живописи стал портрет. Это объясняется реализацией PR-задач по усилению воздействия образов царя и его приближенных. Кстати, миниатюрные портреты служили и наградными знаками. Петр также приказал сотворить его собственную восковую фигуру в полный рост.

В первой четверти XVIII в. по приказу царя в Петербурге стали издавать первые средства массовой информации — газету и журнал. Также были напечатаны сотни книг.

Общеизвестно, что во времена правления Петра I Россия сделала быстрый рывок в своем развитии. Страна встала на путь Просвещения. Коренным образом изменилось место России и ее роль в международных отношениях того времени.

Однако реформы Петра, по мнению Лихачева, деформировали представления об истории нашей страны: «Люди XIX в. повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми Петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества — крестьяне. И вот отсюда у людей XIX в. сложилось впечатление, что быт крестьян — это и есть быт Древней Руси; культурный уровень крестьян — это культурный уровень Древней Руси»¹¹², — пишет ученый. Кроме того, Петр был активным реформатором, «поэтому по контрасту с его деятельностью вся допетровская Русь пред-

---

¹¹² Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 173.

ставлялась неподвижной, косной, замшелой»¹¹³. Кроме того, «Петр обратил Русь к Западной Европе, поэтому допетровская Русь представлялась отгороженной от Европы китайской стеной»¹¹⁴.

На самом деле, многие особенности культуры XVIII–XIX вв. были естественным следствием развития русской культуры XVII и предшествующих веков. Однако «гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу»¹¹⁵.

---

¹¹³ Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 173.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *Он же*. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 165.

5. ЛИХАЧЕВ И ГУМИЛЕВ: СПОР О ЕВРАЗИЙСТВЕ*

Д. С. Лихачев и Л. Н. Гумилев еще при жизни стали знаковыми фигурами для отечественной интеллигенции, однако для большинства современных ее представителей эта «знаковость» скорее полярная. Если Л. Н. Гумилев был, по его собственному определению, «последним евразийцем», то образ Д. С. Лихачева сейчас устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным «западничеством». В той системе координат, которую предлагает нам нынешнее общественное мнение, сформированное трагическим политическим опытом 1990-х гг., Лихачев и Гумилев оказываются, безусловно, «по разные стороны баррикад» едва ли не в прямом, и уж, конечно, — в историко-культурном смысле.

Между тем, мнение «западника»-Лихачева для автора «Древней Руси и Великой степи» — один из решающих аргументов в самых острых и полемически-конфликтных моментах повествования¹¹⁶. Лихачев же, нисколько не «теряя лица» (и изящно упомянув о том, что «в исторической части почти все тезисы автора для читателя неожиданны») спокойно заявляет: «Спорить с Л. Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л. Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое»¹¹⁷. Сама

---

* Глава написана в соавторстве с профессором СПбГУП Ю. В. Зобниным.

¹¹⁶ См., например, трактовку Л. Н. Гумилевым версии событий 1113 г. в изложении В. Н. Татищева (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 324)

¹¹⁷ Лихачев Д. С. Предисловие // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 7.

же книга, по оценке ученого, является «весомым вкладом в развитие отечественной, и не только отечественной, истории»¹¹⁸.

Тем не менее отмеченная антитеза в позициях обоих ученых несомненно существует. По крайней мере, сказать, что Д. С. Лихачев был не согласен с евразийцами в целом и с Л. Н. Гумилевым в частности, значит, не сказать почти ничего. Причем этот вопрос представлялся ему столь важным, что он многократно поднимал его в своих статьях. В большинстве лихачевских работ по общим вопросам культурологии так или иначе присутствует эта тема. «Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства, — пишет Д. С. Лихачев, — ...Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны, и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся»¹¹⁹. «На самом же деле Россия — это никакая не Евразия. <...> Россия — несомненная Европа по религии и культуре»¹²⁰.

Не менее категоричен был и Л. Н. Гумилев, указывая на «восточный» (и, конкретно, «монгольский», «ордынский») генезис российской культуры и государственности, «возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингис-хана»: «...Государи московские <...> положили начало процессу сбирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. <...> Традиции Союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII вв., когда вся бывшая

¹¹⁸ Лихачев Д. С. Предисловие. С. 10.

¹¹⁹ Он же. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 358–359.

¹²⁰ Он же. О русской интеллигенции // Там же. С. 384.

территория Золотой орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV в. стало называться Россией»¹²¹. Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Л. Н. Гумилеву, большей частью, деструктивной: «Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру и этническое своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение»¹²².

Сопоставляя позиции Д. С. Лихачева и Л. Н. Гумилева, мы действительно видим на первый взгляд продолжение традиционной антитезы русской общественной мысли XIX в., расколотой на славянофильское и западническое направления. Но памятуя о столь же несомненно высокой степени толерантности ученых по отношению друг к другу мы имеем право, с учетом уже имеющейся временной дистанции, попытаться если не «снять» антитезу, то хотя бы приблизительно очертить абрис возможного синтеза или, по меньшей мере, сосуществования. Ибо наше время, как кажется, призывает не «разбрасывать», но «собирать камни».

Первым «приступом» к этому возможному синтезу может стать обращение к тому, что же разделило русских мыслителей на два лагеря — западников и славянофилов. В общем и целом **все сводилось к пониманию «провиденциальной миссии» России в плане религиозно-философском, или, в более светском варианте, к ответу на вопрос: какое направление должна избрать наша страна в своем грядущем развитии?** Именно так эта проблема была впервые обозначена в знаменитых «Философических письмах» П. Я. Чаада-

---

¹²¹ *Гумилев Л. Н.* Бремя таланта // Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы: лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. СПб.: Росток, 2004. С. 315.

¹²² Там же. С. 313.

ева¹²³, который, с одной стороны, утверждал абсолютное «ничтожество» русской истории в общеисторическом контексте Европы, а с другой — видел в этом «ничтожестве» русского «настоящего» залог великого «русского будущего». По мнению Чаадаева, убежденного провиденциалиста и мистика, промысел Бога не допускает «бессмысленного» существования никакого народа в истории (а тем более — народа столь многочисленного, как русский). «Пассивность» и «отсталость» России от Европы с этой точки зрения может означать только то, что Творец держит ее «в резерве», приберегая до поры до времени для некоего будущего «прорыва»: «Я убежден, что на нас лежит задача разрешить величайшие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих ум европейцев»¹²⁴.

Диалектику Чаадаева, по всей видимости, не поняли ни современники, ни даже ближайшие потомки. Одна часть интеллигентного российского общества (**западники**) с легкой руки молодого Герцена уяснила для себя только, что «Философское письмо» «басманного затворника» является «мрачным обвинительным актом против России», «прошедшее» которой «пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет»¹²⁵, и единственным разумным действием в таком положении может быть «подражание Западу». Другая же (**славянофилы**) взяла на вооружение тезис о «великой миссии» русских — в противовес якобы меркантильному ничтожеству «бездуховной» Европы и видела в любых контактах с Западом исторический соблазн (а то и прямую угрозу национальной самобытности).

Впрочем, в разные времена ответ на вопрос о «пути России» мог иметь разные исторические формы. Так, славянофилы были ранние и поздние, последние назывались «почвенниками», к ним, в частности, примыкал Ф. М. Достоевский;

¹²³ Чаадаев П. Я. *Философические письма*. М.: АСТ, 2006.

¹²⁴ См.: Кожин В. Пушкин и Чаадаев // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 712.

¹²⁵ Герцен А. И. *Сочинения*: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. С. 139.

западники — либеральные и революционные. Тот же А. И. Герцен проделал сложную эволюцию от западнического радикализма до отрицания буржуазной цивилизации — как исторического тупика. Именно поздние работы Герцена и послужили отправной точкой для группы русских интеллектуалов-эмигрантов (П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Г. В. Флоровского), издавших в 1921 г. в Софии сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»¹²⁶.

Евразийство также искало и нашло свой ответ на вопрос о пути России, и этот ответ прямо не вписывался ни в западническую, ни в славянофильскую традиции. Главным тезисом этого направления было утверждение: «Русские люди и люди “российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты»¹²⁷. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, — писал один из основателей евразийства, князь Н. С. Трубецкой (1890–1938), — может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией...»¹²⁸

В итоге, евразийцами еще до Л. Н. Гумилева была выработана особая позиция, выраженная в манифесте 1927 г., где говорилось: «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достигимы для них в отношении народов Европы и Азии»¹²⁹. Более

¹²⁶ См. об этом: *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 44.

¹²⁷ Там же. С. 43.

¹²⁸ Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7. С. 17.

¹²⁹ Там же.

того, усилия русской интеллигенции, пытавшейся в течение двух столетий ассоциировать себя с Европой, как утверждал Н. С. Трубецкой еще в 1920 г. («Европа и человечество»¹³⁰), были одной из главных причин разразившейся в 1917 г. катастрофы и гибели «старой» России.

Ссылаясь на почти «гипнотическое воздействие мифа об общечеловеческом характере европейской цивилизации», Трубецкой призывал «избавиться от ненавистного ига романо-германцев» и осознать, что культура Запада — лишь одна в ряду многих, совершенно равнозначных по своей ценности культур¹³¹. Что же касается народов Евразии, то им, по мнению Трубецкого (создавшего так называемую теорию языковых союзов), присущ единый «туранский» психологический тип, объединяющий угро-финнов, тюркские, монгольские, манчжурские и самодийские народы с русским общностью черт национальных характеров.

Насколько все сказанное о западниках и евразийцах относится к Д. С. Лихачеву и Л. Н. Гумилеву?

Сразу нужно отметить, что **оба ученых основывают свое понимание пути России на решительной ревизии традиционных представлений о специфике XIII–XV вв. в отечественной истории**, которая, в свою очередь, помогает обоим преодолеть, говоря словами Лихачева, «миф о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России»¹³². Между тем, именно представление о Петровских реформах как о качественном рубеже российской истории, открывающем ее новый — собственно европейский — период развития, как раз и было краеугольным камнем всех, без исключения, как западных, так и славянофильских построений XIX в. и было «унаследовано» от последних в XX в. евразийцами.

И у Гумилева, и у Лихачева качественно иное представление об отечественном историческом процессе — как о це-

¹³⁰ См.: *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995 (Сер. Филологи мира).

¹³¹ См.: Сто русских философов. М.: Мирта, 1995. С. 258.

¹³² *Лихачев Д. С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 164.

лостном и поступательном, лишенном «революционных метаморфоз» и «чудесных преображений» России из азиатской в европейскую (или наоборот!) страну. «Эпоха петровских реформ, — писал Д. С. Лихачев, — была подготовлена всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к новому времени, но все “естественное” и закономерное развитие русской культуры. <...> В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой <...> очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»¹³³.

По мнению Л. Н. Гумилева, версия отечественной истории, принятая в XIX в. как западниками, так и славянофилами, была создана «авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. <...> К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна. В XVIII в. юные русские петиметры, возвращаясь из Франции, где они не столько постигали науки, сколько выучивали готовые концепции, восприняли и принесли домой концепцию идентичности русских и татар как восточных варваров. В России они сумели преподнести это мнение своим современникам как само собой разумеющуюся точку зрения на историю»¹³⁴.

Лихачев недаром особо выделял в трудах Л. Н. Гумилева «опыт реконструкции» русской истории IX–XIV вв.: «Это именно реконструкция, где многое раскрывается благодаря воображению ученого. Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование. Если идти вслед за бедными источниками, посвященными

¹³³ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 170.

¹³⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 602–603.

ми этому времени, устанавливая только то, что может быть установлено с полной достоверностью, то все равно мы не гарантированы от недопонимания истории, ибо историческая жизнь несомненно богаче, чем это можно представить только по источникам. И все-таки любое, самое строгое следование за источниками невозможно без элементов реконструкции»¹³⁵.

С полным правом мы можем отнести эти слова и к одному из самых значительных историко-культурологических трудов самого Лихачева — «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого»¹³⁶. «То, что было известным как время поражения русской культуры, конец периода монголо-татарского завоевания и времени междуусобной вражды князей, оказывается также временем культурного триумфа, — пишет об этом лихачевском шедевре Р. Милнер-Гулланд. — ...Характеристика Лихачевым позднего средневековья как времени не только потенциальных, но и реальных достижений <...> вызвала достаточное количество прямой и непрямой критики. В частности, историки искусства увидели в этом покушение на их священную территорию, а византинисты различных дисциплин, как на Востоке, так и на Западе, увидели в этом угрозу своим концепциям “заката и упадка” православной Европы в конце эпохи правления Палеологов»¹³⁷.

На упомянутую «прямую и непрямую критику» (отметим почти дословное совпадение ее характеристики у Р. Милнер-Гулланда с вышеприведенной гумилевской цитатой) Лиха-

¹³⁵ Лихачев Д. С. Предисловие. С. 7.

¹³⁶ Попутно отметим хронологическую «взаимодополняемость» историко-культурологических реконструкций Гумилева и Лихачева: гумилевский очерк завершается XIV в., работа Лихачева посвящена XIV–XV вв. В оценке же исторической специфики последующего «московского» периода XVI–XVII вв. и Петровских реформ оба ученых, как уже говорилось, вполне солидарны. Впрочем, думается, бесполезно будет напомнить, что русские XVI–XVII вв. имеют также историко-культурологические «версии» в трудах А. М. Панченко — ученика Д. С. Лихачева и друга Л. Н. Гумилева.

¹³⁷ *Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Op. cit. P. 148.*

чев реагировал сдержанно, но очень показательно: «Приходится пожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных, специальных тем»¹³⁸. Не вызывает ни малейшего сомнения, что в числе немногих современников-«энциклопедистов» Лихачев мыслил прежде всего Льва Николаевича Гумилева...

До сего момента мы отмечали лишь совпадения и, так сказать, «симфонизм» в позициях ученых, но пора поговорить и о том, что их безусловно разделяло: «Я писал положительные отзывы на рукописи талантливейшего историка-фантаста евразийца Л. Н. Гумилева, писал предисловия к его книгам, помогал в защите диссертации. Но все это не потому, что соглашался с ним, а для того, чтобы его печатали. Он (да и я тоже) был не в чести, но со мной, по крайней мере, считались, вот я и полагал своим долгом — ему помочь, чтобы он имел возможность высказать свою точку зрения, скреплявшую культурно разные народы нашей страны»¹³⁹. Несогласие между Лихачевым и Гумилевым, как мы полагаем, возникает прежде всего из-за того, что **первый решал проблему отношения России к Европе чисто культурологически**, тогда как **второй подходил к ней с точки зрения этногенеза**, оставляя культурологический аспект в качестве вспомогательного компонента своей методологии.

Для Гумилева вся специфика отношений России как с Западом, так и с Востоком раскрывается как частный случай общего закона исторического бытия этноса с момента его рождения (вследствие пассионарного толчка) до момента его заката и гибели. «Сама идея “отсталости” или “дикости”, может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле

¹³⁸ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 86.

¹³⁹ Он же. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 414. Заметим, что последнее замечание четко ограничивает евразийство Л. Н. Гумилева от евразийства с мракобесным, черным характером (по выражению Лихачева), которое стремится оторвать интеллигенцию от народа. (Там же. С. 384).

различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки. <...> цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы и гордятся накопленной веками культурой, как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими франками и норманнами, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров. <...> О цивилизованности средневековых немцев и французов говорить особенно нечего. В эпоху Гогенштауфенов и “кулачного права” Германия, как и Франция в конце Столетней войны, была еще весьма неуниверситетской страной. А какими они станут в эпоху обскурации (этнической “старости”. — *Прим. авт.*) мы можем только гадать»¹⁴⁰.

С точки зрения Гумилева, подлинной проблемой для России были и остаются не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком «этническом состоянии» Россия на эти контакты выходила и выходит (и, соответственно, в каком «этническом состоянии» находится в это время как весь «европейский суперэтнос», так и конкретный объект контакта в частности).

Именно поэтому еще в те времена, когда концепция «общечеловеческих ценностей» стараниями М. С. Горбачева и его соратников приобрела в СССР идеологический статус «священной коровы», ученый писал: «все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны <...> Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один единственный гиперэтнос <...> Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей соб-

¹⁴⁰ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 383–384.

ственной этнической доминанты <...> Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западно-европейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...»¹⁴¹

Стоит ли как-то оспаривать сказанное? Думается, что нет, хотя бы потому, что в нашей сегодняшней жизни можно воочию наблюдать некоторые «ценности победившего этноса» каждый день: либо на телеэкране — как многочисленные российские переложения фильма «Однажды в Америке», либо — хуже того — в окружающей действительности (примерно так же, видимо, рассуждают и французы, сознательно ограничивающие приток голливудской продукции даже ценой встречных американских ограничений на французские вина и коньяки).

Впрочем, ясное понимание этнических «возможностей» народа в данный момент его исторического бытия может, по мнению Л. Н. Гумилева, позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадёжной стадии этнической «обскурации», в момент распада этноса. Примером здесь является «гений Александра Невского», заслуга которого «заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберёг зарождавшуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, “от зачатия до рождения”»¹⁴². Ученый очень ярко описывает трагическую дилемму великого князя: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот? Сказать, что у Александра Невского были основания любить Орду — никак нельзя, если вспомнить хотя бы, что именно там, в Орде, ханша Туракина, поверив навету, отравила его отца. Но Запад — Тевтонский орден — для русского князя представлял большую опасность. Монголы были вполне веротерпимы — религиозно толерантны, как сейчас принято говорить, а рыцари ордена — нет. Это рыцари Четвертого Крестового похода разграбили христианский Константинополь в 1204 г., оправдывая содеянное тем, что «право-

¹⁴¹ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2005. С. 189–190.

¹⁴² Он же. Древняя Русь и Великая степь. С. 544.

славные — такие еретики, что от них самого Бога тошнит»¹⁴³. (Кстати, недавно, в 2004 г., через 800 лет после описываемых событий представитель Папы Римского извинялся за случившееся тогда перед Константинопольским патриархом. Наверное, еще через 800 лет и сербы дождутся извинений за недавние бомбардировки Белграда авиацией НАТО...)

Реальный смысл гумилевского евразийства — в наличии у современной России политического выбора. К примеру: куда разворачивать газо- и нефтепроводы? С кем дружить и против кого? А присущую историософии XVIII–XIX вв. оценочность — будь то западническое признание «отсталости» России или, напротив, славянофильское утверждение ее «преимущества» перед Западом — Л. Н. Гумилев «выносит за скобки» исследования проблемы как устаревшую.

Для Лихачева Россия безусловно является частью Европы, ибо составляет с ней единую культурную систему. Обоснованному Гумилевым евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, безусловно европейский — то есть единый с европейскими народами — «русский культурогенезис», блестяще изложенный им в «Культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (ввиду особого значения данного фрагмента процитируем его полностью): «XIV в. — век Предвозрождения — является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. Момент национального самосознания — один из показательных для эпохи нарождающегося гуманизма. Во Франции к этому времени относятся деяния Жанны д'Арк, призывы в литературе к единству французов, к прекращению феодальных распрей. Крепнет французское национальное самосознание. Оформляется среднефранцузский язык. В Италии на рубеже XIII и XIV вв. образуется общепитальянский язык. Призывы к объединению Италии звучат в произведениях Данте и Петрарки. Патриотическое чувство итальянцев, видевших в римлянах своих предков, — один из самых мощных стимулов возрождения классической древ-

¹⁴³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1990. С. 24.

ности в Италии. В Англии к концу XIII — началу XIV в. относится слияние англосаксов и норманнов в одну английскую национальность. В 1362 г. в английском суде вместо французского вводится английский язык. В 1362–1364 гг. парламент впервые открывается речами канцлера на общенародном английском (так называемом среднеанглийском) языке. В конце XIII–XIV вв. создается общенемецкий язык. XV в. — век гуситских войн и национального подъема в Чехии. Подобно этому в России к XIV–XV вв. относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV–XV вв. выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства. Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие. Распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастают до широчайших размеров. Сложение элементов национальных культур по всей Европе тесно связано с культурными явлениями, предвещавшими блестящую культуру Возрождения»¹⁴⁴.

Именно на таком понимании культурного единства России и Европы Лихачев и основывает свой вывод о России как неотъемлемой части Европы: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы — с Запада или с Юга. Характерно, что даже у “всецеловека” Пушкина мотивы из Гафиза или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии или Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) «потурченцев», то есть представителей коренного этноса, принявших ислам. <...> Для существования и развития

¹⁴⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 96–97.

настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культуросфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западно-европейской, культуре <...> Европейская культура — культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской»¹⁴⁵.

Все сказанное не может не породить вопрос: можно ли считать позицию Лихачева в идейно-философском плане либеральным вариантом западничества, а в историко-культурном — вариантом европоцентризма? Впрочем, с западничеством Лихачева (как и с евразийством Гумилева) все более или менее ясно: он отнюдь не склонен видеть в Западе некий «идеал» которому должна следовать «отсталая» Россия (а какое же западничество без этого?). Другое дело, что «игра» отечественных интеллектуалов «в азиатчину» («Да, скифы мы, да, азиаты мы!..») для Лихачева, по всей видимости, была в лучшем случае неприятным кокетством, в худшем — политической безответственностью: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»¹⁴⁶.

С «европоцентризмом» Лихачева сложнее, ибо, в отличие от Льва Гумилева, он, говоря об общечеловеческом характере европейской культуры, склонен настаивать на ее качественном отличии от всех прочих исторически сложившихся на настоящий момент мировых культурных версий, и в этом либеральный и демократичный Лихачев, как ни странно, куда менее толерантен, чем автократ-евразиец Гумилев. Вряд ли Дмитрий Сергеевич не понимал этого. «Европоцентристской» проблематике он посвятил специальную речь, подготовлен-

¹⁴⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 359–360.

¹⁴⁶ Он же. О русской интеллигенции // Там же. С. 384.

ную для международной конференции «Великая Европа культуры», которая проходила в римском католическом университете Ла Сапиенца в апреле 1991 г.¹⁴⁷

Как отмечалось выше, **опорой европейской культуры Лихачев считает христианство** — прежде всего потому, что оно внесло в европейскую культуру **личностное начало**. Это тем более знаменательно, что проблема христианства была традиционно болезненной еще для основоположников евразийства. Так, например, Г. П. Струве открыто иронизировал над декларативным признанием Православия одним из устоев будущей «идеальной России»: «Как сочетать это с евразийской — а тем более туранской — природой “Российского мира”, было секретом евразийцев»¹⁴⁸. Л. Н. Гумилев обходился этот вопрос, трактуя религию только как выражение «негативного» или «позитивного» мирозерцания того или иного этноса (системы или антисистемы¹⁴⁹). Д. С. Лихачев же, вслед за христианскими апологетами, прямо ставит **именно христианство нравственно выше всех остальных религий** как единственную из них, «в которой Бог — личность»¹⁵⁰, способная понимать и страдать.

Второй аспект европейской культуры, утверждающий в глазах Лихачева ее превосходство, — **универсализм**, то есть восприимчивость к другим культурам. Здесь ученый продолжает линию «пушкинской речи» Достоевского: «Мы дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гениев чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий.... Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей. О, все это славянофильство и за-

¹⁴⁷ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 363–370.

¹⁴⁸ Струве Г. П. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Гл. XI. § 69. Выбор совести.

¹⁵⁰ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 365.

падничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое»¹⁵¹.

И еще один «европейский принцип», на котором как на «всечеловеческом» настаивает академик Лихачев — это принцип **свободы** и, прежде всего, свободы внутренней, свободы творческого самовыражения личности. Здесь его позиция с позицией евразийцев расходится более всего, ибо **евразийцы требовали ограничения личной свободы ради укрепления государства**. Как пишет Н. А. Бердяев, у евразийцев «государство объемлет все сферы жизни и совершенное государство окончательно должно захватить все сферы жизни, организовать всю жизнь, не оставив места для свободного общества и свободной личности... С точки зрения истории идей вы узнаете старую утопию, изложенную в “Государстве” Платона»¹⁵².

Л. Н. Гумилеву, несомненно, импонировал пафос товарищества и взаимовыручки в «Ясе» Чингис-хана: «Законы Чингис-хана карали смертью за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденного, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное ко вреду ближнего, троекратное банкротство, то есть невозвращение долга, и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе и в бою. Так же наказывался тот, кто отказал путнику в воде или пище. Неоказание помощи боевому товарищу приравнивалось к самым тяжким преступлениям. Более того, Яса воспрещала кому бы то ни было есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу <...> Предателей и гостеубийц уничтожали беспощадно вместе с родственниками, ибо, считали они, склонность к предательству — наследственный признак»¹⁵³. «Чингис, — заключал Гумилев, — сделал из своих подчиненных организацию фазы этнического подъема, с общественным императивом: “Будь тем, кем должен быть”. Называть эту фазу этногенеза “крепостным

¹⁵¹ Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 677.

¹⁵² Бердяев Н. А. *Утопический этатизм евразийцев* // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. С. 200.

¹⁵³ Гумилев Н. С. *Древняя Русь и Великая степь*. С. 447–448, 450.

правом” неточно, ибо “закрепощены” были все, включая хана»¹⁵⁴.

Вряд ли Д. С. Лихачев тяготел к анархизму, но **всевластие государства трактовалось им как проявление зла** в европейской (и, соответственно, в русской) культуре: «Зло выполняет негативную миссию, атакуя наиболее характерные черты культуры... Чем сильнее добро, тем опаснее его “противовес” — зло, несущее в себе индивидуальные черты культуры, но опять-таки со знаком минус. Так, например, если народ щедр и щедрость его является наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительство, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется негибкость, доведенная до полной бессердечности и душевной пустоты. <...> Из сказанного мною о характерных особенностях зла становится понятным, почему в европейской культуре зло проявляет себя прежде всего в борьбе с личностным началом в культуре, с терпимостью, со свободой творчества, выражает себя в антихристианстве, в отрицании всего того, в чем состоят основные ценности европейской культуры. <...> Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе. <...> Поразительно, что атакам зла подвергались в русской культуре все ее европейские, христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода. Зло действовало особенно интенсивно в эпоху Ивана Грозного (она не была характерной для русской истории), в царствование Петра Великого, когда европеизация соединялась с закабалением народа и усилением государственной тирании. Своего апогея атаки зла в России достигли в эпоху Сталина и “сталинщины”»¹⁵⁵.

В общем, **«европоцентрический» пафос Д. С. Лихачева оказывается, как мы видим, пафосом «культуроцентрическим»**, близким по духу даже таким критикам Запада, как «почвенник»

¹⁵⁴ Гумилев Н. С. Древняя Русь и Великая степь. С. 448.

¹⁵⁵ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 366–369.

Достоевский или, если обратиться к нашим дням, А. А. Зиновьев: «Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Эта культура сыграла беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества... она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массу до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени»¹⁵⁶. Вряд ли кто-нибудь из евразийцев — от Н. С. Трубецкого до Л. Н. Гумилева — смог бы всерьез отрицать подобную характеристику.

В проевропейской позиции Д. С. Лихачева необходимо отметить и еще один очень существенный мотив, кажется, полностью проигнорированный как классическим евразийством 1920-х гг., так и евразийским модернизмом в лице Л. Н. Гумилева — **университетское образование**. Высшее образование по западноевропейскому университетскому образцу — детище Петра I. Отсутствие высшей школы в допетровской Руси было «козырным тузом» западников в самых ранних спорах со славянофилами. А ведь академическая наука, неотделимая от университетского образования, — необходимое условие полнокровной жизни России в новое время, вплоть до ее способности себя защищать (эту мысль в отношении реформ Петра I, как нам кажется, впервые озвучил Н. А. Бердяев в «Русской идее»¹⁵⁷).

Способность развивать и (или) усваивать приходящие в какие-то моменты нашей истории передовые, преимущественно западные технологии — это один из бесспорных факторов жизнеспособности нации и государства. Так, например, приглашенные Петром учителя-немцы — один из ярких эпизодов подобных просветительских контактов. Вот и Дж. Биллингтон, глава библиотеки Конгресса США и личный знакомый

¹⁵⁶ Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 315.

¹⁵⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 18.

Д. С. Лихачева, в своей достаточно давней, ныне уже классической работе о России «Икона и топор» (1966) отмечал, что еще до Петра I, в XVII в., во времена войн царя Алексея Михайловича с Польшей, поляки завидовали «голландским хитростям» русской армии, так как протестантская Голландия была готова делиться военно-технической мыслью с православной Москвией, а не с католической Речью Посполитой¹⁵⁸.

Отрицать эту образовательную зависимость России от Запада по меньшей мере опрометчиво и в наши дни, после очевидной деградации российской высшей школы в кризисные 1990-е гг. Между тем, классические западные университеты не переживали в последние века влияния подобных социальных катастроф. Потому базисные для высшей школы вещи: безопасность, высокий кадровый потенциал, ориентация на достижение студентами серьезных учебно-научных результатов, устойчивые критерии качества обучения — сохраняются там как инвариант при внешних трансформациях.

Беспокойство и забота академика Лихачева о завтрашнем дне российского университетского образования, по всей видимости, тоже влияла на его «европоцентризм». Он пишет: «Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ, я думаю, ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры, надо развивать университетское образование. Здесь без общения с Западом не обойтись <...> Европа и Россия должны быть под одной крышей высшего образования»¹⁵⁹.

Таким образом, если **«евразийство» Гумилева утверждает наличие у России политического выбора, то «западничество» Лихачева доказывает, что культурного выбора у нее нет.** Это европейский выбор, он был сделан еще Древней Русью и не может быть изменен — как сущностный признак отечественной культуры.

¹⁵⁸ *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М.: Рудомино, 2001.

¹⁵⁹ *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 207.

6. ЛИТЕРАТУРОВЕД: КЛАССИК И НОВАТОР

В годовщину 100-летия великого ученого **представляется уместным еще раз вернуться к вопросу о его вкладе в литературоведение.**

То, что Д. С. Лихачев стал сотрудником отдела (впоследствии — сектора) древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского Дома), предварительно отсидев около четырех лет в Соловецком концентрационном лагере особого назначения (и написав там несколько блестящих работ, посвященных уголовному фольклору), сейчас широко известно — об этом много говорилось и писалось начиная с «перестроечных» времен. Не является секретом и то, что первой монографией будущего академика была брошюра «Оборона древнерусских городов», написанная им в соавторстве с археологом, профессором М. А. Тихановой в блокадном Ленинграде специально для солдат, защищавших ленинградские рубежи (ее по распоряжению ленинградского обкома раздавали в окопах).

В общем, достаточно знакомым, по крайней мере, для гуманитариев является и послевоенный творческий путь Д. С. Лихачева, схематически изложенный во многих биографических статьях: в 1954 г. — возглавляет сектор древнерусской литературы ИРЛИ, в 1958 г. — издает монографию «Человек в литературе Древней Руси», где впервые была представлена теория смены культурно-исторических стилей в средневековой русской литературе, в 1962 г. — «Текстологию» (о ней пойдет речь далее особо), в 1967 г. — «Поэтику древнерусской литературы», опровергающую взгляд на «евразийскую» природу русской культуры. Тогда же, в 1960–1970-х гг. Лихачевым написан ряд статей, посвященных крупнейшим фигурам «допетровского» периода отечественной словесности.

Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял «Слову о полку Игореве», противостоя новому «всплеску» активности противников «Слова», стремившихся поставить под сомнение подлинность этого шедевра русского средневековья. Д. С. Лихачев сумел ответить критикам достойно.

Весьма интересно мнение о последствиях данной дискуссии одного из крупнейших отечественных ученых-гуманитариев академика В. Л. Янина: «Выступление А. А. Зимина было результатом его научного убеждения. Я никогда не соглашался с А. А. Зиминим и его сторонниками, но считаю, что его позиция сыграла благую роль в изучении этого великого памятника. До этого к нему относились как к иконе, а в результате полемики стали изучать “Слово” методами текстологии, выясняя наслоения времени в нем, что сегодня привело к появлению блестящего исследования “Слова” А. А. Зализняком»¹⁶⁰.

В зрелый период жизни Лихачев действует как подлинный паладин, сражающийся за честь «Прекрасной Дамы» — России, ее великой культуры, являющейся частью культуры мировой. Он «без страха и сомненья» выступал против любого противника и, что очень важно в отечественном историческом контексте, умел побеждать даже в неравной битве. «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом, — писал Лихачев за год до ухода из жизни, “на санях сидючи”, оглядывая пройденный путь. — Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге; Кремль в Соловках; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Волотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии и т. д.; это научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев, средних школ и высших учебных заведений; это публикации в серии “Литературные памятники” воспоминаний “монархиста”

¹⁶⁰ Из письма В. Л. Янина А. С. Запесоцкому от 05.11.2006.

А. Бенуа, житий византийских святых, в Гослите — романа Пастернака “Доктор Живаго” и многого другого, за что мне неоднократно “попадало”. Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказались успешными»¹⁶¹.

Однако само по себе перечисление трудов и заслуг не может ответить на главный вопрос, до сих пор не разъясненный массовой читательской аудитории: **в чем состоит принципиальное новаторство Д. С. Лихачева в контексте современной ему филологической науки?** То, что академический ученый написал много хороших книг по теме его научной работы, не может быть само по себе основанием для придания ему статуса «знаковой фигуры». И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его «ванна», у Ньютона — «яблоко», у Менделеева — «таблица». Гений тем и отличается в научном мире от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остаются в истории науки длинным «списком научных трудов», и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже для непосвященных «девизом»-эмблемой, подобной рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен:

Lumen Coeli, Sancta Rosa! —
Восклицал в восторге он...¹⁶²

Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Есть. И этот девиз — **«текстология»**.

¹⁶¹ Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

¹⁶² Пушкин А. С. Жил на свете рыцарь бедный // Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 3: 1827–1836.

Как это часто бывает в научной работе, главное открытие Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин «высокой науки»: «древникам» лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гуттенбергом печатного станка, как легко понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных, дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку в рукописных списках первоначально существовало и Священное Писание, и первыми текстологами были ученые «толковники», стремившиеся установить библейский «канонический текст» (о важности этой работы говорит, например, тот факт, что из-за одной-единственной буквы «иота», отличающей греческое слово «единосущный» (ομοουσιος) от слова «подобносущный» (ομοιουσιος) в III в. шла настоящая многолетняя религиозная война).

В новое время те же проблемы, связанные с изучением рукописных текстов, получили «по наследству» от богословов литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы Средневековья. И столетие за столетием исходный, «канонический» текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые «стеммы» — схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить «безошибочный» вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая «механи-

ка» в методике работы литературоведа-текстолога вела ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались неизбежным злом. Понимание того, что «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста»¹⁶³, конечно, существовало, но принципы подобного «исследования смысла» оставались непонятными.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, **Лихачев впервые в мировой медиевистике сосредоточил внимание не на книге, как таковой, а на человеке, пишущем книгу.** «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, — утверждал Д. С. Лихачев. — Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать “механизм” ошибок. **Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом**»¹⁶⁴.

Именно это — гениально. Все гениальное — просто. Канту было нужно «всего-то» предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия — и произошел переворот в философии. Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной эвклидовой плоскости, в которой могут быть проложены параллельные линии, в природе нет — и были «потрясены» все предшествующие представления о геомет-

¹⁶³ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2001. С. 26.

¹⁶⁴ Там же. С. 62.

рии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что **понять историю создания текста — это и значит понять текст**, — и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской «Текстологии» литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед присваивал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а большей частью — по произволению своему). Во втором случае литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать «взгляды писателя», и видел в его произведениях (точнее — в их «идеологически значимых» фрагментах) точно такие же «биографические свидетельства».

И только Лихачев первым попытался связать два эти начала, попытался представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста. Читать без волнения те страницы «Текстологии», где фиксируется этот «момент истины» невозможно. «Заглянем через плечо древнерусского книжника, — предлагает Д. С. Лихачев. — Он сидит на “стульце”, положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадах, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетают в книгу...»¹⁶⁵ В психологии это называют «эмпатией» — умением представить себя на месте другого человека. И даже простая зрительная «картинка» создания рукописи, как пишет Лихачев, сразу «может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким

¹⁶⁵ Лихачев Д. С. Текстология. С. 64.

характером переписки рукописи. «Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, когда пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст»¹⁶⁶.

«История текста памятника, — пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, — стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей...»¹⁶⁷ Поэтому «чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. <...> На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие внимание на судьбу текста, а за этими людьми стоят в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника»¹⁶⁸.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию («не в слове — дело, а — почему слово говорится» — от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) вывело текстологическую концепцию Лихачева не только за достаточно узкие рамки медиевистики, но и за границы собственно литературоведения. **Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики** — науки о знаковых системах, имеющей

¹⁶⁶ Лихачев Д. С. Текстология. С. 65.

¹⁶⁷ Там же. С. 33.

¹⁶⁸ Там же. С. 45–46.

в современном научном мире универсальный характер. **Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.**

Следует заметить, что некоторые конкретные результаты лихачевских исследований в настоящее время либо уточнены, либо опровергнуты современными филологами-«древниками». Ничего удивительного в этом нет — наука не стоит на месте. Даже для непрофессионала очень многое в самой лихачевской «Текстологии» сегодня уже кажется очевидно-архаичным (так, например, в эпоху информатики звучат трогательно наставления Лихачева в технических приемах для проведения сравнения текстов: «Лист графится на вертикальные колонки по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка...» и т. д.¹⁶⁹).

Однако уместно вспомнить, что Зингер, произведя промышленный переворот, запатентовал не швейную машинку, а швейную иглу с отверстием для продевания нити на остром конце. Он прекрасно понимал, что все механизмы изобретенного им устройства очень скоро будут усовершенствованы его талантливыми последователями, но иглу с отверстием для продевания нити на остром — а не на тупом, как это было принято испокон веков — конце в самой технически-совершенной швейной машинке никто заменить не сможет. В наследии Лихачева-литературоведа такой «иглой» является его **семиотическая трактовка истории текста.**

Впрочем, еще об одном поразительном открытии Лихачева-литературоведа, находящемся в непосредственной связи с его пониманием текстологии, сказать все-таки хочется. Это его знаменитое **учение о «хронотипе»**, изложенное в вышедшей вслед за «Текстологией» «Поэтике древнерусской литературы»¹⁷⁰. Культурологов, разумеется, не может не заинте-

¹⁶⁹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 177.

¹⁷⁰ Он же. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

ресовать в этой книге критика Д. С. Лихачевым «евразийства» — именно тогда и возникает в его творчестве осознанная культурологическая тенденция, которая позже «эмансипируется» от его литературоведческих изысканий в самостоятельное направление научной деятельности. Но понятие хронотипа интересно среди прочего тем, что, принадлежа по существу к «инвентарю» культурологии, оно возникает из сугубо литературоведческих наблюдений Д. С. Лихачева. Ученый приходит к выводу, что многие текстовые особенности древнерусских памятников не могут быть объяснены иначе, как пониманием древнерусскими книжниками времени иным, нежели то, которое сложилось у современных читателей. В частности, если для современного представления «будущее» оказывается перед пребывающим в «настоящем» человеком, а «прошлое» — позади него, то для древнерусских авторов все было иначе. Человек, по их мнению, «пятился в будущее», оно находилось у него «за спиной». Наши предки жили «в прошлом и настоящем», тогда как мы живем «в настоящем и будущем».

Прочитаешь такое — и задумаешься. Для человека XX в. само собой разумеющейся кажется забота о том, что будет. Во имя того, чтобы завтра было хорошим, мы, подчас, идем на существенные жертвы сегодня. Многие российские «перекосы» минувшего столетия как раз и произошли от того, что общество стремилось к будущему, мало заботясь не только о прошлом, но даже и настоящее свое рассматривая как некую дорогу в прекрасное завтра.

Несомненно, лихачевское понятие «хронотипа» еще не до конца осмыслено...

7. ВЗГЛЯДЫ НА ТЕОРИЮ И ИСТОРИЮ ИСКУССТВА*

Вклад Д. С. Лихачева в развитие современного искусствознания до сих пор не получил должного осмысления. И это при том, что наследие ученого не только включает в себя работы историко-художественной и эстетической направленности, но и в трудах, ориентированных на культурологическую проблематику, он нередко обращается к размышлениям об искусстве.

В лихачевском наследии четко выделяются работы искусствоведческого цикла, среди которых наиболее значимыми представляются статьи, вошедшие в сборник «Очерки по философии художественного творчества»¹⁷¹, а также в монографию «Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре»¹⁷², являющуюся самым полным изданием культурологического и историко-художественного наследия ученого. Оно включает «Заметки об истоках искусства», «Слово и изображение в Древней Руси», «Закон цельности художественного изображения и принцип ансамбля в древнерусской эстетике», «Контрапункт стилей как особенность искусств», а также исследование, выражающее концептуальный взгляд Лихачева на историю русского искусства, — «Культура времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого». В этих работах получили четкое выражение размышления Дмитрия Сергеевича о современном искусствознании, его **взгляды на процесс и основные этапы исторического развития русского искусства**.

---

* Глава написана в соавторстве с профессором СПбГУП Т. Е. Шехтер.

¹⁷¹ *Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999 (1-е изд.: РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996).

¹⁷² *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006.

Исследования Д. С. Лихачева, посвященные истории и теории искусства, ведутся им в двух направлениях. В первом он рассматривает происхождение и природу искусства, во втором его интересует способ существования и закономерности развития художественного процесса. Оба направления неразрывно связаны: в зависимости от темы и задачи исследования идеи свободно перетекают из работы в работу.

Мысли Лихачева о происхождении искусства привлекают своей оригинальностью и глубоким пониманием его природы. Ученый говорит о зарождении художественного творчества как о непрерывном процессе, не ограниченном каким-либо историческим периодом, что принципиально отличает убеждения Дмитрия Сергеевича от концепций, широко распространенных в эстетике и искусствознании. Важной причиной, побудившей человека к творческой деятельности на ранних этапах исторического развития, он считает страх и говорит о том, что именно это чувство лежит в основе потребности физического и эстетического освоения мира. **Необходимость преодоления хаоса** в окружающей действительности и в духовно-душевном состоянии личности Лихачев тоже относит к причинам происхождения искусства и к одной из его важнейших функций.

Размышления Д. С. Лихачева об истории искусства, о динамике художественного процесса направлены на выявление наиболее общих его закономерностей, что потребовало осмысления категории стиля, разработки понятия «контрапункт стилей», а также исследования взаимоотношения хаоса и гармонии как условия развития искусства.

Идея о том, что происхождение искусства — не ограниченный во времени длительный исторический акт, то есть фактически нескончаемый процесс, является достаточно смелой. Но, следуя за мыслью ученого, мы вскоре убеждаемся, сколь справедливо это утверждение. Действительно, каждая эпоха имеет свои причины для развития искусства и соответственно раскрывает перед нами новую картину художественного творчества — по сравнению с предшествующим этапом, — характеризующуюся иными творческими принципами, идеями, поисками и новым типом образного мышле-

ния. Причем это обновление затрагивает все основания и компоненты искусства от философского обоснования и его эстетических идей до стилистического своеобразия и конкретной проработки произведений.

Смена установок, убеждений, стиля в основе своей содержит изменение взгляда на то, что такое искусство. Значит, мы можем говорить, что **каждая эпоха рождает искусство заново** таким, каким оно необходимо именно ей, оставляя от прошлой художественной культуры лишь то, что не готова подвергнуть изменению. И это справедливо не только в случае этапных изменений художественного процесса, смены исторических эпох, что чрезвычайно наглядно проявляется, скажем, в переходе от античности к средневековью, когда новые исторические условия и новая идеология способствовали созданию художественной системы, фактически противоположной предшествующей. Но это не совершенствование, утверждает Лихачев, а именно новое рождение искусства, осуществляемое в каждую следующую эпоху: «Происхождение искусства приближается к процессу его совершенствования, но не сливается с ним»¹⁷³. Художественное творчество не утрачивает прежний опыт, но как бы произрастает заново в новых условиях.

Поясняя свою идею о страхе как одной из причин зарождения художественного творчества, Лихачев пишет: «...мне представляется, что изображалось в пещерах прежде всего то, чего боялись, что могло нанести смертельный вред. Человек... нейтрализовал окружающий его мир в том, что несло ему опасность»¹⁷⁴.

Что же пугало русского человека? «Обширное пространство русской равнины», и тогда его покоряла «протяжная песня», «церкви населяли этот пустынный мир», заполняя его колокольным звоном. «Страшное море, страшные волны, надо было в свою очередь утрашить», и «нос ладьи корабельщики загибали высоко кверху и вырезали на нем страшили-

---

¹⁷³ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 5.

¹⁷⁴ Там же С. 6.

ще»¹⁷⁵. Но самым большим страхом был страх «смерти, неизвестности, исчезновения»¹⁷⁶. Потому и насыпались курганы — трудоемкая и тяжелая работа, но зато оставался материальный след человеческого присутствия на земле. «История также была пугающей своей переменчивостью, с чем он боролся историческими преданиями, песнями, а в пору обретения письменностями — летописями и историческими сочинениями... смехом и сатирой»¹⁷⁷.

И в новое время **страх играет большую роль в развитии искусства**, причем не только кьеркегоровский — экзистенциальный, а все тот же (биологический?) страх как защитная реакция. Д. С. Лихачев пишет, что Достоевский боится города и человека. Антиреализм (определение Лихачева) XX в. он трактует как борьбу с миром¹⁷⁸ и тоже, судя по всему, считает способом преодоления страха перед действительностью. Преодолевая страх, искусство стремится создать безопасную модель мира, считает он. Но когда возникают «кубизмы разных толков, абстракционизм», «антистихи, антитеатр, театр абсурда», искусство начинает внушать такой же ужас, как и действительность. И потому это недопустимо. Но преодоление не должно вести к уничтожению, ведь даже уничтожение смерти, говорит ученый, начинает страшить так, как страшит действительность. И правда, если уничтожить неизвестность, то что останется за пределами бытия?

Продолжая свои размышления о происхождении искусства, Д. С. Лихачев говорит о том, что именно **в преодолении этого хаоса искусство создавало себя концептуально, строило свои модели мира, то есть структурировало себя содержательно и формально**. Как же это происходило? Искусство подчиняло мир или части мира определенной композиционной системе, «населяло окружающее идеями там, где их без искусства нельзя было заметить, обнаружить, открыть»¹⁷⁹. Так

¹⁷⁵ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 6.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 7.

¹⁷⁸ Там же. С. 10.

¹⁷⁹ Там же. С. 7.

от темы происхождения искусства ученый переходит к рассуждению об **искусстве как естественном и необходимом дополнении реального мира, как о способе проявления этого мира, обнажения его сути и образа.**

Искусство, по мысли Дмитрия Сергеевича, выполняет **гармонизирующую функцию** по отношению к миру и побуждает к творческому взаимодействию человека и окружающую его действительность. Но это еще не все: «организующая сила искусства направлена, разумеется, не только на внешний мир, — читаем у Лихачева. — Упорядочивание касается и внутренней жизни человека», ибо помогает преодолеть душевный хаос. Конечно, «искусство не уничтожает горя, но уничтожает хаотичность душевного состояния горящего человека», оно преодолевает мир «не только “физическим” путем — возведение высоких церквей — маяков... создание “музыки” колокольного звона, особого “голосоведения” в песне», но и «введением вызванной этими широкими просторами душевной смятенности в определенные эстетические формы», что чрезвычайно ощутимо в теме разлуки в русском искусстве¹⁸⁰.

«Когда, — продолжает он, — боль от хаоса становилась особенно затяжной, длительной, а попытки упорядочивания не приводили к заметным результатам, возникала потребность освободить хаос, дать ему волю на некоторое время». Эта мысль — **новый концептуальный ход к пониманию искусства XX в., ведь всякое обнаружение хаоса есть в какой-то мере внесение в него упорядоченности.** Обнаружить хаос уже означает внести в него элементы системы. «Пикассо впускал хаос в свои произведения и стремился найти в хаосе какую-то свою хаотическую оправданность... Вот это-то и пугает зрителей», — пишет ученый. Что же означает такое искусство, задает вопрос Лихачев, борьба с хаосом или признание хаоса как организующей формы мира? Этот вопрос имеет принципиальное значение для теории искусства¹⁸¹.

По Лихачеву, художественное творчество вносит в мир упорядоченность. Памятники искусства — это попытки «вне-

¹⁸⁰ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 8.

¹⁸¹ Там же. С. 10–12.

сения системы в бессистемный мир». При этом ученый подчеркивает: «искусство борется не просто с хаосом. А с хаотичностью... но в основном искусство борется с собственным восприятием мира», стремясь ввести «восприятие в русло стиля. Искусство вносит в мир «упорядоченное беспокойство», ибо «в искусстве есть вечная неудовлетворенность миром и... самим собой»¹⁸².

Это «упорядоченное беспокойство» раскрывается в работах ученого: он рассматривает **закономерности, обеспечивающие**, по его мысли, **единство художественного процесса, связанное с эстетическим и историко-художественным содержанием**.

Стиль — ведущая рабочая категория в искусствоведческом наследии Д. С. Лихачева. Фактически, все свои размышления об искусстве он, так или иначе, связывает с этим понятием. Ученый размышляет о содержании и роли стиля в искусстве, использует это понятие, выстраивая сравнительный анализ русской, балканской, византийской культур, воспринимает его как основной структурный компонент художественной истории. Действительно, стиль — понятие, присутствующее во всех видах, жанрах и формах искусства. Гибкость и чуткость стиля, его реакция на все изменения, происходящие внутри художественного процесса и в окружающей действительности, позволяют считать его наиболее яркой характеристикой явлений художественной культуры. Характеризуя стиль, Лихачев прибегает к определению В. М. Жирмунского, который писал, что «...понятие стиля означает не только фактическое сосуществование различных приемов, временное или пространственное, а внутреннюю взаимную их обусловленность, органическую или систематическую связь, существующую между отдельными приемами»¹⁸³. Главное в стиле, отмечает Лихачев, снова цитируя Жирмунского, — его единство: «самостоятельность и целостность художественной системы», которая направляет восприятие зрителя, так

¹⁸² Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 12.

¹⁸³ Он же. О «неточности» искусства // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 72–73.

как стиль суживает художественные потенции произведения искусства» и тем самым облегчает его постижение. Ученый полагает, что «стиль эпохи возникает по преимуществу в те исторические периоды, когда восприятие произведений искусства отличается сравнительной негибкостью, жесткостью, когда оно не стало еще легко приспосабливаться к переменам стиля»¹⁸⁴. Поэтому «с общим ростом культуры и расширением диапазона восприятия, развитием его гибкости и эстетической терпимости падает значение единых стилей эпохи»¹⁸⁵, искусство и художественное восприятие становятся более разнообразным, многогранным, лично ориентированным. В качестве примера Дмитрий Сергеевич напоминает, что романский и готический стили, ренессанс охватывали все виды искусства, науку и философию. Что касается барокко, то оно может быть признано стилем эпохи с большими ограничениями (многие явления того времени в него не попадают); классицизм, сменивший барокко, не затронул народное искусство; романтизм не коснулся архитектуры; реализм слабо проявляется в музыке, лирике и отсутствует в архитектуре, балете, но зато открывает большую свободу индивидуальному творчеству.

Особое значение Лихачев придавал **контрапункту стилей**, то есть их взаимодействию и сочетанию. Контрапункт — суть многоголосие, полифоническое соединение разных тенденций. Поиск различного, специфичного в искусстве через постижение его как многогранного целого — одна из главных особенностей методологического подхода ученого. Самые простые и наглядные примеры сочетания стилей Д. С. Лихачев находит в архитектуре, привлекая в качестве примера английскую готику, успевшую за время своего долгого существования соприкоснуться с Ренессансом, барокко, классицизмом и стилем Тюдор. В связи с этим он обращается к проблемам эклектики, которую понимает как большей частью «механическое присоединение и соединение различных стилевых элементов. Тем не менее, —

¹⁸⁴ Лихачев Д. С. О «неточности» искусства // Лихачев Д. С. Очерки по философии. С. 70–71.

¹⁸⁵ Там же. С. 71.

замечает он, — эклектизм ни в коем случае не следует считать оценочным термином и только отрицательным явлением»¹⁸⁶.

Сегодня эклектика как художественное явление уже реабилитирована в истории искусства. Появились публикации и диссертационные исследования, показывающие закономерность появления и эстетическую ценность эклектической эпохи. Однако следует отметить, что Д. С. Лихачев одним из первых указал на продуктивность эклектики, которая освободила, по его словам, искусство от тирании одного стиля и подготовила возникновение модерна. **Он предлагает новый методологический подход к осмыслению эклектических явлений, считая, что их «можно рассматривать как системы, находящиеся в неустойчивом равновесии».** Если такой системе сообщить небольшой импульс, то это приведет либо к ее полному расстройству в целом, либо к появлению новых стилей¹⁸⁷. В этой возможности эклектики ученый видит ее историческое оправдание, ибо эклектизм сохраняет старое для нового.

Осмысление Дмитрием Сергеевичем диалектической проблематики исторического движения искусства продолжается в его **размышлениях о хаосе и гармонии**, в которых эти категории предстают нам несколько иначе, нежели ранее в его рассуждениях о природе искусства. Сегодня хаос — одна из «рабочих» научных проблем, интересующая ученых разных сфер профессиональной деятельности. Математики, физики, биологи, химики, социологи, ищут связи между разными типами беспорядочного в природе и социальной действительности; физиологи, экологи, экономисты погружены в исследование неструктурированных процессов — каждый в своей области.

«Мы редко задумываемся над тем, как совершается переход из одного состояния в другое, — пишет Д. С. Лихачев. — Условия перехода, — продолжает он, — могут быть определе-

---

¹⁸⁶ Лихачев Д. С. Контрапункт стилей как особенность искусств // Лихачев Д. С. Очерки по философии. С. 87.

¹⁸⁷ Там же. С. 88.

ны как состояние хаоса — полное или частичное»¹⁸⁸. Внимательное рассмотрение творчества, по мнению ученого, выявляет, что оно не может быть замкнуто в сфере закономерностей, что стиль и содержание искусства «не поддаются точным законам своего существования»¹⁸⁹: всегда имеет место некоторая хаотичность и неустойчивость как в сфере больших стилистических формаций (макроуровень), так и на уровне индивидуального авторского творчества (микроуровень). Столкновение же, дисгармонизация макро- и микроуровней ведет к оживлению хаотического начала и тем самым способствует появлению нового, считает ученый. Таким образом, **Д. С. Лихачев трактует хаос как плодотворное переходное состояние**, и подчеркивает, что именно **на пути от Хаоса к Космосу, от неустроенности к гармонии создается новое в художественном творчестве, делаются открытия, рождаются шедевры.**

Идеи академика Лихачева развиваются в его исследованиях, посвященных **исторической проблематике искусства** и, в первую очередь, искусства Древней Руси. Одной из его центральных историко-художественных работ стала статья «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого»¹⁹⁰, в которой он размышляет об одном из наиболее спорных вопросов в истории русской культуры: имело ли место Возрождение в России или нас минула эта, столь значимая для Западной Европы художественная эпоха?

История русской художественной культуры, ее динамическая последовательность, своеобразие сформировавшихся в ней традиций, влияние восточноевропейских стран, особенности усвоения Россией византийской традиции — все эти вопросы, безусловно, интересовали специалистов в области истории и теории искусства, но до Лихачева осмысление этих историко-художественных проблем в контексте современной

---

¹⁸⁸ Лихачев Д. С. Через хаос к гармонии // Лихачев Д. С. Очерки по философии. С. 91.

¹⁸⁹ Там же. С. 92.

¹⁹⁰ См.: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 87–163.

культурологической мысли практически отсутствовало. Уже только на этом основании можно говорить о незаурядном значении научного вклада ученого в современные культурологию и искусствознание, ибо тесная связь этих наук сегодня несомненна. И здесь междисциплинарные связи двух отраслей научного знания также подняты Д. С. Лихачевым на качественно новый уровень.

Периодизация развития русской художественной культуры — одна из сложнейших научных задач. По сей день не существует единого принципа выявления этапов ее развития и единой точки зрения на их содержание. Существующая в XX в. традиция определения «общего знаменателя» разных культур, как и стремление к непротиворечивости концепций структурно-исторического содержания, побуждали исследователей рассматривать русскую культуру в соответствии с устоявшимся в западном и российском искусствознании представлением об основных периодах художественной истории. Отсюда — настойчивый поиск своего, русского Возрождения в художественном наследии Древней Руси, который имел своих последователей. Действительно, трудно было смириться с мыслью, что столь яркое и значительное для судьбы Европы явление состоялось без отечественного участия. Возможно, исследователи испытывали безоговорочное доверие к сложившейся схеме, по которой Средние века должны были обязательно завершиться Ренессансом.

Д. С. Лихачев предлагает яркую и оригинальную версию русской художественной истории. Нет, в России не было Ренессанса, говорит он, но было Предвозрождение, имевшее для отечественной культуры определяющее значение. В работе «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» академик Лихачев осуществляет обоснование историко-художественной концепции, которая вносит серьезные изменения в культурную карту Европы XIV–XV вв., расширяя и уточняя географию предренессансных преобразований, охвативших в это время христианский мир. Заслуга Дмитрия Сергеевича не только в том, что он обоснованно вводит Россию XIV–XV вв. в контекст европейского исторического движения. Рассматривая эту эпоху внимательнейшим образом,

он показывает, в чем заключается существо данного культурно-исторического этапа и каково его значение не только для России, но и для стран Восточной Европы. **Введение в научный оборот понятия «русское Предвозрождение»** позволяет Лихачеву объяснить ряд феноменов, не получивших до него всестороннего рассмотрения, и выявить особенности влияний и взаимодействий, характеризующих Россию и Запад эпохи ренессансного обновления.

К размышлениям о русской культуре XIV–XV вв. Лихачев приступает с исторического сопоставления. Он замечает, что XIV в. — Предвозрождение — это эпоха интенсивного сложения национальных культур по всей Европе, время роста национального самосознания, что было показательным для периода нарождающегося гуманизма¹⁹¹. Подобные процессы, замечает он, протекали в Италии, Франции, Англии. Точно также и в России идет формирование национальной русской культуры, крепнет единство русского языка, растет интерес к родной истории. Это сопоставление позволяет ученому прийти к выводу о самобытном и значимом для развития России периоде, являющимся по основным своим признакам Предвозрождением, который, однако, не развивается в русское Возрождение. Лихачев объясняет этот факт социально-экономическими причинами, но, добавим мы, дело еще и в том, что Россия обретает существенно иной путь духовного развития, нежели Западная Европа.

Какие **специфические черты Предвозрождения** отмечает ученый? Главное его отличие от Возрождения заключалось в том, что оно развивалось в русле религиозного сознания, было связано с позднеготическим мистицизмом, с позднеготической эмоциональностью и экспрессивностью. «Это движение еще не противостоит Средневековью. Религиозное начало не отодвигается на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, Предвозрождение развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры»¹⁹². Русское Предвозрождение, отмечает Дмитрий

¹⁹¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 96.

¹⁹² Там же. С. 154.

Сергеевич далее, «также полно интереса к античной и эллинистической культуре, носит уже отчетливо выраженный “ученый” характер и связано в Византии с филологическими штудиями»¹⁹³.

Широчайшая эрудиция академика Лихачева позволяет ему иллюстрировать свои идеи на материале событий той эпохи, истории архитектуры, изобразительного искусства, литературы, богословия. Он отмечает, что Россию в этот период нельзя рассматривать отдельно от Византии и балканских стран. «Эпоха конца XIV — начала XV в., — замечает он, — представляет собой определенное культурное единство. Единство явлений в области литературы, искусства, философско-богословской мысли... позволяет говорить не об отдельных направлениях в искусстве, в литературе и в философско-богословской мысли, а о едином восточноевропейском движении», которое Д. С. Лихачев определяет как восточноевропейское Предвозрождение, охватившее Византию, Болгарию, Сербию, Россию, Кавказ и даже, в какой-то степени, Малую Азию¹⁹⁴. При этом он подчеркивает, что Предвозрождение — это мощный блок европейской культуры, равновесный развивающемуся на Западе Ренессансу. **При всем своеобразии восточноевропейского Предвозрождения, оно имеет много общих признаков с западноевропейской культурой Возрождения.** На эти признаки и указывает Д. С. Лихачев, выделяя прежде всего **обращение к своим культурным истокам и открытие личности (индивидуальности) в обыденной жизни и в высокой культуре.**

Если основанием итальянского Возрождения явилась унаследованная и открытая вновь римская, а затем и греческая древность, то в России в качестве такого основания выступают свои национальные памятники и национальная история. Ученый показывает, что «своей античностью» для русских стали древние Киев, Владимир, Новгород, а также произведения XI–XII вв., которые в эпоху Предвозрождения пользуются повышенным вниманием. Д. С. Лихачев отмечает в связи с

¹⁹³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 153–154.

¹⁹⁴ Там же.

этим «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и другие тексты домонгольской поры, получившие отражение в произведениях XIV–XV вв. Русская культура этого времени «несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры... а с другой — поражает гибким подчинением насущным задачам своего времени»¹⁹⁵.

Особое внимание в характеристике русского Предвозрождения Д. С. Лихачев уделяет взаимодействию России с Византией и южнославянскими странами — Болгарией и Сербией. Он полагает, что исследование этого взаимодействия может в будущем пролить свет на многие особенности развития этих стран, пока еще не поддающиеся объяснению. В эти годы существовали целые колонии русских в Константинополе и на Афоне, а греки, болгары, сербы нередко переселялись в Москву, Новгород и другие города России. Ученый отмечает, что среди выходцев из южнославянских стран были и выдающиеся писатели, оказавшие заметное влияние на развитие русской литературы.

Но, с другой стороны, русская образованность развивалась так быстро, что вскоре, в свою очередь, начала оказывать влияние на южнославянские страны. Академик цитирует Константина Костенческого, который в своем сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим», что, несомненно, говорит не только о понимании русского языка, но и о высокой оценке его как эстетического феномена. Столь же высокую оценку, полагает ученый, встречала и южнославянская письменность в России, иначе как объяснить тот факт, что шрифт и орнамент рукописей нередко создавался в южнославянских традициях? Или что особый литературный стиль «плетения словес», сложившийся в Болгарии, проникает в русскую литературу и сохраняется в русской словесности до XVII в.?

Характеризуя сложные основания русского Предвозрождения, Д. С. Лихачев на широком материале показывает, что

---

¹⁹⁵ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 102–103.

южнославянское влияние тесно переплеталось с влиянием византийским, которое осуществлялось как опосредованно (через южнославянскую культуру), так и непосредственно¹⁹⁶. Византийское влияние было особенно обширным и коснулось разных областей русской культуры. Д. С. Лихачев отмечает его роль в орфографии, словообразовании, в графике рукописи. Однако ученый считает, что для письменности в это время ведущим было южнославянское влияние, и Византия воспринималась как его часть. Для живописи же на первом месте стояло византийское влияние, и в этом случае южнославянское воздействие выступает как часть византийского.

Здесь имеет смысл вместе с Дмитрием Сергеевичем обратиться к мощному взлету живописного искусства на Руси в этот период, который, с его точки зрения, в значительной мере поддерживался византийской традицией: «связь русской живописи с “палеологовским ренессансом” была настолько широкой, — отмечает он, — что значительно труднее найти памятник русской живописи второй половины XIV — начала XV в., в котором эта связь не могла бы быть отмечена, чем наоборот»¹⁹⁷. Особенно наглядно, считает академик Лихачев, эта связь проявляется в новгородской монументальной живописи XIV в.¹⁹⁸, отразившей «мистическое озарение, экстаз, сильные душевные движения, чувство благоговения и непосредственной связи с Богом», что «столь же отчетливо сказывается в темах “палеологовского” стиля живописи»¹⁹⁹. Помимо византийского влияния, Д. С. Лихачев указывает на сербское воздействие, заметное в русской живописи.

В свою очередь, русское искусство повлияло на развитие художественной культуры южнославянских стран, что еще раз подтверждает идею Лихачева о единой предвозрожденческой культуре южнославянского региона. Этому способствовало культурное общение греков и славян в XIV–XV вв. Ученый называет центры, в которых оно осуществлялось. Это, прежде всего,

¹⁹⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 106.

¹⁹⁷ Там же. С. 109.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. С. 130.

Афон, Константинополь и монастыри Болгарии (по мнению академика Лихачева, именно Болгарии принадлежит особая роль в трансляции греческого влияния в Сербию и Россию).

Д. С. Лихачев уделяет внимание и «абстрактному психологизму», которым, по его мнению, отмечены литература и живопись этого времени. Что же означает этот «абстрактный психологизм», который проявляется, в частности, во внутреннем динамизме персонажей фресок, ранее не свойственном русской живописи? Очевидно, ученый имеет в виду обобщенную психологическую характеристику персонажей, которая не индивидуализирована, например, в творчестве Феофана Грека, но тем не менее ярко представляет внутреннее состояние его героев.

Характеризуя живописное мастерство и выразительность образов этого художника, ученый приводит пространную цитату из текста знаменитого исследователя византийского искусства В. Н. Лазарева. Особо интересен в ней момент, раскрывающий различие Предвозрождения в России и на Западе (сходные признаки, выявленные Лихачевым, мы уже отметили ранее). Размышляя о знаменитых бликах Феофана Грека, Лазарев замечает, что «их нельзя сравнивать с тречентистской светотеневой моделировкой, в которой распределение света и тени подчинено строгой закономерности»²⁰⁰. В этом замечании Лазарева, разумеется, не случайно выбранном Лихачевым, **вскрывается принципиальное различие двух Предвозрождений — западного и русского**, ибо одно из них ищет гармонии, опираясь на «строгие закономерности», а другое — на «глубокую внутреннюю логику», подчиненную выражению духовного состояния персонажей. Потому Дмитрий Лихачев считает, что Феофан Грек встретился в России с задачами, неизвестными ему на родине. В силу своего образования и одаренности, личных интересов (художник был связан с еретическими и мистическими движениями XIV столетия) он сумел совместить созерцательность и ученую философичность византийской культуры и безраздельность эмоционального переживания, отличающее русскую культу-

²⁰⁰ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 114.

ру той эпохи. «Мне представляется, что правы те, кто видит определенную связь между мистическими течениями общественной мысли XIV в. на Балканах и новыми веяниями в области живописи», — пишет Лихачев²⁰¹.

Итак, Феофан Грек, с точки зрения Лихачева, первый мастер, отразивший полноту духовного и художественного поиска России XIV в., а это значит, что он был одним из первых, в чьих индивидуальных качествах и творчестве проявилась **идея личности русского Предвозрождения — второй после обращения к культурному наследию признак этой эпохи.** «Феофан Грек — это художник-интеллектуал, “философ зело хитрый”, как называет его Епифаний Премудрый»²⁰². В работах Феофана Грека зрителю открывается процесс духовного восхождения, поражающий интенсивностью и глубиной внутренней жизни персонажей.

Интересно отметить, что итальянское Возрождение началось с антропологического открытия человека, с интереса к пропорциям человеческого тела, его индивидуальным особенностям. Внимание привлекают и специфические черты внешности, заботливо выписываемые живописцем (феррарский портрет — наглядное тому подтверждение). В России же гуманистическое постижение личности предполагает, прежде всего, духовно-нравственный аспект.

Если Петрарка и Данте открыли итальянское Возрождение, поразив современников новым видением человека, то в России подобную роль выполнил Сергей Радонежский, его окружение и его ученики. Именно Радонежскому принадлежит утверждение новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним перекликалось. Итальянский гуманизм наделяет человека земным могуществом, огромной творческой силой, открывает в нем силу и величие духа, широкий диапазон возможностей. Он настаивает на преодолении человеком церковных представ-

²⁰¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 128.

²⁰² Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1994. С. 118.

лений о собственном ничтожестве: человек должен научиться уважать себя.

Главный смысл идеи человека в русском Предвозрождении, связанной, прежде всего, с именем Сергия Радонежского, заключался в обожении человека и мира, то есть в возвышении человека, в признании его духовного величия. Эта идея генетически связана с идеей исихастов, утверждавших, что человек может созерцать «нетварный» (божественный) свет. Но Сергий Радонежский не мог знать о богословских спорах и дискуссиях исихастов. Он самостоятельно приходит к этой идее, имеющей в те времена, действительно, революционное значение. В ней воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени.

Д. С. Лихачев отмечает смягчение нравов в эту эпоху, что связывает с воздействием церкви, оживлением деятельности монастырей, ведь в церковных наставлениях говорилось, что «невежество злее согрешения» (сравним с идеями итальянских гуманистов). Растет значение человеческой личности и в быту, начинает индивидуализироваться творчество писателей, художников, появляются первые писатели-профессионалы, каким был Пахомий Логофет²⁰³. Важным явлением для эпохи становится дружба, и Дмитрий Лихачев пишет о дружбе, связывающей Епифания Премудрого и Феофана Грека, Сергия Радонежского и Стефана Пермского, Андрея Рублева и Даниила Черного. Обновляются семейные отношения, эпоха отмечена особой заботой о семье. На этом фоне развиваются семейные обычаи, и, начиная с XIV в., на Руси с необыкновенной торжественностью отмечаются все значительные события семейной жизни. Изменяется и облик людей — ученый полагает, что обычаи западной моды не были редкостью на Руси.

С точки зрения Д. С. Лихачева, в искусстве осознание ценности личности выражается чаще всего в косвенных признаках. Одним из них является проникновение в русскую

---

²⁰³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 143–145.

живопись (как и в архитектуру) пейзажа: «Авторы эпохи Предвозрождения... научили любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весенней природой, слушать птиц и наблюдать зверей»²⁰⁴.

Наиболее глубокое, по мнению ученого, воплощение гуманистического понимания мира и личности нашло отражение в творчестве Андрея Рублева. Дмитрий Сергеевич считает важным, что Рублев вырос в кругу новой предвозрожденческой образованности, представителями которой были Дмитрий Донской, митрополит Алексей, Сергей Радонежский, князь Владимир Андреевич Серпуховский, Феофан Грек. Ученый отмечает «высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства», свойственные произведениям Рублева. Это — черты «не лично авторские: они взяты им из окружающей действительности». В творчестве Рублева, по мнению ученого, были созданы образы, воплотившие черты лучших реальных представителей его эпохи. Лихачев убежден, что подобные образы не могли быть выдуманы художником, «грубые и дикие нравы не могли дать той утонченной и изящной человечности, которая зримо присутствует в произведениях Рублева и его школы»²⁰⁵. Он усматривает даже русский национальный тип лица в рублевском «Спасе» из Звенигородского чина, который сочетается, по его мнению, с проявляющимся в этом образе национальным складом характера.

Д. С. Лихачев сопоставляет «Троицу» Андрея Рублева и «Божественную комедию» Данте, ибо, как и у великого итальянца, в работе Рублева соединяются средневековый символизм, высокий гуманизм и «простая человеческая правда». Размышляя о «Троице», Лихачев обращается к соображению М. Алпатова о том, что в среде Рублева почитались позднеантичные философские труды, вроде сочинений Дионисия Ареопагита, в которых соединялись христианское учение о едином Боге и пантеистическое учение о проявлении божества во всех явлениях реального мира. В этом известный

²⁰⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 145, 146.

²⁰⁵ Там же. С. 120.

искусствовед усматривает причину духовной наполненности «Троицы» в каждой ее детали.

«Троица» подробно прокомментирована многочисленным авторами. Однако Д. С. Лихачева интересует выражение в ней тех качеств, которые ученый считает определяющими для русского Предвозрождения: в произведении запечатлен идеал созерцательно-духовной личности, в которой соединилась русская религиозность и интеллектуальная деятельная активность, отличающая данную эпоху. Икона была написана в «похвалу Сергию», который практически разрабатывал традицию «умного делания» на Руси, «возделывая трудную пустынную почву душ, чтобы взрастить плоды Духа». Он призывал «воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего»²⁰⁶, а это было время братоубийственных войн и разорения русской земли ордынцами. Именно тогда прозвучал призыв Сергия к братолюбию, единению, духовному созиданию.

В творчестве Рублева Предвозрождение достигает новой стадии развития, действительно сопоставимой с высочайшими достижениями Ренессанса, но в иной богословской традиции. Д. С. Лихачев отмечает, что «Троицу» отличает созерцательность, задумчивость, спокойная и светлая грусть, переводя таким образом содержание знаменитой иконы на язык светских, мирских впечатлений. По его мнению, Рублев поставил перед русской живописью новые колористические задачи, и этот его шаг явился новым выражением взаимодействия культур. Известный искусствовед И. К. Языкова поддерживает эту мысль. Она пишет, что в конце XIV в. из Византии привезли икону «Страшный суд», поразившую современников светоносностью и чистотой красок. Она предполагает, что Рублев выступил как продолжатель византийской традиции: «Его образы — ...это образы совершенства, гармонии, чистоты, святости — всего того, что открывается подвижнику на вершинах созерцания. Это плоды Духа»²⁰⁷.

²⁰⁶ Языкова И. К. Указ. соч. С. 116.

²⁰⁷ Там же. С. 118.

Труднее всего, замечает Д. С. Лихачев, обнаружить предвозрожденческие черты в зодчестве XIV–XV вв., но тем интереснее проследить их и соотнести с явлениями в других искусствах. Он сопоставляет «украшенный» стиль в литературных произведениях и архитектуре, выявляет его истоки, которые находит в Болгарии, и представляет этот стиль на примере церквей Новгорода, Пскова и Москвы. Ученый считает, что зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собой, и показывает эту связь на примере политической жизни и строительства в Москве накануне Куликовской битвы. Согласно его утверждению, архитектура Предвозрождения стремилась к возрождению архитектурных форм домонгольской Руси, как это происходило и в других видах искусства в тот период. Ученый утверждает, что уже с княжения Дмитрия Донского на Руси растет интерес к памятникам владимирского зодчества.

Размышляя о Д. С. Лихачеве, о его вкладе в искусствоведческую науку, нельзя не отметить, что в силу особенности его дарования и широты взглядов **академик создает синтетическую панораму духовно-художественной жизни Древней Руси**. Вне искусствоведческих идей ученого художественная культура Руси XIV–XV вв. не может быть понята во всей ее полноте и в ее значении для европейской культуры в целом. Наследие академика Лихачева, как и любого другого ученого неравнозначно. Не все его размышления об искусстве могут быть приняты безоговорочно. Но методологическая ценность его работ, посвященных этой проблематике, несомненна. Идеи Д. С. Лихачева позволили увидеть немало важных связей в историческом развитии искусства, а его подход к изучению историко-художественных процессов, несомненно, обогатил искусствоведение.

8. О ФИЛОСОФСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Труды академика Лихачева о культуре в своей основе безусловно имеют определенную **философскую составляющую**, хотя личные взаимоотношения ученого с философским «цехом» научного знания были непростыми.

По всей видимости, сам Д. С. Лихачев не причислял себя к философам. В связи с этим особый интерес представляет мнение академика А. А. Гусейнова: «Лихачев, кажется, не очень любил философию, и я не знаю, насколько хорошо он ее знал... Каким бы, однако, ни было отношение к философии, его рассуждения о культуре в действительности имеют философскую природу...»²⁰⁸.

Здесь стоит вспомнить следующее. **В традиции отечественной философии, начиная с очень давних, допетровских времен, собственно академическая философия замещалась чем-то иным.** До XVIII в. философия в России прячется внутри религиозной тематики, включая споры иосифлян и нестяжателей, сторонников реформы патриарха Никона и старообрядцев и т. д.

Появившаяся в послепетровскую эпоху академическая философия развивалась в России в трудных условиях. Как писал впоследствии Г. Г. Шпет: «Профессора философии подвергались самой глупой цензуре, и их жалкое преподавание должно было протекать в атмосфере доносов, преследований и нелепых указаний на истинное направление, которого им надлежало держаться»²⁰⁹. А в начале XIX в. министр

---

²⁰⁸ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева / СПбГУП. СПб., 2006. С. 25.

²⁰⁹ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989, С. 42–43.

народного просвещения князь Ширинский-Шихматов вообще ее запретил — так, ему приписывают следующие слова: «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен»²¹⁰. В результате лучшие отечественные философы того времени, начиная с западников и славянофилов, — литераторы или литературные критики. Отчасти эту традицию продолжил в России и XX в., «допустив» философию преимущественно на страницы толстых литературных журналов. В одном из словарей победивших в России революционеров писалось, что «марксизм окончательно вытеснил философию из общественной жизни»²¹¹.

Д. С. Лихачев — прямой продолжатель неакадемической традиции русских философов, в том числе и постольку, поскольку по департаменту философии в Академию наук СССР (не рассматривая современность) избирались не В. Ф. Лосев или М. М. Бахтин, отлученные в свое время от академической философии, а в основном малоинтересные персонажи, работы которых никто давно не помнит.

Говорить о философских взглядах академика Д. С. Лихачева как минимум непросто, потому что в его текстах нет прямого их изложения. Если же пытаться вырвать его философские рассуждения из окружающего их контекста, можно получить достаточно странные результаты.

Так, академик в одной из наших дискуссий утверждает: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью, одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения»²¹².

У философа-профессионала сразу возникает желание пойти в «лобовую атаку» на этот текст. В самом деле, оптимизм

²¹⁰ Шпет Г. Г. Указ. соч. С. 260.

²¹¹ Настольный энциклопедический словарь-справочник. М.: Прометей, 1926.

²¹² Д. С. Лихачев — университетские встречи. С. 69–70.

и пессимизм характеризуют определенное видение мира человеком, а материализм и идеализм — это про другое, про вопрос — что первично. А поскольку дважды два четыре, то и комбинаций вышеуказанных категорий тоже четыре.

Например, философия Шопенгауэра — пессимистический идеализм, а у Маркса — материализм, но вполне оптимистически звучащий в социальном смысле (для его единомышленников, разумеется): «Грядет час капиталистической эксплуатации. Экспроприаторов экспроприруют!» Если спросить сегодня историка: «Скажите, музыка революции оптимистична по своему звучанию?», то, скорее всего, последует встречный вопрос: «Для кого?»

Известен случай как один доцент кафедры истории КПСС заказал в Ленинградской БАН СССР статью по первым словам названия — «Ряды исчезающих классов...». Он был сильно удивлен, когда выяснилось, что это работа по высшей алгебре. А он-то думал — про буржуазию...

С другой стороны, когда Д. С. Лихачев указывает, что литературные произведения разбирались с точки зрения первичности материи, вспоминается идеологизированная вульгарная литературно-художественная критика 1930–1950-х гг. Скорее всего, именно такое вмешательство философии в дела литературы обусловило не вполне благоприятное отношение Дмитрия Сергеевича к философии как академической дисциплине. (Не ручаясь за достоверность этого факта, отметим, что в среде философов бытует «предание» о том, что Д. С. Лихачев был якобы против аспирантских экзаменов по философии.)

Академик утверждает в вышепротитированном выступлении, что «материя — низменное начало». «Низменная» оно в сравнении, разумеется, с духом, с духовностью, но перед нами — вовсе не ответ на вопрос «что первично». Если с материей связывать природное начало, а с духовностью — культуру, то перед нами одна из двух возможных природно-культурных парадигм. Та, согласно которой культура улучшает природу, в том числе и природу человека; приобщиться к культуре в этом случае как раз и означает возвыситься духовно, а не материально. Представителями второй природно-культурной

парадигмы были Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд и, в известной степени, Л. Н. Толстой. По их представлениям культура в той или иной мере испортила человека, исказив его естественные наклонности, надстроив над его природными свойствами целый ряд искусственных ценностей.

Что сказал бы по этому поводу академик? — «Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию»²¹³. То есть он не готов увидеть в человеческих трудностях и проблемах вину собственно культуры. Подобная позиция расценивалась целым рядом представителей русской философской мысли, в частности Н. А. Бердяевым, не говоря уже о философах 1860–1870-х гг. как культуropоклонство.

Интересно, что в своих работах — в частности таких, как «Русская культура нового времени и Древняя Русь» и «Русская культура в современном мире» Д. С. Лихачев демонстрирует значительный интерес к трудам многих известных русских философов от Чаадаева до Бердяева включительно, вступая подчас с ними в явную, а иногда скрытую полемику.

Таким образом, обратившись всего к одному фрагменту выступления Д. С. Лихачева, можно убедиться, что его философские воззрения требуют весьма основательного исследования.

Но есть и другие, не менее интересные для для философского научного цеха «фрагменты» лихачевского наследия. В комментариях к «Избранным трудам» ученого академик А. А. Гусейнов показывает, насколько современна и актуальна содержащаяся в них проблематика и далее пишет о Д. С. Лихачеве: «Он даже поставил вопрос о правах культуры (выражение, которое, как я понимаю, имеет фигуральный смысл)»²¹⁴. Это замечание виднейшего современного философа России весьма интересно и вызывает желание поспорить.

Действительно ли, создавая «Декларацию прав культуры», академик Лихачев свел название столь важного для него документа к риторической фигуре, к метафоре? С этим можно было бы согласиться, если бы не заглавия таких известных

²¹³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 197.

²¹⁴ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2006. С. 27.

работ ученого, как «Заметки о русском»²¹⁵, «Письма о добром»²¹⁶.

Сам смысл данных названий при беглом прочтении не совсем ясен. Почему не о «русском народе» или о «добром человеке»? — Думается, потому, что «добрый», «русский», «права культуры» — это для Д. С. Лихачева **универсалии**. Ученый возвращает нас здесь к центральной для средневековой европейской философии проблеме универсалий. Казалось бы, вместо «возвращает» можно было бы написать «реанимирует», но интенция, звучащая в этом глаголе, не годится по сути. Проблема универсалий и не умирала, более того, как существенный элемент философской культуры она дает о себе знать в разных областях науки.

Известно, что сами основные аспекты существования универсалий сформулированы Проклом в «Первоосновах теологии»²¹⁷ — **до вещи, наряду с вещью и после вещи** (в латинских переводах соответственно **existentia ante rem, existentia in re, existentia post rem**). Напомним, что в отношении универсалий возможны три варианта философской методологии, соответствующие **реализму, концептуализму и номинализму**. Реализм принимал все три альтернативы, номинализм их все отбрасывал, а концептуализм отвергал лишь вариант существования универсалий до вещи.

Если при этом переместить акценты к теме сущности, то существование сущности (*ante rem*) — это платонизм, наличие сущности наряду с вещью (*in re*) требует постановки дополнительного вопроса: идет ли речь о сущности в родовом смысле или о сущности индивида. Если первое, то перед нами — вариант средневекового учения о субстанциональной форме, если второе — это раскритикованный К. Поппером индивидуальный эссенциализм. Крайне расширительно истолкованная позиция

²¹⁵ Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984.

²¹⁶ Он же. Письма о добром. Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996.

²¹⁷ Прокл. Первоосновы теологии // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 594–595.

К. Поппера привела многих специалистов в философии науки к попытке изгнания универсалий из научной методологии. Так в формулировке научного *credo* одной уважаемой ученой дамы говорится, что ею «подвергаются критике концепции, так или иначе допускающие самостоятельное существование абстрактных сущностей, показывается, что данное допущение есть путь к тому, чтобы населить универсум философских рассуждений магическими объектами и отношениями»²¹⁸.

Если здесь идет речь о самостоятельном существовании в значении *ante rem*, то вопросов не возникает. Но отвержение второй альтернативы — существование сущности *in re* создает трудно разрешимые проблемы в сфере гуманитарных наук, имеющих дело с развитой понятийной сферой.

Проще всего это заметно в таких областях, как мораль и право. Допустим, можно трактовать название «комиссия по охране прав детства и материнства» в номиналистическом духе: «детство» есть множество детей, а «материнство», соответственно, множество матерей. Но юристы вряд ли согласятся с такой трактовкой. Права детства не заканчиваются детьми, включая в себя сложный комплекс правоотношений в сфере семьи, школы и других институтов. Материнство не есть совокупность матерей, поскольку оно включает также проблемы женщин, которые только готовятся к рождению ребенка и многое другое.

Антиноминалистическая позиция присутствует весьма четко в идеологии, созданной под руководством академика Д. С. Лихачева «Декларации прав культуры»: «Культура не ограничивается памятниками культуры и истории... Театр — это не только отдельные постановки, хотя бы и взятые в целом. Искусство — это не совокупность памятников культуры, как и история — не совокупность документов о прошлом. Ювелирные изделия не составляют собой ювелирное искусство. Произведениями живописи не ограничивается живопись»²¹⁹.

²¹⁸ Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / авт.-сост. А. П. Алексеев [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1993. С. 170.

²¹⁹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в СПбГУП / СПбГУП. СПб., 1996. С. 35–36.

Нам следует понять причины, подвигшие глубокоуважаемого академика на столь антиноминалистически звучащий пассаж.

То, что методология естественных наук в XX в. — еще со времен логического эмпиризма — насквозь пронизана номинализмом, общеизвестно. В этом случае универсалии в науке интерпретируются, по выражению Е. Е. Ледникова, всего лишь «как удобная манера речи»²²⁰. Видимо, это же имеет в виду А. А. Гусейнов, употребляя выражение «фигуральный смысл».

Для изгнания теоретических терминов из научной методологии в середине прошлого века даже была предложена сложнейшая процедура Рамсей-элиминации, сводившая общее к совокупности единичных случаев. Но Рамсей-элиминация не эффективна даже в естественных науках, за исключением очень простых случаев. Что касается случаев сложных, то обратимся к примеру Рамсей-элиминации, проводившийся лет за 400 до Рамсея в сфере гуманитарной, да к тому же художественной. Имеется в виду пример из творчества великого представителя Северного Возрождения Питера Брейгеля-старшего. Речь идет о его графических листах «Пороков и Добродетелей». Если аллегории французских раннеготических соборов (церковь и синагога, семь разумных и семь неразумных дев) пытаются явить добродетели и пороки в их чистом, сущностном виде, лишенными акциденции, под которыми понимается их конкретное жизненное проявление, то перед нами концептуалистическая трактовка данной темы. В свою очередь в графических листах «Пороки» (1556–1557) и «Добродетели» (1559–1560) каждый из пороков и, соответственно, добродетелей показан в виде большого количества конкретных примеров. Вот, например, графический лист «Гнев» (Ira). На листе множество разных людей и монстров в многообразных проявлениях гнева и ярости. Это и ярость войны, и гнев, обращенный к самому себе в виде существа, впивающегося в собственную руку; есть сцена, на которой в котле, подвешен-

²²⁰ Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев, 1973. С. 50.

ном над костром, мужчина и женщина не замечают, что вода уже готова закипеть, поскольку захвачены самозабвенной яростью любовной страсти. Это и есть номинализм в формулировке У. Оккама как «целостная единичная направленность», как высказывающаяся о многом — не о себе самой, но о самих вещах».

Но, допустим, в отношении графического листа «Лень» (Desideria) все ясно. Перед нами множество проявлений человеческой лени вплоть до крайних, когда на черепице крыши дома сами по себе жарятся блины, но человеку лень протянуть за ними руку из окна. А как быть с графическим листом «Вера» (Fides)? Он композиционно поделен на три части. Если в отношении центральной из них все понятно (женская фигура, символизирующая веру, стоит на раскрытом саркофаге), то, взглядевшись в лица людей, собравшихся на мессу, недоумеваешь — при чем здесь вера? Их лица вульгарны, нет ни малейшего оттенка благочестия. Полное невнимание к проповеди: один зевает, другой дремлет, женщина ухмыляется.

Казалось бы, все ясно — художник изобразил свое отношение к мессе, но концептуально перед нами проблема. Если мы разбиваем общее на некую совокупность его единичных проявлений, то где гарантия, что перед нами та самая совокупность, а не другая? В листе «Вера» наряду с проявлениями веры имеет место полнейшее безверие.

То есть если вернуться к тому о чем пишет Д. С. Лихачев, и рассматривать культуру не как целостность, а как множество единичных ее проявлений в реальной жизни, то что гарантирует различение культуры и антикультуры? Как единичные объекты те и другие (объекты культуры и антикультуры) подчас неразличимы. Пример последних — особняки «новых русских» по периметру охранной зоны Древнего Новгорода. Каждый из особняков внешне вполне симпатичен и вроде ничему не мешает, но вся застройка в целом разрушительно антикультурна. Впрочем, примеры такого рода можно приводить до бесконечности.

Смысл философско-методологической позиции академика Д. С. Лихачева, думается, состоит в следующем. Мате-

матизированное естествознание XX в. обнаруживает осязаемый крен в сторону номинализма. Номинализм в науке XX в. пытался проложить путь, обратный тому, по которому шло естествознание XIX в., точнее, второй его половины. Как писал Б. С. Грязнов: «Если классический интуитивизм ставил перед собой задачу выработать такой логический аппарат, который позволял бы надежными способами выводить общее утверждение науки (законы) из единичных утверждений об эмпирической действительности, то неопозитивизм, имея в руках развитый аппарат логико-дедуктивных систем, стремился свести общее утверждение к единичным»²²¹.

Именно недостатки позитивистской научной методологии и почувствовал Д. С. Лихачев. Культура — живое, развивающееся явление, его невозможно инвентаризировать в принципе, повесив на каждый объект как на музейный экспонат бирку с номером, да и невозможно предвидеть характер развития культуры.

Но как целостная система культура способна отделиться от своей противоположности — антикультуры и бескультурия. Это блестяще показано академиком Д. С. Лихачевым в работе «Экология культуры»²²². Он утверждает, что культура держится на внутренней связи элементов целого и, что в данном случае принципиально ведет себя как организм. Отличие организма от механизма состоит в том, что в первом случае целое больше, а во втором — равно сумме его частей. И потому изучение культуры и, в первую очередь, гуманитарной культуры может потребовать методологии, отличной от методологии естественных наук. Как пишет известный американский философ П. Строусон: «Философия естественных наук еще не вся философия»²²³.

²²¹ Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1971. С. 147.

²²² Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 330–348.

²²³ Strawson P. Individuals // Philosophical problems today. Dordrecht. 1994. Vol. V. № 1. P. 28.

Напрашивается вывод о малоизученном **способе сохранения гомеостатического равновесия в методологии современной науки**. Номиналистический крен, видимо, следует, и это понял Д. С. Лихачев, компенсировать подчеркнутым концептуализмом методологии гуманитарных наук, и если кому-то отмеченный выше акцент на универсалиях в названиях его работ кажется несколько излишним, то надо вслед за академиком научиться видеть и опасность противоположной крайности.

«Не перегнешь — не выпрямишь», — как говаривал когда-то Мао Цзэ-Дун. Впрочем, рассуждая в духе модной ныне деконструкции, можно допустить, что это было сказано значительно раньше.

Не претендуя на всесторонний анализ философской составляющей взглядов Д. С. Лихачева, приведу лишь еще одну цитату из рассмотренной ранее работы Р. Миллер-Гулланда: «В основе его работ по текстологии лежит не придирчивая формалистическая педантичность, а глубокий философский интерес к природе и значимости текста... В своей работе “Эстетическая оценка и текстологическое исследование” он противопоставляет — без предпочтения — “статичность” эстетического подхода к тексту и “динамичность” исторического подхода. Подобное противопоставление статики и динамики проходит через все его работы на культурно-исторические темы, придавая им устойчиво диалектический характер: не кажется ли вам весьма интересным наблюдать, как он пытается через эту диалектику пересмотреть “древний спор” между философией и поэзией, который Платон считал столь увлекательным? Во всяком случае, мне представляется, что он является самым значительным из постгегелианских мыслителей и историков, в котором глубокое стремление понять движущие силы прошлых столетий сочетается с живым оптимизмом и, может быть, неожиданной верой в возможность культурного прогресса»²²⁴. Слова зарубежного исследователя побуждают к размышлению о неисполненном долге отечественных гуманитарных наук по освоению научного на-

²²⁴ *Mulner-Gulland R. Op. cit. P. 150.*

следея Дмитрия Сергеевича во всей его многогранности и глубине.

Сложные отношения Дмитрия Сергеевича с философским цехом отечественной науки не должны мешать нам снова и снова вчитываться в его работы, размышлять над их философскими аспектами. При всей внешней простоте изложения мысли Лихачева содержат немало недопонятого и недооцененного современниками.

ЧАСТЬ II

1. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Последние 15 лет интеллигенция в России не играет сколь-нибудь существенной роли. Однако в предыдущие времена события развивались иначе. Интеллигенцию боготворили и ненавидели, ее считали мозгом нации и обзывали экскрементами, ее боялись, уничтожали, возвеличивали, высылали на пароходах, пытались купить высокими постами, с ней заигрывали. Считаться интеллигентом было престижно. Само выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные — многие пытались выглядеть интеллигентами. Тогда спорили о том, обязательно ли интеллигент должен быть в оппозиции власти, или он должен сам идти во власть, чтобы претворять в жизнь свои убеждения. Все это — в прошлом. Теперь власть увлечена спорами с бизнесом. Власть хочет денег, а бизнес хочет власти. Интеллигенция для них — третий лишний.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг., в период слома социалистической системы, российские интеллигенты сначала оказались востребованы реформаторами-революционерами, использованы, а затем отеснены на обочину исторического развития. На авансцену общественной жизни вышел и утвердил себя диаметрально противоположный интеллигенции социальный тип — новые русские. Именно они стали хозяевами жизни во второй части периода ельцинского правления. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» — с издевкой вопрошали они. Писатели, ученые, инженеры, педагоги возмущались, но о них, казалось, совсем забыли. Забыли настолько, что теперь в рассуждениях об интеллигенции допускается возможность ее использования как инструмента — вроде зубочистки. Дескать, во власть ее пускать не

будем, а для каких-то иных надобностей, может быть, и приспособим: «Следует предоставить интеллигенции монополию на обустройство эстетического измерения империи, перекрыв доступ к исполнительным механизмам. <...> Производство идеологических составляющих власти, в том числе национальные идеи, нельзя доверить чиновнику, даже самому надежному “члену команды”. Здесь интеллигенция незаменима»²²⁵.

Думается, подобные советы могут быть безоговорочно восприняты лишь чиновниками, не отягощенными знанием истории. В них содержится очевидная опасность для «пользователей». С самого момента появления интеллигенции попытки ее использовать предпринимались властью каждый раз, когда «сильные мира сего» попадали в трудные ситуации. Обретя почву под ногами, власть от интеллигенции снова отворачивалась и получала опаснейшего оппонента, подготавливая тем самым очередную смену власти.

Ельцинский период — время очередной революции и смуты на Руси. Для многих — некое затмение и разума, и совести. Чуть ли не все общество вдруг стало напоминать потерявшую человеческий облик толпу, бросившуюся громить винные склады. Власть сначала была озабочена своим собственным переструктурированием и становлением. А затем совершенно неожиданно для многих оказалась во главе погромщиков. Видимо, это случилось в результате принципиальной ошибки реформаторов: ускоренного административным ресурсом формирования олигархического капитала в условиях недоразвитого рынка, отсутствия в стране как среднего класса, так и соответствующего рынку правового поля и культурных традиций. После 1996 г. олигархи фактически захватили власть. Для идей многопартийности, демократии, свободы слова, да и просто совестливости места в идеологии правящего слоя уже не оставалось.

---

²²⁵ Секацкий А. Интеллигенция и материя // Известия. 2006. № 116. 3 июля.

Теперь в стране медленно, но наступает некоторое отрезвление. Впрочем, если внимательно присмотреться — далеко не все общество позволило себе запачкаться участием в погроме. Ни Дмитрия Лихачева, ни Даниила Гранина в рядах погромщиков не было. Часть совестливых людей была отторгнута властью в начале 1990-х гг., другая часть — в середине. Сохранили человеческое достоинство и миллионы простых людей, продолжавших делать свое дело: учить детей, лечить стариков, печь хлеб.

И не случайно в последнее время общество начало снова вспоминать об интеллигенции. Похоже, что-то в стране без нее не получается. Думается, без интеллигенции не может состояться воссоздание сильной, независимой России. Никакие репрессивные меры у нас не решают проблем коррупции, клановости, расизма и т. д. В отличие от Латинской Америки или Грузии, сегодняшней Россией нельзя управлять только силой. В отличие от современного Запада, сегодняшней Россией нельзя управлять и одним манипулированием. В отличие от сегодняшней Украины или стран Балтии, Россией никогда нельзя было управлять разжиганием национализма. Вот тут и вспоминается способность интеллигенции влиять на общественное мнение, на создание нравственного климата.

В последнее время все рельефнее обозначаются и новые проблемы российского бизнеса. Его аморальность перестает восприниматься обществом как норма жизни. Бизнесу поставлен диагноз: «Ты богат не потому, что умен, а потому, что нечестен». Восприятие обществом богатства, как плода бессовестности, лишает бизнес стабильности. А это — вторая фундаментальная для бизнеса ценность после денег. Кроме того, в последние годы в России высветилась и несостоятельность концепции развития экономики без моральных ограничений. Вопреки убеждениям доморощенных реформаторов, выяснилось, что безнравственная экономика не может быть эффективна.

Таким образом, складываются новые предпосылки для востребованности интеллигенции и государством, и бизнесом. Но самое главное — существенно меняются настроения ря-

довых граждан. Оказывается, что материальные ценности при всей их привлекательности не могут в России заменять ценности духовные.

Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи? На эти вопросы нет простых ответов.

Как это часто бывает, желание осмыслить настоящее и попытки заглянуть в будущее, тем более — на него повлиять, заставляют заново обратить свой взор в прошлое. В связи с этим закономерен нынешний интерес общества и государства к идейному наследию академика Лихачева, его духовно-правственному облику: **Дмитрий Сергеевич не только больше всех сделал для осознания глубинной сути, общественной природы интеллигенции, но и сам стал ее общепринятым олицетворением.** Не случайно Даниил Гранин в одной из своих публицистических статей назвал Дмитрия Лихачева последним российским интеллигентом. Слово «последний», как представляется, было произнесено с целью обострения полемики. Но даже если отбросить эту гиперболизацию, признание Лихачева в качестве своего рода эталона интеллигента несомненно.

Дмитрий Сергеевич Лихачев...

Есть люди, которые даже после ухода из жизни с течением времени становятся ближе, понятнее и роднее. Может быть, с возрастом и опытом мы меняемся к лучшему (если так, то жаль, что столь медленно). Может быть, большое действительно лучше видится на расстоянии.

Готовя к 100-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева издание двух его книг, я еще раз перечитал то, что вроде бы знал. Я много раз беседовал с ним, организовывал дискуссии с его участием, присутствовал при его выступлениях. Теперь вижу, что понималось мною далеко не все. Чтобы приблизиться к сути, потребовались годы научной работы и годы жизни. Но и сейчас, думаю, мое приближение является неполным. Удивительная простота высказываний и текстов академика содержат в себе и удивительную глубину.

Лихачев для сегодняшней науки нетипичен. Как насмешливо говорил Козьма Прутков, специалист подобен

флюсу. Это изречение отражает одну из объективных тенденций развития современного научного процесса. Время ученых-энциклопедистов, кажется, безвозвратно ушло в прошлое. Это в минувшие века можно было быть физиком, химиком, биологом, математиком и геологом одновременно в одном лице. Теперь тот или иной ученый может посвятить всю свою жизнь, скажем, проблемам искусственного осеменения и весьма смутно ориентироваться в сути естественного. Даже нобелевские премии нередко дают за эффекты, первооткрыватели которых в момент свершений не имели ни малейшего представления о судьбоносных последствиях своих деяний. Обычно, представляя широкой аудитории действительно великих ученых, академиков (звание, по определению подразумевающее масштабность и широту вклада в науку), приходится добавлять: специалист в такой-то области. Что уж говорить о простых докторах и кандидатах...

И все же **энциклопедисты появляются и в современную эпоху, среди нас**. Правда, распознать их не всегда удается сразу. Так и с Дмитрием Сергеевичем. Почти всю жизнь ему платили зарплату за научные исследования древнерусской литературы в Пушкинском Доме. И Лихачев добился блистательных результатов, за которые был избран в Российскую Академию наук. Теперь его имя достойно запечатлено в истории отечественного литературоведения рядом с именами других звезд — пушкинодомцев: А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, А. М. Панченко, Н. Н. Скатова и др. Однако, помимо классического литературоведения, ученый занимался еще и целым рядом других вопросов и проблем: и рядом с этой областью, и достаточно от нее далеко.

В 1980-е гг., в особенности — в период перестройки, общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Как говорит теперь Гранин, Дмитрий Сергеевич «был министром той культуры, которой власть не занимается»²²⁶. Академик вступал в споры там, где власть

²²⁶ Гранин Д. Он был министром той культуры, которой власть не занимается // Очень^{UM}. 2006–2007. № 1. Спецвыпуск. С. 23.

проявляла невежество, и нередко одерживал победы благодаря научному авторитету, глубине своей аргументации и исключительной внешней простоте приводимых доводов, делавшей их понятными даже плохо образованным партийным функционерам.

В то время многие, считавшие себя не менее крупными учеными, начали завидовать его популярности. За глаза, намеками, недоброжелатели стали упрекать Лихачева в популяризаторстве в ущерб академизму. По сути — в легковесности. И только теперь, когда страсти поутихли, когда его работы оказались снова востребованы, когда появилась возможность обстоятельного ретроспективного анализа лихачевского наследия, стала высвечиваться научная значимость, казалось бы, популяризаторских работ академика, выполненных им «на общественных началах». Более того, становится очевидным, что «второстепенное» — работы о культуре, искусстве и другие — как минимум не уступает признанному в академической среде, считавшемуся основным. В этих работах нет внешних признаков наукообразия: перегруженности специальными терминами, превращающей язык публикаций из русского в «птичий», цитат и примечаний, оформленных по специальным правилам и т. д. Но это никак не сказывается на научности сути, не умаляет масштаба лихачевских идей и концепций.

Происходит третье (после литературоведческого и общественного) признание Лихачева — как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося российского мыслителя XX в.

Одной из самых ярких работ Лихачева стало его письмо «О русской интеллигенции» в журнал «Новый мир», опубликованное в феврале 1993 г.²²⁷ Напомню новому поколению читателей, о чем там говорилось.

В начале сам Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что направленный им в редакцию текст — «это — не статья, это именно письмо, в котором автор говорит, пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как

²²⁷ Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

обязывает говорить его собственный житейский опыт»²²⁸. Между тем в этом «разговоре» ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период при его живейшем участии.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден в том, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты. Из принятого в советское время определения не вызывало возражений, что **интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой**. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — **свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»**²²⁹. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму, как специфическая черта русской интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»²³⁰.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы

²²⁸ Новый мир. 1993. № 2. С. 3.

²²⁹ Там же. С. 4.

²³⁰ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 371.

свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»²³¹.

Статья в «Новом мире» — настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор»²³². Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. «Два парохода понадобилось осенью 1922 г. ...чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»²³³.

Читая лихачевские описания этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно-историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых и потому чуждых их противникам взглядов. Интеллигенты же отстаивали хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. В этом плане гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени. Гонители интеллигенции же выступали против сформировавшейся ранее традиции, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолюдьми».

Выступая в «Новом мире», Лихачев выражал не только свои личные взгляды, но и в значительной степени идеи, вызревшие в 1980–1990-е гг. в среде российской и, в особенности, петербургской интеллигенции.

²³¹ Новый мир. 1993. № 2. С. 4.

²³² Там же. С. 5.

²³³ Там же.

Большое распространение они получили и в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Приход академика Лихачева в наш Университет в это время представляется весьма закономерным. Именно здесь ученый реализует свои гуманитарные научные интересы в период, завершающий его биографию. Здесь он обретает круг единомышленников, ту интеллектуальную среду, в которой нуждается в данное время.

С 1993 г. Дмитрий Сергеевич стал Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Отношения Лихачева с Университетом были весьма многогранными. Они включали выступления перед студентами, участие в научных конференциях и дискуссиях, научные исследования. Дмитрий Сергеевич рекомендовал к нам на работу профессуру, консультировал в создании и поддержании университетских традиций, обсуждал стратегию развития СПбГУП и т. д. Близкие к ученому люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Университет становится в это время едва ли не единственным местом его систематических встреч с широкой аудиторией, своего рода трибуной, с которой он излагает свои взгляды профессуре и студенчеству, внимательно изучая отклик.

Постепенно в общение с нашим Почетным доктором оказались вовлечены широкие круги университетского сообщества. Включились в этот процесс и наши новые Почетные доктора, крупные фигуры из числа петербургской интеллигенции. В апреле 1999 г. по инициативе Дмитрия Лихачева и Даниила Гранина нами был зарегистрирован «Конгресс Петербургской интеллигенции». В него вошли в качестве учредителей Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Создание Конгресса стало неким оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

Впрочем, понятие петербургской природы взглядов Лихачева имеет значительно более масштабные и глубокие корни. Они — в сущностных чертах российской и петербургской культуры, к чему мне хотелось бы вернуться позднее.

В середине 1990-х гг. нам с профессором СПбГУП Владимиром Триодиным удалось организовывать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых крупных российских мыслителей того времени. Ученые: Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов; писатели: Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы.

Как ни странно, первоначальный импульс диалогу придали французы. Генеральное консульство Франции в Петербурге предложило нашему Университету организовать вечер памяти Андре Мальро, в ходе которого петербургские интеллектуалы могли бы пообщаться с французскими. Инициаторы хотели привлечь международное внимание к наследию своего крупного писателя, общественного и государственного деятеля в связи с переносом его праха в усыпальницу величайших личностей нации — Пантеон. В России подобная дипломатическая инициатива была особо уместна в связи с тем, что Мальро считался большим другом Советского Союза. Эта встреча состоялась в октябре 1996 г. Общение оказалось настолько интересным, что превратилось в некий перманентный процесс. От значительного, но все же частного повода — судьба и творчество Мальро — практически сразу мы перешли к насущным и наиболее важным российским темам.

Материалы этих дискуссий были опубликованы нашим Университетом в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 г.²³⁴ Листая книгу и снова погружаясь в обстановку наших встреч, видишь немало любопытнейших высказываний и замечаний. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению»²³⁵, потому что

²³⁴ Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП. СПб., 1999.

²³⁵ Чулаки М. М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции / СПбГУП. СПб., 1999. С. 19.

рефлектирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела²³⁶. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления»²³⁷, что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов»²³⁸. Игорь Бестужев-Лада поражал замечанием, что интеллигент — это воплощение Бога на Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент»²³⁹. Наиболее сильно мнения разделились по вопросу целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Все это было исключительно интересно...

При большом различии и разнообразии взглядов, сошлись на том, что **интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью**. Образование без совести и независимости дает обществу иной типаж, смачно названный Солженицыным образованцем. Обычно образованцы пытаются выдавать себя за интеллигентов. Именно они льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса.

²³⁶ Карлов Н. В. Интеллигенция и образование // Судьба российской интеллигенции. С. 37.

²³⁷ Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Там же. С. 44.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Бестужев-Лада И. В. Есть ли будущее у интеллигенции? // Судьба российской интеллигенции. С. 64.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII вв. внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента²⁴⁰. Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI вв. стал монах Максим Грек. В конце XVIII в., по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. **Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание.** Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Согласились и с тем, что **интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный слой изначально в Петербурге.** Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город «оказался не столько “окном в Европу”, сколько “воротами из Европы”, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россиян»²⁴¹. Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей.

Вспоминали и высказывание Н. А. Бердяева о том, что «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства»²⁴². Для российского мен-

²⁴⁰ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Там же. С. 32.

²⁴¹ Каган М. С. Образованные люди с большой совестью // Там же. С. 80.

²⁴² Бердяев Н. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 236.

талитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как: справедливость, истина, красота, вера, совесть и т. д.

Было отмечено, что с самого начала **российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания**. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россияне действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней, как о разуме и совести нации. Спрашивать, зачем России нужна интеллигенция, то же самое, что спрашивать, нужна ли ей совесть. Общепринятых ответов на подобные вопросы не существует.

Вспоминая минувшее, не могу не отметить, что встречи эти проходили в обстановке исключительного демократизма и взаимного уважения. Все выступавшие пользовались к тому моменту заслуженной репутацией интеллектуальных светил общероссийского масштаба. И все же каким-то совершенно непостижимым образом Дмитрий Лихачев выделялся из

этого ряда. Он вполне конкретно и наглядно опровергал Михаила Чулаки, проявляя харизму, правда — харизму совершенно особого рода.

Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Дмитрий Сергеевич всегда приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа, и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил две-три минуты, но сказанное им потрясало. Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он все так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждет нас в будущем?» не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»²⁴³. Зал был битком наполнен профессурой, и все слушали, затаив дыхание. Несмотря на существование философской традиции, содержащей подобную точку зрения, такое публичное заявление прозвучало как открытие. Казалось, звучит голос не человека, а какого-то высшего разума, вселенской мудрости.

Ближе всех к Лихачеву в плане впечатления, производимого на аудиторию, является Даниил Гранин. Между тем, характерно, что в обыденной жизни эти люди никак не дистанцируются от простых смертных. Похоже, что мудрость для них просто вполне естественное состояние, как для иных жадность или идиотизм.

Что представляют собой взгляды Лихачева на интеллигенцию? Личные взгляды авторитетного для нас человека, действительно выведенные им из собственного опыта, как пишет в «Новом мире» Дмитрий Сергеевич? Умозаключения мыслителя? Либо это все же научно обоснован-

---

²⁴³ Д. С. Лихачев — университетские встречи. С. 70.

ные результаты ученого? Думается, верно последнее, поскольку **лихачевская концепция интеллигенции как специфического для России социально-культурного феномена вытекает из всего его предшествующего опыта культурологического анализа. На интеллигенцию Д. С. Лихачев смотрит как на явление культуры, как на результат культурного развития.**

Лихачев изучает культуру, а не только историю культуры. Принципиально, что его взгляд на любые рассматриваемые им явления предполагает изучение и оценку их в контексте культуры. Другое дело, что при этом его взгляд многомерен. И временная, историческая плоскость анализа — лишь одна из многих.

У Дмитрия Сергеевича, безусловно, есть свое целостное видение сущности культуры России. Эта целостность разворачивается сразу в нескольких векторах. Во-первых, в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. В частности, ученый рассматривает религиозно-философские взгляды и быт, культуру и искусство, язык и нравы, обычаи и право и так далее — словом, все, что создано руками и разумом человека. А затем еще и включает в поле зрения природу. И анализирует взаимосвязь природы и человека. Во-вторых, Лихачев анализирует культуру в динамике ее исторического становления и развития. И обнаруживает себя тончайшим знатоком как основных этапов культурной жизни, так и особенностей поведения культуры на исторических изломах ее развития. В-третьих, академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры. Здесь он выделяет своего рода культурные комплексы и анализирует их взаимовлияние и эволюции.

По мысли Лихачева, интеллигенция — это одна из вершин развития европейской христианской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейского культурного течения. И совер-

шенно не случайно этот особый в ряде отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге.

Работы Д. С. Лихачева помогают нам лучше представить и возможную судьбу феномена интеллигенции.

Без сомнения, во власти сегодня есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. Тем не менее чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится — дискредитировать. Бизнес же, разумеется, пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией примерно так же, как новые русские со своими секретаршами в первой половине 1990-х гг.

Думается, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей образованцев, но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX в. В его первой половине интеллигенция уничтожалась не экономически, как сейчас, а тотальными репрессиями. Казалось, согнули, сломали, подчинили, приручили. Но дело кончилось тотальным крушением режима. И кто был всем — стал ничем.

Вместе с тем интеллигенции присущи не только положительные, но и отрицательные качества. Многие упрекают ее в пустословии, псевдогуманизме, рефлексивности там, где требуется действие, и многом другом, за что интеллигенция в устах своих оппонентов получила эпитет «гнилая». Впрочем, может быть, справедливее переадресовать эти упреки образованцам.

И все же с точки зрения законов дарвинизма интеллигенция нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. В ее поведении сказывается и противоречивый характер российского суперэтноса — способность легко увлекаться яркими идеями и неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX в., идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация — не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный

ею в 1960-1980-е гг., не будучи подкрепленным предвидением хода перемен и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

Есть и иные проблемы: интеллигенция была объектом свирепого геноцида на протяжении всего периода своего существования. Такое не проходит бесследно. К тому же **нарушены процессы воспроизводства интеллигенции**. Прежде всего, ее перестали воспроизводить многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и образованщины. Сегодня мы являемся свидетелями **стремительного возрождения в молодежной среде сословия новых мещан** — людей, стремящихся к безбедному и бесконфликтному существованию в социальной структуре общества. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

Истощение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого образованцев...

По Лихачеву, гражданская позиция интеллигента должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо — надо быть вместе с ней. В противном случае — находиться в оппозиции. Борьба за власть и идти во власть — не дело интеллигенции. Пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности или поражением.

Очень интересны в связи с этим следующие замечания Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных. <...> Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то... добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции»²⁴⁴. Интеллектуальная свобода —

²⁴⁴ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Там же. С. 31.

всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента.

Может ли быть найдена новая формула использования интеллигенции — не в корыстных интересах власть имущих, а на благо общества и государства? Пока неизвестно.

Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть страны. Другой сценарий развития — превращение российского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов. Вопрос о судьбе российской интеллигенции остается пока открытым...

2. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы²⁴⁵. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот, что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX в. была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»²⁴⁶.

В отличие от сказанного выше Д. С. Лихачев, говоря об этике науки, имеет в виду этику самой научной работы. Он

---

²⁴⁵ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

²⁴⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.

весьма сурово осуждает этические нарушения в этой сфере, используя терминологию не из морального, но из уголовного кодекса: разбой, воровство, браконьерство, хулиганство.

Что он имеет в виду?

«“Разбой в науке” — заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей»²⁴⁷.

«“Воровство в науке” — пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев»²⁴⁸.

«“Карманное воровство в науке” — ссылаться на источники из чужих рук»²⁴⁹.

«“Браконьерство в науке” — перехватывать чужие темы»²⁵⁰.

«“Хулиганство в науке” — ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами»²⁵¹.

В большинстве рассматриваемых случаев, как легко убедиться, ключевое слово — «чужое». То есть в научной работе есть свое — это то, что получено собственным трудом, остальное — чужое — им можно пользоваться, но нельзя присваивать. Д. С. Лихачев не одобряет даже излишней демонстрации эрудиции. Это касается и библиографии: «Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености», — указывает он²⁵².

В столь резких замечаниях видна установка ученого эпохи нормальной науки советского времени, нацеливавшей исследователя на результат, а не на демонстрацию своих способностей. С позиций сегодняшнего дня такая оценка может показаться даже излишне ригористичной. Ибо падение профессионализма зримо проявляется начиная именно с научной эрудиции. Она уходит из книг и статей, как роскошь былых времен, которая ныне уже не по карману.

Вернемся к этике науки, как ее понимал Д. С. Лихачев. Ясно, что построить ее, основываясь только на запретах, не

²⁴⁷ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 114.

²⁴⁸ Там же. С. 17.

²⁴⁹ Там же. С. 60.

²⁵⁰ Там же. С. 12.

²⁵¹ Там же. С. 143.

²⁵² Там же. С. 10.

получится, для ученого нужно сформулировать и положительные качества, добродетели.

Главная из них, по Д. С. Лихачеву, — честность: «Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом»²⁵³. Далее он пишет: «Высокая нравственность ученого проявляется, прежде всего, в ответственном отношении к своей научной работе»²⁵⁴. Эта мысль очень важна, ибо снимает противоречие между нравственностью и профессионализмом.

Рассматривая тему научного исследования, академик высказывает очень интересное суждение: «Если в конце исследования не видно начала следующего — значит исследование не доведено до конца»²⁵⁵. И затем: «В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок»²⁵⁶. «Окончание научной работы всегда начало следующей»²⁵⁷. Здесь содержится понимание Дмитрием Сергеевичем присущего современному научному развитию динамизма. Наука в современном мире развивается особенно быстро. Практически все, что является подлинной научной задачей, кем-то решается и, как правило, в достаточно короткие сроки. На этом фоне поражает самоуспокоенность некоторых коллег, пытающихся и сегодня прожить за счет научного багажа 90-х, а то и 80-х годов прошлого века. Перефразируя Льюиса Кэрролла, можно сказать, что для того чтобы оставаться в науке на месте, нужно бежать достаточно быстро, а чтобы двигаться вперед — нужно бежать в два раза быстрее.

Надо сказать, что академик Лихачев достаточно много внимания уделял организационно-научной сфере. «Наука коллективна, — констатирует он. — Настоящий ученый

²⁵³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 150.

²⁵⁴ Там же. С. 25.

²⁵⁵ Там же. С. 34.

²⁵⁶ Там же. С. 16.

²⁵⁷ Там же. С. 99.

организует науку вокруг себя»²⁵⁸. Но при этом: «Организатором науки нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку»²⁵⁹. И самое главное: «Организатором науки может быть только человек науки»²⁶⁰. Когда сегодня мы слышим, что надо отдать науку в частные руки, передать вузы и институты бизнесу и так далее, ясно, что и в данном вопросе Д. С. Лихачев, увы, оказался провидцем. Разумеется, трудно возражать против расширения источников финансирования науки и высшей школы, даже при том, что государственное финансирование обязано быть более надежным. Но теперь предлагается переместить научное сообщество из органичной среды обитания в иную среду, где отнюдь не человек науки будет играть роль ее организатора, определять ход развития событий.

И что еще существенно: в бизнесе принципиально важен положительный результат, а в науке, особенно фундаментальной, результат может быть в принципе любым. Как утверждает Дмитрий Сергеевич: «Отрицательный результат исследования — тоже результат, причем обычно самый бесспорный»²⁶¹. Важно, что это сказано без осуждения, ибо итог должен зависеть не от заказчика, а от объекта исследования. В науке нередко нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться, что в конце — тупик. Д. С. Лихачевым осуждается как раз обратное. Он пишет: «Чистоплюйство в науке — выбирать только “выгодные” для себя темы»²⁶². Это позиция не бизнеса, потому что там, кроме прямой отдачи вложенных средств, ничто не важно, и не «голос сверху», поскольку чиновники от науки чаще всего и есть упомянутые выше «чистоплюи». Это мнение организатора подлинной науки.

Несколько особняком в изложении этической проблематики стоит следующее суждение Д. С. Лихачева: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность науко-

²⁵⁸ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 79.

²⁵⁹ Там же. С. 99.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же. С. 102.

²⁶² Там же. С. 150.

образности — в ее “близости” к науке»²⁶³. Характерно, что слово «близость» помещено в кавычки. Потому что речь идет о мимикрии — подражании внешним признакам научной деятельности.

Какие-то люди с важным видом восседают в президиумах конференций, входят в состав ученых советов, высказываются по научным вопросам в СМИ, не имея отношения к реальной научной работе и роняя в обществе статус ученого.

Правда, такая мимикрия существовала и раньше. Еще академик Лев Ландау сказал, что жрец науки — это тот, кто ест благодаря науке и не имеет к ней более никакого отношения. Но подобных персон никогда не было так много, как сейчас.

Отдельная тема в размышлениях Д. С. Лихачева о науке — тема именования. Дмитрий Сергеевич как-то до странности трепетно относится к именам, названиям и вообще к номинации. Наверное, потому, что с нее все начинается. «Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку — окрестите его, дайте ему имя, название»²⁶⁴. Или, в другом месте: «Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с названия: точного, делового»²⁶⁵. Но и здесь академик предостерегает от излишеств: «Если ученый создает сотни научных терминов, — он разрушает науку, десятки — поддерживает ее, два-три — двигает науку вперед»²⁶⁶. Есть и более афористичная мысль: «Краткость — вежливость ученого»²⁶⁷. Данный критерий распространяется и на научные доклады: «Не верьте длинным докладам, — пишет он, — аргументированные обычно коротки»²⁶⁸.

От темы номинации академик переходит к оценке языка науки: «Главное достоинство научного языка — ясность»²⁶⁹ —

²⁶³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 28.

²⁶⁴ Там же. С. 35.

²⁶⁵ Там же. С. 56.

²⁶⁶ Там же. С. 38.

²⁶⁷ Там же. С. 62.

²⁶⁸ Там же. С. 85.

²⁶⁹ Там же. С. 27.

и объясняет, почему это достоинство является основным: «Если язык научной работы труден, он не выполняет основную свою задачу — сообщать»²⁷⁰. Разумеется, Д. С. Лихачева волнует научная коммуникация, поскольку ему всегда казалось принципиально важным наличие сообщества ученых как структуры гражданского общества, связанной с государством, но не зависящей от него в процессе духовного производства, то есть производства идеи, научных концепций и проектов.

В прямой связи с темой научной коммуникации оказывается тема оценки результатов научного труда. Разумеется, «от ошибок никто не застрахован... Ошибка в выводах указывает на ошибочность работы исследователя, ошибочность примененного метода — на порок самого исследователя»²⁷¹. То есть в первом случае виноват в ошибке сам специалист, но у него есть шанс исправиться, а во втором — его учителя, не научившие верно выбирать методологию исследования. Психологически же «страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу»²⁷². Именно с «готовностью претерпеть» связана такая этическая категория, как мужество: «Самое большое мужество ученого — вовремя признать свои ошибки»²⁷³.

Таким образом, главным критерием оценки научной работы становится внутреннее «Я» ученого, его совесть. Внешние же оценки — менее существенны. Как пишет ученый: «Когда у спорящих нет аргументов, появляются просто “мнения”»²⁷⁴. Правда, большую роль в научном сообществе играет понимание. Для Дмитрия Сергеевича в данном контексте «интеллигентность — это способность к пониманию»²⁷⁵.

Можно было бы утверждать, что такой настрой академика дает в его глазах преимущество герменевтическим проце-

²⁷⁰ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 40.

²⁷¹ Там же. С. 102.

²⁷² Там же. С. 128.

²⁷³ Там же. С. 119.

²⁷⁴ Там же. С. 62.

²⁷⁵ Там же. С. 50.

дурам в познании над логико-аналитическими. Но это не совсем так. Далее он пишет: «Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке»²⁷⁶.

Границы понимания в науке в принципе не совпадают с границами научной истины. Точнее, первые шире последних. Это — еще одна причина неизбежности научных споров. Но весьма любопытно, что среди аргументов «против» Д. С. Лихачев называет фигуру умолчания: «Молчание в науке — знак несогласия»²⁷⁷. Может быть, это связано с традицией исихазма в русской православной духовности; возможно, менталитет исследователя содержит внутреннюю установку — молча игнорировать все, с чем не согласен. Так или иначе, но правота этого замечания очевидна. Впрочем, причиной молчания несогласных может быть чей-то научный авторитет, особое значение в данной области чьей-то личности или страх перед начальством. Позиция Лихачева по отношению к начальству определена достаточно ясно: «Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого»²⁷⁸. К сказанному выше примыкает следующий тезис: «Не количество работ, а их качество!»²⁷⁹. И еще более уничижительно: «Если ученый бегаёт за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности»²⁸⁰. Можно ли сделать вывод об отрицании почтенным академиком научных авторитетов? Разумеется, нет, ибо «не уважают заслуг других те, кто их сам не имеет»²⁸¹. Понятно, что Дмитрий Сергеевич четко отделяет реальный масштаб творческой личности от показной мишуры, имеющей мало отношения к сути дела.

²⁷⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 86.

²⁷⁷ Там же. С. 77.

²⁷⁸ Там же. С. 87.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. С. 39.

²⁸¹ Там же. С. 91.

При прочтении текстов академика Д. С. Лихачева о науке возникает странное чувство, связанное с глубиной разрыва между желаемым и существующим. С одной стороны, не может не вызывать уважения этическая доминанта его высказываний, с другой — мысли ученого воспринимаются как голос из иной реальности. Словно все постулаты рождены в месте уединения оторванного от обычной жизни мудреца. Но ведь это не так. Дмитрий Сергеевич изведal многое на своем научном и жизненном пути. И все-таки в текстах незримо присутствуют житейское благополучие, достоинство, даже величие прошлого века — времени наивысшего расцвета советской науки.

В 1990-е гг. в научной среде возникнет совершенно иная ситуация. Разразившаяся национальная катастрофа привела к массовому обнищанию людей науки, уходу наиболее энергичных в политику и бизнес, миграции за рубеж, старению научных коллективов. В современную историю России вписаны не научные победы и прорывы, а самоубийства директоров НИИ, не знавших, на какие деньги содержать институты, вывоз за рубеж всего, что можно было продать, — распиленного на металлолом оборудования, оборонных технологий, научных результатов; махинации с фондами заработной платы научных учреждений и с их имуществом. И все более бойкая торговля учеными степенями и званиями «на вынос и распивочно». Кто из «сильных мира сего» в нашей стране еще не доктор или на худой конец не кандидат каких-нибудь наук?

В этих условиях мысли академика могут восприниматься как реквием по науке, которую мы потеряли. И все-таки здесь есть светлая сторона. Актуализация воззрений Д. С. Лихачева на этику научной работы связана не со вчерашним или сегодняшним, но с завтрашним днем российского общества и государства.

«Долг ученого — иметь преемников.

Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам.

Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников»²⁸².

²⁸² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 31.

Поставленный академиком Лихачевым вопрос о долге ученого важен сегодня как никогда. Преподавательский состав российских вузов — в большинстве своем дедушки и внуки. Потеря среднего поколения печальна, но не фатальна по ее отдаленным последствиям, если в науке сохранится преемственность, о которой говорит Дмитрий Сергеевич. И в том случае, если наука будет востребована обществом и государством, — не все безнадежно. Нам остается в связи с этим лишь повторить за Дмитрием Сергеевичем: «Самый верный путь ученого — путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете»²⁸³.

---

²⁸³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 119.

3. К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Дмитрий Сергеевич Лихачев — Почетный член Российской Академии образования. В самом этом факте уже отражено **признание особого значения трудов ученого для отечественной педагогики.**

Но в чем конкретно заключается вклад Д. С. Лихачева в образование? Удивительно, но при всей простоте вопроса ответить на него нелегко. В современных справочниках можно прочесть о том, что Дмитрий Сергеевич — филолог и историк культуры, общественный деятель, что он **создал «концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе»**²⁸⁴. Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». Мы знаем, что с культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигенции, видя в лучших ее представителях **идеал воспитания.** Нравственным проблемам академик посвятил ряд специальных книг и статей²⁸⁵.

---

²⁸⁴ Лихачев Д. С. // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 376.

²⁸⁵ См., например: *Лихачев Д. С. Заветное.* М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же. Письма о добром.* СПб.: Logos, 2006; *Он же. Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской.* М.: Дет. лит., 1991; *Он же. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский.* М.: Просвещение, 1990; *Он же. Я вспоминаю.* М.: Прогресс, 1991.

Все это верно, но с позиций современной педагогической науки явно недостаточно. Почти невероятно, но факт: «по Лихачеву» не было научных исследований в педагогической отрасли научного знания. Между тем практика настоятельно требует таких работ.

В преддверии столетия ученого писатель Даниил Гранин выдвинул идею проведения 1 сентября 2006 г. уроков Лихачева во всех школах страны. Вместе с Даниилом Александровичем мы обратились с письмами к главам субъектов Российской Федерации, предложив им прислать в Санкт-Петербург на ежегодные майские Международные Лихачевские научные чтения лучших учителей регионов, с тем чтобы мы могли предложить педагогам методики проведения таких уроков. Предполагалось, что, вернувшись в регионы, эти учителя распространят их на местах.

Группа ведущих ученых Санкт-Петербурга, собранная Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева, создала под руководством члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева интереснейшие методические разработки Лихачевских уроков²⁸⁶. Их главная идея — «посвятить урок конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей»²⁸⁷. В этих рекомендациях представлены размышления авторов о возможных вариантах урока, о проблемах, которые могут быть рассмотрены на нем.

Сама по себе эта идея заслуживает специального рассмотрения, и мы вернемся к ней несколько позднее. Пока же отметим, что наше с Д. А. Граниным обращение вызвало у губернаторов неожиданно активный отклик: на Чтения приехали учителя, представлявшие около 60 регионов России. К сожалению, позднее пассивность чиновников среднего звена Министерства образования не позволила реализовать нашу инициативу в полном объеме, но в целом ряде регионов страны эти уроки прошли.

---

²⁸⁶ Уроки Лихачева: методические рекомендации для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб.: Бизнес-пресса, 2006.

²⁸⁷ Там же. С. 2.

Это является свидетельством **востребованности педагогического наследия Д. С. Лихачева**, как и большой успех издания эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика, предпринятого специально для школ страны председателем Российского детского фонда, академиком РАО, писателем А. А. Лихановым²⁸⁸.

Разумеется, все эти скромные действия абсолютно не соответствуют общему масштабу лихачевского наследия и его научно-педагогическому потенциалу. Очевидно, что решение данной проблемы сдерживается не только отсутствием полного академического собрания сочинений Д. С. Лихачева, но и недопониманием научного и практического значения публикаций Дмитрия Сергеевича, осуществленного за рамками литературоведения.

Между тем очевидно, что **на повестке дня — процесс сущностного, а не формально-ритуального включения научного и нравственного наследия академика Д. С. Лихачева в контекст отечественной педагогики**. Следует дополнить оценку его литературоведческих работ и нравственного значения «публицистики» исследованием и выявлением научного вклада в педагогику. Дмитрий Сергеевич педагогической общественностью страны воспринимается как знаковая фигура и как «свой». Но это созвучие академика с педагогическим сообществом (я имею в виду и учительство, и вузовскую интеллигенцию, и ученых Академии), скорее, интуитивное, нежели обстоятельно осмысленное.

Видимо, во многом вводит в заблуждение простота лихачевских текстов. Вот как пишет об этом академик А. А. Гусейнов: «...тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно, способствует ясность языка, еще больше свободная эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика

---

²⁸⁸ *Лихачев Д. С.* Заветное. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006.

на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голем виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность текстов заключена... в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека... И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее, говоря точнее: узнать, но так, как узнают человека, которого видел и знал раньше»²⁸⁹. Это высказывание удивительно точно соответствует восприятию лихачевских публикаций педагогическим сообществом. Мы «распознаем» в них то, что либо знали в несколько ином виде, либо ощущали интуитивно.

Однако во всех своих человеческих, личных, общественных «ипостасях» Д. С. Лихачев остается прежде всего ученым. Как уже говорилось ранее, в своем подходе к науке он не является типичным для нашего времени исследователем научных проблем, то есть его нельзя отнести к категории специалистов, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления, а затем переходят к следующему. Общегуманитарная теоретическая подготовка академика столь высока, что скрупулезное обоснование своих научных суждений, использование стандартных, общепринятых в науке технологий изложения своих мыслей для него излишне: его «публицистические» тексты не наукообразны по форме, но высоконаучны по содержанию.

Отечественной педагогике необходимо определенно выяснить, что в научных воззрениях Д. С. Лихачева является традиционным, и что — новаторским. Необходимо вычлениить суть его воззрений из «публицистики» и логично, последовательно описать в контексте истории педагогических учений. К примеру, возьмем его книгу «Школа на Васильев-

---

²⁸⁹ Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева / СПбГУП. СПб., 2006. С. 28.

ском», написанную в соавторстве с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским. В первых же строках читаем: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это, в первую очередь, прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму»²⁹⁰. Понятно, что авторская позиция целиком лежит в русле традиций отечественной педагогики, и хорошо известно — каких.

Но целый ряд других публикаций академика требует значительно больших усилий для анализа. Назову, к примеру, «Раздумья», «Письма о добром», «Я вспоминаю». **В них Д. С. Лихачев выступает в роли, схожей во многом с ролью не только теоретика, осовременившего нравственные заповеди, но и педагога-практика.** Может быть, здесь уместно сравнить его с В. А. Сухомлинским. Только мы не просто читаем рассказ о собственном педагогическом опыте, а как бы присутствуем на уроке замечательного учителя, ведущего разговор, удивительный по мере педагогического таланта, выбору предмета, способам аргументации, педагогическому интонированию, владению материалом и словом. Уровень лихачевского монолога столь высок, что кажется, урок ведет сама Истина или Господь Бог (кому как нравится). На первый взгляд, просто непостижимо, как в этих текстах важнейшие для воспитания человека истины проходят как бы непосредственно в душу читателя, минуя всевозможные наслоения и препятствия, столь свойственные для нашей педагогической практики.

Вместе с тем очевидно, что абсолютно все компоненты этого «урока» могут и должны быть подвергнуты теоретическому и методическому анализу. Например, очень интересно, что в ряде публикаций академика **педагогическая система воспроизводится и рассматривается как бы глазами**

---

²⁹⁰ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990. С. 5.

объекта воспитания — ученика. Только ученик этот постепенно вырос в крупную личность, состоялся в семейной жизни, сфере частных межличностных отношений, общественной жизни, профессиональной деятельности и получил во всех этих сферах заслуженное признание. **Теперь, представляя из себя своего рода «идеальный педагогический результат», данный объект воспитания может проследить, как происходило его становление и развитие в качестве самостоятельной личности, субъекта самовоспитания,** как работали те или иные педагогические системы, что мешало ему на жизненном пути и что помогало, какую роль играли различные компоненты педагогических систем, социально-культурная среда и т. д.

Такой ретроспективный анализ, проводимый академиком, с учетом уникального научного аппарата Дмитрия Сергеевича неизбежно дает и уникальные результаты. Данную ситуацию можно рассматривать как **удивительный педагогический эксперимент,** который поставила сама судьба ученого, предоставив ему же возможность фиксации и анализа результатов.

Почему жизнь Лихачева сложилась именно так, а не иначе? Что в ней было случайно, а что закономерно? В какое время, под каким влиянием и какие ценностные ориентации у него сформировались? Кто был для него идеалом? Какие педагоги, какие персонажи истории, кто из окружавших личностей оказывал влияние? Что из содержания процесса обучения воспринималось в конце жизни как наиболее важное и почему? Как обучение Лихачева было взаимосвязано с его воспитанием? Мы можем задавать себе эти и другие вопросы и получать на них из трудов Дмитрия Сергеевича вполне конкретные ответы, обогащающие педагогическую науку. Этот аспект лихачевского наследия также ждет своих исследователей.

Работы Д. С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении ряда фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки наших пози-

ций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе жизнедеятельности человечества, меняются мало. Что нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях возвращения этих ценностей в новых поколениях воспитуемых.

Интереснейший материал для исследователя — собственные гуманитарные взгляды Д. С. Лихачева. Вся мировая история может, по его мнению, рассматриваться как история вызревания и прорастания из глубин бытия Человеческого начала. Может быть, именно **Человеческое начало является главным предметом разносторонних исследований самого Дмитрия Сергеевича на протяжении всей его жизни.** Эта тема пронизывает все его публикации, озаряя их особенным внутренним светом. Но этот феномен лихачевского наследия не изучен и не описан надлежащим образом.

И если считать Дмитрия Лихачева в широком смысле слова педагогом, то помимо оценки «великий» следует добавить определение «гуманист». Проблема гуманизма направляла научные интересы ученого. Гуманизм «просвечивал» во всем, что бы Дмитрий Сергеевич ни исследовал: литературу, живопись, зодчество, религиозно-философские взгляды писателей Древней Руси, творчество Ф. М. Достоевского, феномен и судьбы российской интеллигенции и т. д. Гуманизм был интересен Лихачеву при исследовании зарождения и развития культуры, в анализе трансформаций литературного творчества... И уж, разумеется, эта тема волновала его в работах, напрямую связанных со становлением человеческой личности. **Что такое гуманизм и как его взрастить «по Лихачеву»** — предмет особого интереса педагогической науки.

Член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев посвятил данной теме публикацию «Уроки Лихачева для детей и взрослых»²⁹¹. В частности, петербургский ученый пишет: «Тысячи школьных уроков не сводятся к занятиям по математике и физике, литературе и истории, биологии и другим учебным предметам. Это уроки отношения к миру, к природе, к ценностям

²⁹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг.

культуры, к людям. Сейчас началась работа над созданием нового поколения стандартов для общеобразовательной школы. В связи с этим возобновились дискуссии относительно главных результатов школьного образования. В ходе одной из таких дискуссий была высказана верная, на мой взгляд, мысль о том, что главным результатом образования, полученного в школе, надо считать способность ее выпускников различать добро и зло». Далее О. Е. Лебедев продолжает: «По сути дела, весь социальный опыт, который осваивается учащимися на школьных уроках, представляет собой опыт решения проблем — познавательных, мировоззренческих, политических и всяких иных. Но ведущее место в этой совокупности разнообразных проблем занимают проблемы нравственного выбора».

Здесь уместно еще раз повторить, что совесть, по Лихачеву, — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Размышляя об этом, академик утверждает: «Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие»²⁹².

Источником нравственного образования человека является освоенная им гуманитарная культура, источником образования — культура в целом. Если вдуматься в смысл слов «общее образование», то можно его представить как образование, которое объединяет людей общими представлениями о ценностях культуры. В связи с этим можно предположить, что **магистральный путь дальнейшего развития образования лежит в направлении его культурологической составляющей, несущей в себе интегрирующее различные предметы гуманистическое начало.** В данном плане методологический вклад Лихачева в образование очень важен. И здесь открывается широчайший фронт работы для педагогической науки.

²⁹² Д. С. Лихачев — Университетские встречи. С. 39.

Прежде всего, на мой взгляд, заслуживают изучения **воззрения академика на общий процесс культурной преемственности поколений**. Образование как социальный институт общества является, по Лихачеву, именно институтом культурной преемственности. Для понимания «природы» этого института очень важна адекватная оценка учения Д. С. Лихачева о культуре. Скажем, принципиальное значение имеет представление академика о европейском характере российской культуры.

Весьма важны работы Лихачева, посвященные Петровским реформам. Существенно, что Дмитрий Сергеевич очень убедительно показывает ущербность представлений о допетровской Руси, как крае и времени исключительно крестьянской культуры: в подобных взглядах нет места ни для «Слова о полку Игореве», ни для Андрея Рублева и Феофана Грека, ни для Сергия Радонежского. Допетровская средневековая культура Руси была великой культурой. Другое дело, что настало время для ее перехода на новый этап развития.

Самый широкий контекст, в котором вслед за Дмитрием Сергеевичем можно рассматривать нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение «Повесть временных лет» (XI в.). Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами, чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами, — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. В результате самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе. Ибо, по Лихачеву, «европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению»²⁹³.

---

²⁹³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 198.

Из понимания Д. С. Лихачевым российской культуры как европейской логично вытекает его **утверждение о европейском характере отечественного образования**, особую роль в становлении которого он отводит Санкт-Петербургу. Думается, изучение истории формирования и развития петербургских образовательных учреждений и их системы под лихачевским углом зрения может многим обогатить отечественную педагогическую теорию.

Следует отметить, что воззрения академика на историю российской культуры даже при их определенной дискуссионности могут являться отправным пунктом для дальнейшего **развития теории педагогических систем в их общекультурном контексте, переосмысления целей воспитания, педагогического опыта, не говоря уже о совершенствовании отдельных предметных курсов.**

Разумеется, результаты научной деятельности Д. С. Лихачева должны быть включены в школьные и вузовские программы как **Знание, обязательное при получении образования**. Пока это должным образом не сделано, но, несомненно, произойдет — после осмысления великого наследия академика новыми поколениями ученых.

Влияние литературы, искусства, архитектуры, природы на души людей Дмитрием Сергеевичем прочувствовано и осмыслено по-особому. Взять хотя бы исключительную по силе мысли работу «Сады Лицея»²⁹⁴ или уже упоминавшееся выступление перед профессурой и студенчеством Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Петербург в истории русской культуры». Не меньший интерес вызывают и его размышления «О русской интеллигенции». Они могут быть рассмотрены как элементы своего рода **педагогической программы Лихачева по самовоспитанию для молодых людей**, вступающих в жизнь. Но самой важной в этом плане является, конечно, «Декларация прав культуры» и ее центральная мысль, что **культура — определяющее условие реализации созидательного потенциала личности.**

²⁹⁴ Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 244.

Заслугой Д. С. Лихачева стало и выделение специфической роли социально-культурной среды в становлении личности. Роль идеального окружения — идеалов, образцов, попадающих в индивидуальное пространство жизнедеятельности личности, — состоит в том, что, живя, человек, хочет он того или не хочет, осознает или не осознает, — впитывает, вбирает то, что создано предками, в пространстве его существования незримо присутствует все, сотворенное предшествующими поколениями. Именно в этом видел академик, к примеру, уникальность воздействия на человека Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Жить там, где жили выдающиеся архитекторы, литераторы, критики, философы, впитывать впечатления от их творений, от знакомства с их жизненным путем — значит обогащаться духовно, возвышаться нравственно. Вот почему отношение к прошлому для Д. С. Лихачева — критерий присутствия (или отсутствия) в человеке прекрасного, доброго: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране»²⁹⁵.

Д. С. Лихачев пришел к пониманию того, что **память о прошлом — это один из способов существования культуры.** Фальсификация прошлого, предвзятое к нему отношение, выстраивание его по шаблонам, в угоду той или иной идеологической конъюнктуре лишает культуру преемственности, живой связи с предшествующим развитием, а человеческую личность оставляет без духовных корней, без той нравственной почвы, на которой только и произрастает человеческое в человеке. Именно с точки зрения нравственного значения памяти, с позиций «экологии культуры» рассматривал ученый великие события в истории нашей Родины, страницы ее

---

²⁹⁵ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 332–333.

воинской славы — Бородинское сражение, Куликовскую битву. С болью писал он о варварски взорванном в 1932 г. памятнике на могиле выдающегося полководца Отечественной войны 1812 г. Петра Ивановича Багратиона. С горечью говорил о могиле героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, на месте которой в старой церкви Рождества завод «Динамо» установил мотор мощностью в 180 киловатт. Нет ни упоминаний, ни мемориальной доски, только грохот и рев моторов...

Думается, читателю очевидно, что задача данной главы — не подведение итогов научно-педагогической деятельности выдающегося российского ученого, а **приглашение коллегам (и теоретикам, и практикам) к дальнейшему осмыслению и применению педагогического наследия академика Д. С. Лихачева**. Речь идет о педагогическом наследии как взглядах на проблемы воспитания и образования; результатах исследований в области гуманитарной культуры, которые могут рассматриваться как исходные позиции для дальнейших педагогических поисков; опыте педагогической деятельности. В связи с этим важно в контексте педагогической науки более детально рассмотреть само понятие «педагогического наследия» и сферу его применения.

Изучение педагогического наследия Лихачева может иметь существенное значение как для решения педагогических проблем среднего и высшего образования, так и для постановки новой исследовательской проблематики. К примеру, «вечными проблемами» педагогики школы являются **отбор содержания образования и выбор методов обучения**. Наследие Дмитрия Сергеевича содержит в этом плане значительные перспективы. Возьмем отбор содержания: школа должна приобщать к культуре, но ей приходится работать с учебными (адаптированными) текстами. Важно оптимизировать соотношение адаптированных и научных текстов, а также первоисточников. В советской школе был накоплен интересный опыт работы с первоисточниками — ленинскими работами. От этого опыта, естественно, отказались. Но **потребность в обращении к философским, культурологическим текстам, доступным для школьников, осталась**.

В роли таких первоисточников вполне могут выступать работы Д. С. Лихачева.

Лихачевское наследие может быть весьма полезно и в решении другой проблемы: необходимым элементом содержания образования является **собственный опыт обучаемых**, который **должен быть переосмыслен в процессе обучения**. Однако отечественная педагогика пока не добилась в данном плане сколь-нибудь заметных успехов. У Дмитрия Сергеевича здесь можно многому научиться. В то же время **труды академика могут быть использованы и для совершенствования методов обучения**, например методики диалога. Важная исследовательская задача — опираясь на работы Лихачева, **углубить современное понимание роли фактора исторической памяти в процессе развития образовательных систем**.

Итак, у научно-педагогического сообщества страны впереди большая работа, к которой нас обязывает и память замечательного ученого-гуманитария, и потребности страны.

4. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ИМЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ*

В данном разделе представляется уместным вернуться к начатому ранее разговору об уроках Лихачева в школах, точнее — **об идее посвящения урока конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей.** Сама по себе эта идея, безусловно, не является новой для педагогики. Напротив, она существует столько же, сколько существует обучение и воспитание. В ее основе — **выбор идеала, воспитание примером.**

Наиболее ярко, последовательно и масштабно данная идея воплотилась в христианстве — единственной, как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, религии, в которой Богом является личность, избираемая верующими как идеал для подражания, с мифологизированным опытом которой сверяются мысли и поступки. Фигура Христа стала своего рода центральным культурным элементом, своего рода «точкой кристаллизации», вокруг и от которой развивается последние две тысячи лет европейская культура. В контексте этого процесса образуются **европейские педагогические модели**, занимающие ведущее место в настоящее время и в нехристианских культурах.

Совершенно очевидно, что этот уникальный опыт человечества вполне воспроизводим в более локальных масштабах при формировании отдельных субкультур. Это учитывалось в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в период с 1992 г. по настоящее время. Речь идет о **конкретном педагогическом эксперименте**, который частично отражен в ряде публикаций, не раз становился предметом специального анализа Президиума Российской Академии

---

* Глава написана в соавторстве с профессором СПбГУП Л. А. Санкиным.

образования²⁹⁶ и в целом — предметом иного разговора. Тем не менее представляется уместным познакомить читателя с некоторыми аспектами данного опыта, поскольку, по существу, **урок Лихачева ведется в СПбГУП уже 15 лет.**

Данный эксперимент Президиумом РАО признан успешным и может быть рассмотрен как **пример использования знаковых фигур для формирования культурно-образовательной среды, в свою очередь создающей современный уровень университетского образования.** Коллегами отмечен стремительный рост СПбГУП от обычного по ленинградским меркам учебного заведения до одного из лидеров отечественного высшего образования. О том же говорит беспристрастная статистика государственных органов: за последние 15 лет СПбГУП практически по каждому из показателей госаккредитации вышел на уровень 5–10 % ведущих вузов страны. Ежегодно на биржу труда обращается менее 1 % наших выпускников. Их уверенный карьерный рост подтверждается независимыми социологическими исследованиями. **Эти результаты во многом связаны с особой ролью личности Дмитрия Лихачева, реализованной в университетском сообществе благодаря специально разработанным педагогическим технологиям.**

Несомненно, представление о вузе как социально-педагогической системе в принципе не является чем-то новым в педагогике высшей школы. Так же, как и тезис о важности для университетов соединения науки и обучения. В то же время конкретные механизмы реализации этих важных для высшего образования положений мало описаны и тем более явно недостаточно изучены.

Опыт совместной работы с Дмитрием Сергеевичем побуждает ко многим размышлениям на профессиональные темы:

---

²⁹⁶ *Запесоцкий А. С.* Модель гуманитарного университета и воспитание российского интеллигента: доклад на совместном заседании бюро Президиума РАО и Ученого совета СПбГУП, 9 февр. 2000 г. / СПбГУП. СПб., 2000; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования / СПбГУП. СПб., 2006; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Педагогика. 2006. № 2. С. 3–13.

как реформировать средний по уровню вуз, перевести его в иное качество? Как создать творческую обстановку, привлечь научные светила и использовать их присутствие, превращая институт в университет? Как сформировать новые традиции и сделать их фактором повышения качества работы?

Следует начать с того, что СПбГУП последние 15 лет исповедует и отстаивает свой путь, свое видение университетского образования в России. Это видение во многом сформировалось под влиянием и при непосредственном участии Д. С. Лихачева.

...Приход академика Лихачева в Университет в начале 1990-х гг. представляется закономерным.

В советское время, уже будучи академиком, Дмитрий Сергеевич много «воевал» с начальством, защищая культуру и природу, используя для этого весь свой авторитет. Уже в 1970-е гг. он завоевал в среде интеллигенции репутацию защитника национальных святынь и человека прогрессивных взглядов. С приходом к власти Горбачева данный образ академика стал доступен широким массам. В начале демократических преобразований Д. С. Лихачев активно поддерживал перестройку, но в начале 1990-х гг. понял, что общее направление перемен может принести народу неисчислимы беды. Наступило разочарование. В этот период он и знакомится с нашим вузом.

В СПбГУП Лихачев увидел тогда один из немногих, но ярких примеров перемен к лучшему, конкретное свидетельство того, что его усилия были не напрасны. Это же привлекало к нам первого мэра города Анатолия Собчака и многих других. С начала 1990-х гг. бывать в нашем вузе стало интересно. Сюда потянулись выдающиеся отечественные интеллектуалы: Александр Зиновьев, Юрий Осипов, Юрий Афанасьев, Игорь Кон, Александр Панченко, Николай Скатов, Борис Васильев, Григорий Бакланов и многие другие — обсудить проблемы гражданского общества, судьбы интеллигенции, взаимосвязь экономики, нравственности и культуры, пути реформирования образования. Люди самых разных политических ориентаций стремились использовать СПбГУП как трибуну для изложения своих взглядов: от Гавриила Попова, Галины Старовойтовой до Анатолия Лукьянова и Геннадия Зюганова.

В конце 1992 г. наш профессор Р. С. Милонов ввел в эту среду академика Д. С. Лихачева. В нашем вузе ему понравилось. Видимо, что-то напоминало академику собственную студенческую юность. Во всяком случае, он сразу ощутил особую атмосферу, почувствовал себя просто и естественно. Обстоятельно познакомившись с Университетом, Лихачев вскоре принял принципиальное для себя решение — согласился стать нашим Почетным доктором. «...теперь я — ВАШ²⁹⁷, — сказал он, получая докторскую мантию СПбГУП, и пояснил, — ...хочу поблагодарить всех моих коллег, находящихся в этом зале, за ту честь, которая мне оказана. Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века. Если основная часть европейских университетов гордится своим прошлым, то мы должны гордиться своим будущим»²⁹⁸.

Через пять лет работы в СПбГУП академик счел необходимым в одном из телеинтервью добавить следующее: «Думаю, что это — университет будущего. Он очень мобильный, способный на эксперименты — а в образовании эксперименты очень нужны. Этот вуз откликается на новые идеи, он живой, там живая наука. Кроме того, творческие процессы — театральные, балетные, музыкальные — сочетаются в нем с научным изучением искусств. Это очень важно». Учитывая, что в 1992 г. мы первыми в стране ввели платное образование, начали заключать договоры на обучение с частными лицами и с тех пор подвергались всевозможным нападкам, Дмитрий Сергеевич неожиданно продолжил в нашу защиту: «Так что, если у родителей есть возможность заплатить за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете — то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу»²⁹⁹.

Продуктивность перемен в СПбГУП и мнение о вузе академика Д. С. Лихачева были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, наше учебное заведение было малоизвест-

---

²⁹⁷ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочитанная 19 мая 1993 года в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 25.

²⁹⁸ Там же. С. 11.

²⁹⁹ Там же. С. 67.

ным, но серьезным центром гуманитарного знания, — лучшим на тот момент российским вузом культуры. Не зря наши выпускники занимали ключевые должности в сфере культуры ряда соцстран и практически всех республик СССР. В Ленинграде крупнейшие учреждения культуры, такие как БКЗ «Октябрьский», ДК им. Ленсовета, Выборгский ДК и другие и сегодня возглавляются нашими выпускниками той поры. К моменту распада СССР здесь собралась незаурядная профессура. Малоизвестность же учреждения объяснялась закрытым характером международной профсоюзной системы подготовки кадров.

Во-вторых, в момент слома социалистической системы, в суматохе и неразберихе нам удалось добиться реальной вузовской автономии. Мы перестали обращать внимание на идеологические инстанции. Почти сразу же открылась кафедра культурологии, на которую пришли С. Н. Иконникова и М. С. Каган. В вузе появились и другие новые крупные ученые: один из основоположников отечественной социальной психологии Б. Д. Парыгин, академик-педагог А. В. Даринский, юрист-международник И. Е. Тарханов и т. д. Создалась динамичная и свободная обстановка, как будто бы в давно запечатом помещении вдруг отомкнули двери и широко распахнули окна, ворвался свежий ветер. Мы внедрили механизмы самофинансирования, что закрепило нашу самостоятельность. Таким образом, с 1991 г. наш вуз стал и до сих пор остается удивительно независимым от любых внешних сил в плане подбора кадров, научной и духовной жизни.

Разумеется, наши учредители (профсоюзы) серьезно контролируют работу вуза, особенно — в финансово-хозяйственной сфере, а министерство проверяет соблюдение госстандартов и других норм. Но этот контроль осуществляется не оперативным вмешательством, а по соответствию результатов работы уставным целям и задачам.

В постсоветскую эпоху мы вступили с достойными учредителями, маститыми профессорами, реальной вузовской автономией, творческой атмосферой и желанием перемен.

Для понимания сути сотрудничества академика Лихачева с нашим вузом весьма полезно прочитать его работу «За-

метки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»³⁰⁰. Дмитрий Сергеевич пишет, что «в городах существуют районы наибольшей творческой активности», «места деятельности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть в своей среде». По его мнению, тяга к творческому новаторству способствует появлению групп единомышленников. Новаторство требует коллективности и признания хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Эти высказывания дают ответ сразу на два вопроса, которые нам часто задают в последние годы: почему академик Лихачев избрал для сотрудничества именно наш Университет, и почему вслед за ним в СПбГУП пришли Николай Платэ, Даниил Гранин, Андрей Петров, Лев Додин, Борис Эйфман и др.

Практики посвящения в почетные доктора тогда в нашей стране не существовало. Традиция, имеющая многовековую историю, была практически забыта в советский период. Между тем к концу XX в. в мировом образовательном сообществе сложились два подхода к ее реализации: приглашать в почетные доктора личности, добившиеся выдающихся успехов в сферах науки, культуры, искусства, либо в поисках практической выгоды облачать в мантии «сильных мира сего». Мы пошли по первому пути.

Идея избрать Д. С. Лихачева Почетным доктором СПбГУП родилась не случайно. Дело в том, что у нас вызвало озабоченность стремительное разрушение советской системы воспитания и отсутствие какой-либо ее замены. Как известно, **педагогический процесс (если он есть) представляет собой систему, важнейшим элементом которой является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие идеалов.** Люди, разрушавшие Советский Союз, начали с разрушения идеалов советского времени. Образовалась очень опасная пустота, в которую стремительно входили чуждые нашим представлениям о жизни ценности.

³⁰⁰ *Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 276–284.*

В связи с этим мы считали очень важным представить университетскому сообществу персонафицированные символы, воплощающие традиционные для человечества ценности, — людей, которые были бы официальным образом провозглашены вузом в качестве своих идеалов. И Лихачев удивительно замечательно подходил для этой роли. Несмотря на все кипение политических страстей того времени, Дмитрий Сергеевич оказался как бы вне политики, вернее, — над политикой. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

Самому Д. С. Лихачеву эта идея понравилась по другой причине. Он хотел поддержать динамично развивающийся, реформируемый Университет. Дело в том, что многим в нашем городе было непонятно, что происходит в СПбГУП. А мы создавали принципиально новую модель университета, в основе которой лежала опора на лучшие достижения отечественной и мировой культуры. Эту модель мы назвали культуроцентристской. Радикальному реформированию подвергались юридическая и экономическая сферы жизни вуза, система воспитания, взаимоотношения между педагогами, студентами и администрацией и многое другое. Общественное мнение неоднозначно ко всему этому относилось. Одним было в принципе ненавистно наше уверенное движение вперед, другие откровенно завидовали чужим успехам, третьи опасались конкуренции и т. д. В этой обстановке Дмитрий Сергеевич счел нужным положить свой авторитет на нашу чашу весов. Характерно, что академик Лихачев за всю свою жизнь принял мантии 19 зарубежных вузов и только одного — российского.

Как посвящать в почетные доктора, никто не знал. Мы обратились за консультациями к Дмитрию Сергеевичу, и работа закипела. Университетские секретарши взялись за пошив мантии и шапочки. Несколько раз наши делегации ездили домой к Лихачеву смотреть его академический «гардероб». В итоге по его совету разработали очень скромный, строгий фасон. Затем был создан дизайн диплома, определе-

на лаконичная форма занесения имен Почетных докторов на мраморную доску. Церемонию посвящения в доктора тоже разрабатывали с Лихачевым. Дата основания новой традиции была приурочена к 24 мая — Дню славянской письменности.

Церемония прошла в обстановке исключительного эмоционального подъема. Все чувствовали, что происходит что-то особенное. В этот день для коллектива что-то изменилось. Сознание того, что перечень наших педагогов и ученых открывается именем Лихачева, уже никогда не позволяло нам далее жить как прежде. С этого дня мы повели отсчет новейшей истории нашего учебного заведения — в качестве не просто вуза, а Университета. Позднее к 24 мая мы стали приурочивать открытия ежегодных выставок трудов наших педагогов, научные конференции, подведение итогов конкурсов научных работ студентов, презентации выпущенных в свет книг. Вслед за Дмитрием Сергеевичем нашими Почетными докторами стали: Михаил Аникушин, Георгий Свиридов, Кирилл Лавров, Мстислав Ростропович, Наталья Бехтерева, Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и другие замечательные россияне.

Сейчас представляется совершенно очевидным, что **присутствие в вузе особой группы духовных лидеров** благотворно сказывается как на деятельности всего университетского сообщества, так и на личном «настрое» универсантов. Одно дело осознавать себя участником некоей учебной или научной будничной рутины, совсем другое — понимать, что твоими коллегами или учителями являются выдающиеся современники, «чьи имена звучат нам как девизы».

Церемония облачения Лихачева в нашу мантию была показана центральным телевидением. Вслед за нами многие отечественные вузы стали избирать почетных докторов. И все же, мне думается, что роль традиций в отечественном высшем образовании, при всем формальном ее декларировании, по существу недооценена. Даже в самых богатых историей университетах ее скорее ощущают интуитивно, нежели делают предметом изучения и системного конструирования.

Теперь мы убеждены, что **университет** — это не столько здание, библиотека, компьютеры, и даже не столько профессора и студенты, сколько **человеческая общность, базирующаяся на тех или иных ценностях. Каковы ценности — такова общность.** И результаты ее деятельности — соответствующие. **Мы сформировали социально-педагогическую систему, в центре которой — крупнейшие личности России и замечательные достижения отечественной и мировой культуры.** И получили желаемые результаты в виде востребованности вуза молодежью, оценок нашей деятельности государственными органами и учредителями, трудоустройства выпускников и их карьерного роста. Но все начиналось с мантии для Лихачева.

Особо следует отметить влияние Дмитрия Сергеевича на деятельность университетской кафедры культурологии. Начало было положено лекцией «Петербург в истории русской культуры», прочитанной академиком 19 мая 1993 г., при посвящении его в Почетные доктора. Вскоре в учебные планы по всем специальностям СПбГУП были введены курсы «История культуры Санкт-Петербурга».

Возвращая научные долги патриарху, кафедра в последнее время внесла значительный вклад в осмысление научного наследия академика Д. С. Лихачева в сфере истории и теории культуры. Надеюсь, не только гуманитариям, но и самому широкому кругу читателей будет интересно познакомиться с выпущенной в этом году СПбГУП книгой Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» и комментариями к ней. К юбилею Дмитрия Сергеевича Университетом издан и еще один сборник: «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов». В нем собраны материалы, появившиеся в ходе работы академика в СПбГУП. Некоторые из них публикуются впервые. Названное издание обладает ценностью документального свидетельства, позволяющего ясно представить себе мысли и чаяния Д. С. Лихачева в последние годы жизни.

Значительный интерес для читателя могут представить три текста, связанных с разработкой Д. С. Лихачевым «Декларации прав культуры» — своего рода вершины жизненно-

го пути Великого Петербуржца. Конечно, это — особая страница в нашей совместной деятельности с Дмитрием Сергеевичем, которой Университет всегда будет гордиться. Но для исследователей наследия академика Лихачева, как мне думается, интересно и другое — возможность проследить, как изменился текст Декларации от первоначальной идеи до итогового документа, разработанного под руководством выдающегося ученого профессурой СПбГУП. Текст, завершающий сборник, создан Лихачевым как руководителем коллектива ученых-единомышленников. В таком характере этой работы видится некое послание в будущее: лидер уходит, но «продолжение следует»...

Рамки данной книги не позволяют показать, как конкретно «встраивались» в сложившуюся систему научно-педагогической деятельности Университета студенты. Но одну красноречивую деталь следует все же привести: в настоящий период в среднем каждый четвертый студент делает ежегодно доклад на молодежной секции майской научной конференции, носящей имя Дмитрия Лихачева.

Работа академика в СПбГУП показывает пример конкретной пользы крупного ученого для учебного заведения. Вместе с тем она побуждает и к размышлениям о роли университетов в содействии реализации ярких личностей не только в период их становления, но и в пору зрелости. Кроме того, очевидно, что университетский период деятельности академика стал и его особым посланием в будущее — через соприкосновение с научно-педагогическим сообществом и студенчеством.

Незадолго до ухода Дмитрия Сергеевича из жизни Университет приступил к съемкам документального фильма о Лихачеве. В одном из последних интервью Дмитрий Сергеевич обращается к молодому поколению с напутствием: «Спешите учиться, спешите получать образование», «...образованность — это основа умения честно прожить жизнь, наслаждаться ею, получить радость от познания мира...»³⁰¹. Эти слова звучат как определение смысла человеческой жизни.

---

³⁰¹ Д. С. Лихачев — университетские встречи. С. 61.

Думается, есть глубокая внутренняя логика в том, что, получив блестящее университетское образование и проявив себя в качестве выдающегося деятеля академической науки, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе жизни снова приходит в университет: связь времен не должна распасться, страна должна прирастать новыми университетами и новыми Лихачевыми.

5. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Своего рода вершиной жизненного пути Д. С. Лихачева и особой страницей его научно-педагогического сотрудничества с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов стала разработка «Декларации прав культуры». По сути, это своего рода послание ученого мировому сообществу, послание в будущее.

Академик Лихачев познакомил нас со своей идеей разработки проекта «Декларации» летом 1995 г. По его мысли, современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. Дмитрий Сергеевич считал, что забота о культуре в ее целостности — дело всего мира. Ведь развитие культуры — это не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, что создано человеком. В связи с этим логичным представлялось обсудить эту идею с интеллигенцией Санкт-Петербурга, выйти в международное сообщество с инициативой принятия «Декларации» от имени города, являющегося уникальным феноменом мировой культуры. (Как известно, Санкт-Петербург — единственный город России, включенный ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия.)

Исходя из необходимости придать импульс общественной дискуссии, Дмитрий Сергеевич подготовил, выражаясь его словами, «проект проекта»³⁰², презентация которого состоялась 1 сентября 1995 г. на традиционном Дне знаний в СПбГУП. Идеи «Декларации» получили поддержку петер-

---

³⁰² *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры (проект) / СПбГУП. СПб., 1995.

бургской общественности. Но документ обращен к международному сообществу, а субъектом международного права выступает государство. Поэтому Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов предложил создать при Правительстве города общественную комиссию по доработке идей «Декларации прав культуры» с тем, чтобы Правительство Санкт-Петербурга передало одобренный им вариант проекта на рассмотрение Президенту России, и далее — в ЮНЕСКО.

Анатолий Собчак выпустил соответствующее распоряжение. В состав комиссии, возглавляемой председателем Правительства города, вошли крупные общественные деятели, ученые, просветители, хранители культуры, деятели литературы и искусства. Среди них: В. Е. Багно, О. В. Басилашвили, Я. А. Гордин, Д. А. Гранин, В. В. Знаменов, М. С. Каган, А. А. Мыльников, М. Б. Пиотровский, В. Е. Триодин и др. Члены комиссии выступили в роли экспертов. Сам же текст шлифовался и оттачивался группой ученых Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. В результате общими усилиями под научным руководством Д. С. Лихачева был подготовлен итоговый документ.

Думается, научное и нравственное значение «Декларации» трудно переоценить: в документе сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В нем прямо сказано, что вне культуры самостоятельное существование народов и государств лишается смысла. Культура, по существу, поставлена в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека. Культура — условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества³⁰³.

В «Декларации» вводится понятие гуманитарной культуры, то есть культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это закономерно: ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усилива-

---

³⁰³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 388–397.

ет экспансию антигуманных ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культурой своей сущностной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Вот почему государства должны стать гарантами взращивания гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность развития, совершенствования человека и общества.

Интересно, что в «Декларации» Д. С. Лихачев дал свое, альтернативное видение глобализации — как процесса, движимого в первую очередь не экономическими, а культурными интересами человечества. По Лихачеву, глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества; ее неверно понимать только как экспансию мировых корпораций, перетоки кадров и сырьевых ресурсов. Человечеством должна быть выстроена концепция глобализации как гармоничного мирового культурного развития, в ней должен существовать баланс между культурами огромными, например США, России, Китая, и культурами малых этносов.

Примерно в то же время на Западе фурор произвели публикации гарвардского культуролога, профессора Хантингтона. Он предсказал, что международные конфликты XXI в. будут, по сути, конфликтами различных культур, имея в виду мусульманскую и христианскую части мира. Д. С. Лихачев же пошел значительно дальше. В своем проекте он особое внимание уделяет именно предотвращению таких конфликтов.

Глобализацию многие критикуют, но ею можно и нужно управлять, добиваясь положительных результатов для всех. Допустим: большая и малая культура. Есть опасность подавления большим меньшего? Безусловно. Но можно ли изолировать малую культуру от большой? Может быть, и можно, но опасно. Например, всякая попытка изолировать язык малого народа от языка большого приводит к обеднению языка малого народа. С другой стороны, русский язык — «могучий», но чем он могучий? Да своими связями, открытостью, в том числе и тем, что из сотен тысяч слов десятки тысяч в нем — иностранные. Русский язык все время подпитывался от других

языков. Так же и малые культуры должны подпитываться от больших культур. И их же обогащать.

Идея сохранения культуры — это идея сохранения духа, языка, особого ментального склада, этических комплексов. Культура будет подвергаться интернационализации неизбежно. Но всегда у каждого народа должно оставаться культурное пространство для своей самобытности. Это проблема баланса.

Есть целый ряд вопросов, на которые у нас нет сегодня конкретных ответов. Но важно, чтобы для их поиска были заложены правильные базисные подходы. Это так же, как с защитой природы. Понятно, что человек должен расходовать природные ресурсы. Но человечество последнее время непрерывно работает над тем, чтобы эти ресурсы не только расходовать, но и возобновлять. Да и расходовать более экономично, целесообразно. Главная задача в том, чтобы некую неотвратимость направить в нужное русло. Лихачев был убежден, что это возможно, и убедительно обосновывал данную точку зрения результатами своих исследований истории развития мировой культуры, и в первую очередь российской. Наша культура на протяжении многих веков впитывала различные зарубежные влияния. И Дмитрий Сергеевич в своих работах показал, какую пользу это приносило.

«Декларация» не только обогащает теоретическую мысль. Этот документ имеет и практическое значение. На уровне государств его принятие должно привести к изменению национального законодательства каждой страны, способствовать полноценному развитию национальных культур. На уровне мирового сообщества — это шаг на пути интеграции мирового культурного процесса, с общечеловеческих позиций — это обогащение коллективного разума. Наконец, на уровне жизни каждого отдельного человека это, если вспомнить Священное Писание, формирование Человека «по образу и подобию» Божию.

«Декларация» прошла апробацию на различных российских общественных форумах и получила одобрение научной и творческой интеллигенции страны. МИД России добился отражения ряда ее положений в принятых ЮНЕСКО Декла-

рации о культурном разнообразии (2001)³⁰⁴ и Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005)³⁰⁵. На повестке дня — работа над ее целостным принятием мировым сообществом.

Формально проблема заключается в том, что современное международное право признает правоспособность исключительно человека, и попытки юридического закрепления прав культуры являются в связи с этим неправомочными. Создатели документа хорошо представляли себе данное обстоятельство, но не сочли необходимым менять его название по идеологическим соображениям.

Реальная же трудность, однако, состоит в том, что правительства многих стран в принципе не считают нужным обременять себя какими-либо заботами о культуре. Фактически, мировое сообщество еще не созрело в полной мере для принятия идей Д. С. Лихачева.

Разумеется, руководя в организационном плане практической деятельностью коллектива разработчиков «Декларации», я заранее предвидел как юридические, так и практические трудности ее реализации. Наверное, можно было убедить Дмитрия Сергеевича изменить формулировки во имя юридической корректности. Достаточно было сделать небольшие поправки в названии и отдельных пунктах: «просто» поставить вопрос не о «правах культуры», а о «праве человека на культуру». С формальной точки зрения все сразу встало бы на свои места. Но «поправить» «Декларацию» было невозможно без ущерба для гуманитарной красоты лихачевской идеи. **Постановка вопроса о правах культуры носит в документе именно декларативный характер, заключает в себе высокое гуманитарное, философское содержание.**

Попробуем вместе с читателем, суммируя многое из сказанного ранее, **представить** (разумеется, упрощенно) **логику**

---

³⁰⁴ Принята 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 2 ноября 2001 г.

³⁰⁵ Принята 33-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 20 октября 2005 г.

развития Лихачева-ученого, приведшую его к идее создания «Декларации».

Дмитрий Сергеевич в начале своего пути получал классическое гуманитарное образование в домашней среде. Школы, в которых он учился, можно без малейшей натяжки назвать лучшими в России. То же можно сказать и о Петербургском университете первой четверти XX в. Это было время удивительного расцвета и взлета данного вуза. Филологический факультет времен учебы Лихачева (тогда, впрочем, он назывался несколько иначе) вообще следует считать уникальным явлением во всемирной истории университетского образования.

Таким образом, не умаляя личной одаренности ученого, его можно в полной мере считать явлением, органично сформировавшимся в контексте высших проявлений российской культуры научного мышления и поиска. Интересно, что дед Д. С. Лихачева был Почетным гражданином Санкт-Петербурга. Учитывая, что до революции это звание передавалось по наследству, Лихачев — дважды Почетный гражданин, что своеобразно подчеркивает его многоплановую принадлежность к культурной элите города.

Многолетняя работа в Пушкинском Доме — Институте русского языка и литературы РАН оказала последующее влияние на формирование исследователя в русле высоких традиций российской академической науки. Здесь следует напомнить, что начиная с 1920-х гг. в отечественном литературоведении совершенно отчетливо формируются две мощные разделяющиеся ветви. Первая сосредотачивается на структурном, текстологическом анализе литературы, рассматривая ее как «искусство для искусства», вторая же исследует литературу в первую очередь в ее социальном контексте, и затем — в контексте общекультурном.

Лихачев проявляет себя блестящим исследователем сразу в обоих направлениях. Он создает выдающиеся текстологические труды и одновременно пишет блестящие работы с анализом произведений древнерусской литературы в их «окружении» живописью, зодчеством, ярчайшими личностями творцов и государственных деятелей. В научную ткань его публикаций органично входят религиозно-фило-

софские аспекты анализа, вопросы кросс-культурных коммуникаций и т. д. Вскоре Лихачев начинает выстраивать своего рода «параллельные ряды» для литературы в сфере искусства, государственном строительстве, идеологии и духовной жизни. Логическим результатом этого процесса становится конструирование Дмитрием Сергеевичем представлений о своего рода культурных комплексах. Сам же Лихачев по меткому замечанию уже известного читателям западноевропейского слависта может быть охарактеризован как Мыслитель, в котором глубокое стремление понять движущие силы прошлых столетий сочетается с живым оптимизмом и верой в возможность культурного прогресса. Во второй половине XX в. особое место в работах ученого занимает идея целостности культуры, особого значения ее внутренних взаимосвязей.

Идя в своем научном поиске от древности, изучая культуру в ее многовековом развитии, академик предстает на зрелом этапе своей деятельности и как уникальный специалист по межнациональному культурному взаимодействию. Он знает больше других о том, как древняя культура «прорастает» в современную, в какой мере современная культура «опирается» на толщу веков. Он знает и о чудовищных, невосполнимых культурных утратах, которые понесло человечество на протяжении своей истории, как варвары приносили дикость в миры высокой культуры, оставляя пепелища на огромных пространствах, как «выкашивались» почти без следа целые цивилизации. Он видит, как сегодня человечество губит свою культуру и безо всяких войн, в будничной повседневности. Знание неправимости этих утрат непрерывно движет ученого к мысли о недостаточном понимании человечеством роли культуры в своем развитии, о недостаточности мер по защите культуры от варварства.

Подчеркну, что здесь речь идет не просто о культуре, а о ее особенном — целостном понимании. Культура, по Лихачеву, целостна настолько, что из нее нельзя убрать части, чтобы не навредить остальным. Не случайно академик А. А. Гусейнов с удивлением замечает, что «для Лихачева характерно тре-

петное отношение к культуре, как если бы она была живым существом, к тому же обладающим святостью»³⁰⁶. Отсюда, как понимает читатель, остается ровно один шаг до постановки вопроса о правах культуры.

К концу XX в. человечество уже не нужно убеждать в необходимости защищать природу. И идея прав человека утвердилась на большей части планеты, по крайней мере, на уровне провозглашенных, декларируемых и даже законодательно закрепленных постулатов. А вот культура, которая важна для человека не меньше, чем природа, и чем те или иные его отдельно взятые личностные права, остается без надлежащей защиты. Подчеркнем еще раз: не театры и живопись, не библиотеки и музеи, не памятники архитектуры в отдельности, а культура в целом, как обозначает это понятие сам Лихачев, — «культуросфера»³⁰⁷.

Разумеется, группа ученых, разработавших «Декларацию» под научным руководством Дмитрия Сергеевича, хотела бы, чтобы юридическое сообщество посмотрело на этот документ в более широком научном контексте, нежели позволяют рамки юриспруденции как самостоятельной и весьма определенно очерченной области научного знания. И на то есть более чем серьезные основания.

Представляется очевидным, что одной из основных тенденций многовекового развития науки является ее дифференциация, создание относительно автономных «цехов» ученых. Этот процесс невозможен без формирования неких базовых констант, на которых строится фундамент, а затем и здание соответствующих учений. Но иногда оказывается, что константы одной науки являются весьма относительными для другой. И появляется потребность в междисциплинарном диалоге. Для любого дипломированного юриста очевидно, что, строго (в рамках юриспруденции) говоря, культура не может

³⁰⁶ Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарии к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / СПбГУП. СПб., 2006. С. 27.

³⁰⁷ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 358.

быть субъектом права. В связи с этим разговор о «правах культуры» в контексте данной отрасли знания является формально некорректным. Но в иных «цехах» он ведется: философы, историки, культурологи и другие считают его необходимым.

Процесс дифференциации научного знания неизбежно вызывает к жизни иную — встречную — тенденцию: диалог наук, стремление к их взаимодействию и взаимообогащению. Думается, что большинство наиболее значительных научных прорывов современности вообще происходит именно на стыках наук, в междисциплинарных поисках. Скорее всего так происходит потому, что сами явления практики «не стремятся» оказаться целиком в русле категориального и, тем более, инструментального аппарата той или иной науки.

В связи с этим «Декларация прав культуры» становится одним из хороших поводов для диалога ученых различных специальностей о дальнейших путях защиты мирового культурного наследия и обеспечения развития российской культуры как в ее внутреннем историческом, многонациональном и социальном разнообразии, так и в мировом контексте — с учетом перспектив глобализации.

Возможно, «Декларация прав культуры» не будет принята еще очень долго. Тем не менее мы будем без устали ее обсуждать и продвигать в общественном сознании, что само по себе имеет, на мой взгляд, большое значение для состояния умов человечества. В мировом сообществе должно утверждаться лихачевское, воистину гуманистическое видение глобализации: когда над экономическими и политическими интересами превалируют интересы культуры, нравственности, гуманности.

Как бы то ни было, «Декларация» в ее нынешнем виде уже сама стала своего рода памятником культуры XX в., памятником академику Д. С. Лихачеву. Думается, с течением времени ее значение будет возрастать, она встанет в сознании потомков в один ряд с Нагорной проповедью, Великой хартией вольностей и другими достижениями человеческой мысли, не имеющими силы норм прямого юридического действия, но лежащими в основе сотворения таких норм. В этом документе Дмитрий Сергеевич формулирует, быть может, главное

свое открытие: **смысл жизни можно обрести только через приобщение к культуре.** Вот ответ академика Лихачева на вопрос, волнующий каждого мыслящего человека во все времена, в любые эпохи.

Следует отметить, что личность самого Д. С. Лихачева явилась ярчайшим явлением и российской, и мировой культуры, стала одним из символов ее величия. 25 ноября 1996 г., в преддверии своего 90-летия, академик Лихачев написал такие строчки на авантитуле первого (университетского) издания «Декларации»: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования человечества. Спасибо моим друзьям, благодаря которым “Декларация прав культуры” увидела свет. Давайте объединим усилия, чтобы заложенные в ней идеи были реализованы».

«Декларация прав культуры» — по сути научное и нравственное завещание Дмитрия Сергеевича. Долг нашего поколения — приложить все усилия к тому, чтобы замечательные идеи академика Лихачева, воплощенные в этом документе, были приняты мировым сообществом. Нужно добиться претворения этих идей в жизнь нашу и наших детей, в жизнь следующих за нами поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дмитрий Лихачев многие годы был открыт и научному миру, и обществу. Более того, он находился в центре внимания. Странно, но его жизненный путь на сегодня удивительно мало осмыслен, равно как и итоги научной работы.

Дмитрий Сергеевич был не просто потомственным петербуржцем. Стоит еще раз вдуматься в то обстоятельство, что помимо звания Почетного гражданина, присвоенного в 1993 г. ему лично, он был Почетным гражданином Санкт-Петербурга по праву наследования. Его дед в дореволюционное время был удостоен этого звания. Возможно, понятие Лихачева — означает понятие лучшее, что есть в Петербурге, в России, понятие те крупницы хорошего и ценного, что есть в нас самих. Это стоит сделать каждому, кто стремится быть хоть немного похожим на легендарную и почти исчезнувшую особую породу людей — петербургских, ленинградских интеллигентов.

...Дмитрий Лихачев, великий и одновременно чрезвычайно скромный человек, любил культуру своей страны неброской любовью настоящего интеллигента. Десять лет назад небольшой круг его друзей собрался во дворце Белосельских-Белозерских, чтобы поздравить Дмитрия Сергеевича с 90-летием. Тогда мы услышали от него такие слова: «Оглядываясь на прожитые годы, я могу сказать, что наиболее счастливыми были те периоды моей жизни, в которые мне удалось что-то сделать для русской культуры»³⁰⁸.

Прошло время, уже нет с нами академика Лихачева, страна почтила памятью 100-летие со дня его рождения. Юбилей среди прочего полезен и тем, что позволяют, поднявшись над рутинной будней, охватить взглядом события времен минувших, осмыслить их суть и логику в полноте внутренних и внешних взаимосвязей. Хочется верить, что юбилей Дмитрия Сергеевича послужит новой отправной точкой для фундаментального изучения его многогранного научного наследия, что труды академика Д. С. Лихачева, пронизанные истинным гуманизмом, нравственной красотой, высоким патриотическим чувством, будут сполна востребованы XXI веком.

---

³⁰⁸ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 45.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП; науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.
2. Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.
3. Лихачев Д. С. Вступление // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 7–10.
4. Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Логос, 1995.
5. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1996.
6. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в СПбГУП. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1996. С. 34–37.
7. Лихачев Д. С. Заветное. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006.
8. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989.
9. Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 276–284.
10. Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. (Писатель и время).
11. Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997.
12. Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб.: Logos, 1997.
13. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. (Сер. Почетные доктора Ун-та).
14. Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сборник исследований и статей / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 5–52.
15. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 316–329.
16. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 348–362.
17. Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. Изд-во СПбГУП, 2006. С. 87–163.
18. Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами. Дискуссия «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», октябрь 1998 года. Дворец Белосельских-Белозерских // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 69–72.

19. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 370–387. То же: Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
20. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999 (1-е изд.: РАН. Ин-т рус. лит. БЛИЦ, 1996).
21. Лихачев Д. С. Память истории священна // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 94–100.
22. Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 11–25; То же: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 261–275.
23. Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 164–170.
24. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Logos, 2006.
25. Лихачев Д. С. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996.
26. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.
27. Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 44–86.
28. Лихачев Д. С. Проповедь или поступок?: (Ответ на юбилейное приветствие Д. М. Буланина) // Русская литература. СПб., 1998. № 2. С. 212–213.
29. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб.: Наука, 1998.
30. Лихачев Д. С. Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1991.
31. Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 191–207.
32. Лихачев Д. С. Сады Лицея // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. То же: Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 244–260.
33. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худ. лит., 1985.
34. Лихачев Д. С. Спешите учиться // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 61–68.
35. Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

36. Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 363–369.
37. Лихачев Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990.
38. Лихачев Д. С. Экология культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 330–347.
39. Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991.
40. Лихачев Д. С. Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

* * *

1. Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.
2. Указ Президента РФ В. В. Путина «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева» № 110 от 14 февраля 2006 г.
3. Бестужев-Лада И. В. Есть ли будущее у интеллигенции? // Судьба российской интеллигенции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999. С. 59–66.
4. Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
5. Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1957.
6. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1971.
7. Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 года / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.
8. Гумилев Л. Н. «Дар слов мне был обещан от природы»: Лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. СПб.: Росток, 2004. С. 315.
9. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993.
10. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 2005.
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
12. Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарии к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.
13. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб., 2001.
14. Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7. С. 17.

15. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.
16. Жукова О. А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 112–113.
17. Запесоцкий А. С. Адвокат российской культуры. (К 100-летию академика Д. С. Лихачева) // Журнал российского права. 2006. № 11.
18. Запесоцкий А. С. Великий гражданин: Указом Президента В. В. Путина нынешний год объявлен Годом Лихачева // Трибуна. 2006. № 20. С. 5.
19. Запесоцкий А. С. Все начиналось с мантии для лихачева // Российская газета. 2006. № 108. С. 12.
20. Запесоцкий А. С. Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Конгресс российской интеллигенции / СПбГУП. СПб., 1998. С. 100–103.
21. Запесоцкий А. С. Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Судьба российской интеллигенции. Ч. 3: Конгресс интеллигенции России. СПб., 1999. С. 254–256.
22. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев: взгляд из XXI века // Наука и жизнь. 2006. № 12.
23. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.
24. Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006. № 10. С. 1026–1030.
25. Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев: многогранность научного наследия. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006 (Сер. Избранные лекции. Вып. 47).
26. Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев: человек будущего в университете будущего // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 3–10.
27. Запесоцкий А. С. К вопросу об исторической концепции Д. С. Лихачева // Отечественная история. 2007. № 2.
28. Запесоцкий А. С. К вопросу о педагогическом наследии академика Д. С. Лихачева // Педагогика. 2006. № 9. С. 44–54.
29. Запесоцкий А. С. Культура как смысл жизни // Звезда. 2006. № 11.
30. Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева // Общественные науки и современность. 2007. № 1.
31. Запесоцкий А. С. Культурософия Д. С. Лихачева и вызовы эпохи (к 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева) // Человек. 2007. № 1.
32. Запесоцкий А. С. Мантия для Лихачева // Очень^{UM}. 2004. № 4. С. 66–75.

33. Запесоцкий А. С. Модель гуманитарного университета и воспитание российского интеллигента: доклад на совместном заседании бюро Президиума РАО и Ученого совета СПбГУП. 9 февраля 2000 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2000.
34. Запесоцкий А. С. Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13.
35. Запесоцкий А. С. Неисполненное завещание академика Лихачева // Известия. 2006. № 90. С. 9.
36. Запесоцкий А. С. Несбывшаяся мечта Дмитрия Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. № 92. С. 6.
37. Запесоцкий А. С. Новые смыслы научного наследия Дмитрия Лихачева // Очень^{UM}. 2006. № 2 (36). С. 32–37.
38. Запесоцкий А. С. Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Педагогика. 2006. № 2. С. 3–13.
39. Запесоцкий А. С. Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования. 14 декабря 2005 года. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006.
40. Запесоцкий А. С. Осмысление научного и нравственного наследия Дмитрия Лихачева только начинается // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. № 61. С. 6.
41. Запесоцкий А. С. О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. 2006. № 6.
42. Запесоцкий А. С. О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. 2006. № 12.
43. Запесоцкий А. С. Право на культуру есть право на жизнь // Декларация прав культуры / СПбГУП. СПб., 1996. С. 5–8.
44. Запесоцкий А. С. Россия в глобальной культуре // Международная жизнь. 2006. № 12.
45. Запесоцкий А. С. Слово издателя // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1. Спецвыпуск к 100-летию со Дня рождения Д. С. Лихачева. С. 4.
46. Запесоцкий А. С., Кайсаров Е. А., Шор Ю. М. Дмитрий Лихачев и современная теория культуры // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1.
47. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центр-полиграф, 1995.
48. Ильенков Э. В. Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8, 9.
49. Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.
50. Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб., 2000. С. 32. (Б-ка Гуманит. ун-та; Вып. 10).

51. Конрад Н. И. Запад и Восток: статьи. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1972.
52. Лебедев О. Е. Уроки Лихачева для детей и взрослых // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг.
53. Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев. 1973.
54. Лесур Ф. Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1997. С. LXVII.
55. Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Салминой; библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. 3-е изд. М.: Наука, 1989. (Материалы к библиогр. ученых СССР; Сер. лит. и яз.; Вып. 17).
56. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., Харьков. 2000. С. 594–595.
57. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.
58. Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 42-48.
59. Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991.
60. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
61. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
62. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002.
63. Петр Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 712.
64. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
65. Санкин Л. А. Академик и Университет // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 1 сент.
66. Санкин Л. А. Дмитрий Лихачев — имя университетское // Высшее образование в России. 2006. № 10. С. 100–108.
67. Сто русских философов. М.: Мирта, 1995.
68. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж; Москва, 1996.
69. Судьба российской интеллигенции / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999.
70. Уроки Лихачева: методические рекомендации для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб., 2006.
71. Философы России XIX–XX столетия. Биографии, идеи, труды / авт.-сост. Алексеев А. П. [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1993. С. 170.
72. Чаадаев П. Я. Философические письма. М.: АСТ, 2006.
73. Чулаки М. М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 19–20.

74. Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.
75. Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе: сб. ст. Л.: Худ. лит., 1969.
76. Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 141–150; см. также: Милнер-Гулланд Р. Воспоминания о Д. С. Лихачеве // <http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>
77. Strawson P. Individuals // Philosophical problems today. V-1. Dordrecht. 1994. P. 28.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адрианова-Перетц В. П. 12, 20, 51, 52, 135
Алексий (Митрополит) 117
Алпатов М. 117
Алферов Ж. И. 139
Аникушин М. К. 178
Архимед 93
Афанасьев Ю. Н. 173
Багно В. Е. 183
Багратион П. И. 169
Бакланов Г. Я. 173
Бантыш-Каменский Н. Н. 12
Басилашвили О. В. 183
Бахтин М. М. 32, 121
Белинский В. Г. 23
Белодубровский Е. Б. 162
Бенуа А. Н. 93
Бердяев Н. А. 87, 89, 123, 142
Бестужев-Лада И. В. 141
Бехтерева Н. П. 178
Биллингтон Дж. 89
Благово Н. В. 169
Блок А. А. 137
Брейгель П. (Старший) 126
Буслаев Ф. И. 13
Васильев Б. Л. 3, 10, 173
Васнецов В. М. 38
Вознесенский А. А. 10, 178
Врубель М. А. 38
Выготский Л. С. 32
Ганди М. 17
Гейне Г. 21
Герцен А. И. 76
Гоголь Н. В. 22
Гончарова Н. С. 38
Горбачев М. С. 81, 173
Гордин Я. А. 183
Гранин Д. А. 13, 133, 134, 139, 140, 144, 159, 176, 183
Грек М. 142
Грек Ф. 114–117, 166
Грязнов Б. С. 128
Гумилев Л. Н. 41, 72–74, 76–78, 80, 82, 83, 85–87, 89
Гусейнов А. А. 13, 33, 120, 123, 126, 160, 188
Гуттенберг И. 94
Данте А. 83, 115
Даринский А. В. 175
Дионисий (Ареопагид) 117
Добролюбов Н. А. 23
Додин Л. А. 176
Донской Дмитрий 117, 119
Достоевский Ф. М. 31, 40, 75, 86, 103, 164
Дудинская Н. М. 291
Епифаний Премудрый 116
Жуковский В. А. 13
Жирмунский В. М. 105
Зализняк А. А. 92
Запесоцкий А. С. 4, 6, 10
Запесоцкий Ю. А. 10
Зимин А. А. 92
Зингер 98
Зиновьев А. А. 89, 173
Знаменов В. В. 183
Зобнин Ю. В. 10, 21
Зюганов Г. А. 173
Иконникова С. Н. 10, 175
Ильенков Э. В. 35
Ильин И. А. 39
Каган М. С. 142, 175, 183
Карамзин Н. М. 13, 142
Карлов Н. В. 140, 141
Ключевский В. О. 6, 27
Кожин В. В. 140
Кон И. С. 173
Конрад Н. И. 36

- Костенченский К. 112
Костомаров В. Г. 10
Кустодиев Б. М. 38
Кэрролл Л. 151
Лавров К. Ю. 139, 178
Лазарев В. Н. 114
Ландау Л. Д. 153
Лебедев О. Е. 159, 164, 165
Ледников Е. Е. 126
Лиханов А. А. 160
Лобачевский Н. И. 95
Логофет П. 116
Лосев А. Ф. 32, 121
Лотман Ю. М. 24
Лукьянов А. И. 173
Лютер М. 17
Малевич К. С. 38
Малиновский А. Ф. 12
Мальро А. 140
Мальшев В. И. 12
Маркс К. 122
Мао Цзэ-Дун 129
Менделеев Д. И. 93
Милнер-Гулланд Р. 24–27, 79, 129
Милонов Р. С. 10, 174
Моисеев Н. Н. 140, 141
Мономах Владимир 142
Мусин-Пушкин А. И. 11
Мыльников А. А. 183
Некрасов Н. А. 22
Нестеров М. В. 38
Ницше Ф. 149
Новиков Н. И. 142
Ньютон И. 93
Оккам У. 127
Орлов А. С. 12, 135
Осипов Ю. М. 173
Панченко А. М. 135
Парыгин Б. Д. 175
Пастернак Б. Л. 93
Пермский С. 116
Петрарка Ф. 83, 115
Петров А. П. 139, 176
Петров-Водкин К. С. 38
Пикассо П. 104
Пиотровский М. Б. 139, 183
Писарев Д. И. 23
Платон 87, 129
Платэ Н. А. 176
Попов Г. Х. 173
Поппер К. 124, 125
Потебня А. А. 13
Прокл 124
Пропп В. Я. 32
Прутков К. 134
Путин В. В. 11, 14
Пушкин А. С. 15, 40, 84, 137
Радищев А. Н. 142
Радонежский С. 115–118, 166
Растропович М. Л. 178
Раушенбах Б. В. 140
Рерих Н. К. 38
Рублев А. 116–118, 166
Руссо Ж.-Ж. 123
Рязанов Э. А. 178
Савицкий П. Н. 76
Санкин Л. А. 10
Свиридов Г. В. 178
Секацкий А. К. 132
Серпуховский В. А. 117
Скатов Н. Н. 135, 140, 173
Собчак А. А. 183
Солженицын А. И. 61, 141
Старовойтова Г. В. 173
Строусон П. 128
Струве Г. П. 86
Сувчинский П. П. 76
Сумароков А. П. 142
Сухомлинский В. А. 162
Тарханов И. Е. 175
Татищев В. Н. 73
Тиханова М. А. 91
Тойнби А. 36
Толстой Л. Н. 123
Триодин В. Е. 10, 183
Трубецкой Н. С. 76, 77, 89
Тынянов Ю. Н. 32
Филонов П. Н. 25, 38
Флоровский Г. В. 76
Фрейд З. 123

- Фрейденберг О. М. 32
Хантингтон С. 184
Хармс Д. И. 25
Чаадаев П. Я. 57, 74, 75, 123
Чернышевский Н. Г. 23
Чулаки М. М. 140
Шагал М. 38
Шахматов А. А. 52
Шехтер Т. Е. 10
Ширинский-Шихматов П. А. 121
- Шопенгауэр А. 122
Шпенглер О. 36
Шпет Г. Г. 120
Эйфман Б. Я. 176
Эйхенбаум Б. О. 21, 22
Ядов В. А. 140
Языкова И. К. 118
Янин В. Л. 7, 10, 92
Якобсон Р. О. 32

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кто — Мы? Откуда — Мы? Зачем — Мы? (Б. Л. Васильев) 3

Изучение трудов Д. С. Лихачева
станет продолжением его жизни (В. Л. Янин) 4

Приглашение к диалогу (от автора) 8

ВВЕДЕНИЕ. О национальном значении
научного наследия академика Д. С. Лихачева 11

ЧАСТЬ I

1. К вопросу о научном методе Д. С. Лихачева 18

2. Особенности культурологических воззрений 30

3. Лихачевская концепция отечественной истории 51

4. Образ России как культурная доминанта
Петровских реформ (глава написана Ю. А. Запесоцким) 64

5. Лихачев и Гумилев:
спор о евразийстве (в соавторстве с Ю. В. Зобниным) 72

6. Литературовед: классик и новатор 91

7. Взгляды на теорию и историю
искусства (в соавторстве с Т. Е. Шехтер) 100

8. О философской составляющей научных взглядов 120

ЧАСТЬ II

1. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция 131

2. Размышления об этике научной работы 149

3. К вопросу о педагогическом наследии 158

4. Дмитрий Лихачев — имя
университетское (в соавторстве с Л. А. Санкиным) 171

5. Декларация прав культуры 182

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
Литература	193
Именной указатель	200
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Основные даты жизни и деятельности Д. С. Лихачева ...	203
Д. С. Лихачев и Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов	210
Из официальной хроники	212
Библиография работ Д. С. Лихачева	215
Пояснения к публикуемым фотографиям	291

Н а у ч н о е   и з д а н и е

Александр Сергеевич ЗАПЕСОЦКИЙ

Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Редактор *Е. А. Монахова*

Дизайнер *А. Е. Таранак*

Верстка *Л. В. Климкович, Е. Ю. Николаевой*

Корректоры *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева, О. В. Смушко*

Подписано в печать с оригинал-макета 10.11.06. Формат 60x90/16

Гарнитура SchoolBook. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в типографии «Роск»

195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 8

www.rosk.spb.ru

ISBN 5-7621-0311-0

9 785762 103114

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СОАВТОРОВ

ЗОБНИН

**Юрий
Владимирович**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП. Автор более 100 научных трудов по литературоведению, теории и истории отечественной культуры. С 1995 г. — ответственный редактор академического собрания сочинений Н. С. Гумилева, издаваемого ИРЛИ РАН (Часть I, гл. 5).

САНКИН

**Лев
Абрамович**

профессор, первый проректор СПбГУП, Почетный работник высшей школы РФ. Автор свыше 70 работ по проблемам теории и методики деятельности общественных объединений, систем высшего образования, а также управления качеством учебно-воспитательной деятельности вуза (Часть II, гл. 4).

ШЕХТЕР

**Татьяна
Ефимовна**

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП. Автор более 110 научных публикаций по проблемам изобразительного искусства XX в., методологии современного искусствознания (Часть I, гл. 7).

ЗАПЕСОЦКИЙ

**Юрий
Александрович**

преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, аспирант СПбГУП. Научный руководитель рекламно-информационного агентства «Pro.Name». Автор сайта «Площадь Лихачева»: www.lihachev.ru (Часть I, гл. 4).